

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 5

Донецк – 2018

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 5

Донецк – 2018

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Ответственный секретарь – старший преподаватель **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Федоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»), д-р филол. наук, проф. **А. Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **С. А. Кочетова** (ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»); д-р филол. наук, проф. **А. В. Петров** (ФГАОУ ВО «Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского», Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Петрова** (ФГАОУ ВО Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **И. А. Герасименко** (Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте, Российская Федерация); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Executive Secretary – Senior Lecturer **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V. M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **A. L. Factorovitch** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation); Doctor of Philology, Prof. **S. A. Kochetova** (Horlivka Institute for Foreign Languages); Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L. A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **I. A. Gerasimenko** (Humanities and Pedagogics Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 3 от 31.03.2017 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2018

ТЮРЕМНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

В данной статье рассматривается функционирование в повседневной речи людей тюремных аббревиатур. Актуальным для современной языковой ситуации является изучение использования арготизмов, определение функций и роли аббревиатур тюремных жаргонных средств. Целью статьи является выявление особенностей аббревиации в лексиконе заключенных (либо бывших заключенных), степень их проникновения в язык граждан, не нарушавших закон.

Ключевые слова: аббревиатуры, функции арга, тюремный жаргон.

Особо важной частью жизни человека, отбывающего или отбывшего срок тюремного наказания, является его речь, а если точнее, то ее насыщенность специфическим жаргоном и тюремной фразеологией. Очень часто исследователи-лингвисты их специфическую речь классифицируют в арга. Неотъемлемым его подразделом является именно аббревиация. В современном мире множество людей используют в своей речи аббревиатуры. Как не странно, тюремные жаргонизмы очень плотно осели в речи любого из нас, и многие, наверняка, этого даже не подозревают. Аббревиация относится к безаффиксным способам словообразования и представляет собой образование существительного на базе двучленного или многочленного сочетаний слов, основы которых входят в состав производной единицы в усеченном виде.

Арга — социальный диалект, развившийся в среде деклассированных элементов общества, как правило, профессиональных преступников и/или заключённых исправительных учреждений. Представляет собой систему терминов и выражений, призванных изначально идентифицировать участников преступного сообщества как обособленную часть социума, противопоставляющую себя законопослушному обществу.

Тюремный арга как диалект начал формироваться еще в царских тюрьмах в XIX веке, однако тогда он представлял собой систему условных терминов подпольных антимонархистских элементов. По большей мере, это был и не жаргон вовсе, а скорее комплекс подпольных обозначений для обмена скрытой информацией.

В том виде, в котором уголовный арга представлен нам сегодня, этот диалект начал свое формирование, совершив виток развития в 20-30-е годы прошлого века, в период создания Государственного управления исправительных лагерей (ГУЛАГ), которые впоследствии и стали гнездом для зарождающегося жаргона. Тут нельзя не отметить огромную роль именно советской идеологии, из-за которой у арга на первое место выдвинулась тенденция антикоммунизма. По мере формирования общих принципов жизни советских тюремных заключенных, которые базировались на ненависти к советской власти, складывалась и тюремная речь. Так, эволюционируя,

«понятия» из негласных «принципов обиженных» превратились в «принципы озлобленных» и «воровской закон».

В тюремном аргю выделяется три основных типа аббревиатур:

- официальные общеупотребительные (СИЗО – следственный изолятор, КПЗ – камера предварительного заключения);
- официальные топонимические (ГУВД – главное управление внутренних дел, УИТУ – управление исправительно-трудовых учреждений);
- тюремные аббревиатуры (АЛЕНКА – а любить ее надо, как ангела, ВУЗ – вечный узник зоны).

В тюремных аббревиатурах зашифрованы не организации или органы, а целые фразы или лозунги. Их авторство принадлежит исключительно самим арестантам. К официальным аббревиатурам (общеупотребляемым и топонимическим) мы относим функции: компрессивную (как основную) и частично экспрессивную; к тюремным же: компрессионная функция, отвечающая за обыкновенное сокращение длинных и труднопроизносимых терминов, но не менее важными являются и экспрессивная функция для придания общей окраски тексту и конспиративная функция для попытки скрыть смысл содержимого сказанного или написанного. Здесь же сразу стоит отметить, что тюремные аббревиатуры свои функции несколько деформируют и адаптируют, скажем так, под себя. Так, экспрессивная функция обретает особый изобразительный характер, а также дополняется речевой «лозунгообразностью».

Семантика тюремных аббревиатур зачастую представляют собой целые фразы и соответственно поддается смысловому анализу. Часто они имеют вид благозвучных, как бы «лояльных» имен нарицательных:

МИР несет в себе, казалось бы, исключительно положительный смысл, а на деле означает «Меня исправит расстрел»;

АЛЛЮР – Анархию люблю любовью юной – радостно;

БЛИЦ – Береги любовь, цени свободу;

БОГ – 1. Был осужден государством; 2. Бог отпустит грехи; 3. Боюсь остаться голодным; 4. Буду опять грабить; 5. Будь осторожен, грабитель;

ВОСК – Воля ослабнет – скоро конец;

ЕВРОПА – Если вор работает – он падший арестант;

КРЕСТ – Как разлюбить, если сердце тоскует;

ПРАВИЛА – Правительство решило арестовать всех и лишать амнистии;

САТУРН – Слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно;

ТЕНИС – Ты есть – нежность и слезы;

ТИГР – Тюрьма – игрушки.

Это в какой-то мере говорит об ироничности судьбы самого заключенного.

Аббревиатуры тюремного происхождения, выполняя свою конспиративную функцию, могут несколько выходить за ее рамки и получать свое распространение за пределами тюрем. Поскольку расшифровка данных аббревиатур ясна далеко не всем, а о значении человек может догадываться или даже знать его, такого рода сокращения могут постепенно оседать в речи и укореняться в ней. Так влияние «тюремной культуры» будет расти через подобного рода «пассивных» носителей, пока какой-либо из них не заинтересуется ее значением и не станет частью преступного мира. Конечно, разумный человек, даже если и почерпнет для себя знания о какой-либо аббревиатуре, будет использовать ее только для обогащения своего багажа познаний. Однако никто не может взять на себя ответственность за разумность каждого. А потому иной раз это может закончиться лишь ростом числа преступников закона.

Достаточно привести в пример весьма известную ныне тюремную аббревиатуру «АУЕ». Значение ее – «Арестантский уклад един». О происхождении сокращения ведутся споры: существуют утверждения о развитии его в условиях тюрьмы еще с 50-х годов прошлого века, некоторые же говорят, что аббревиатура родилась вне ее пределов.

АУЕ - название и девиз предположительно существующего российского неформального объединения банд, состоящих из несовершеннолетних (подростков, юношей и девушек).

Даже из определения понятно, на какую сферу оказывает влияние данная аббревиатура – юные и неокрепшие умы. Она начала появляться еще с 2013 года и получила свое распространение не только посредством устной речи, но и через сеть «Интернет». Получив толчок от одного из YouTube-блоггеров по псевдониму Мопс Дядя Пес, аббревиатура стала трендом для многих групп и пабликов в социальной сети «ВКонтакте». Аббревиатура стала объектом шуток и так называемых «мемов» и тем самым очень легко и быстро распространилась по всему русскоязычному интернету. Казалось бы, что плохого в безобидных шутках? Однако именно эта шутивая форма может повлечь за собой весьма неприятные последствия.

Среди первокурсников Луганского национального университета Института культуры и искусств был проведен опрос относительно конкретно данной аббревиатуры. Респондентам были заданы вопросы: знакомы ли вы с термином «АУЕ», использовали ли вы этот термин в своей речи, если использовали, то для чего, знаете ли вы расшифровку этой аббревиатуры?

Все респонденты ответили, что с термином знакомы. 100% опрошенных, использовавших в речи аббревиатуру «АУЕ», делали это в шуточном контексте. Но что самое важное, это то, что 80% всех опрошенных не знают расшифровки данного сокращения. Большинство людей знают только контекст употребления «АУЕ», но не его расшифровку.

Это прямое доказательство действительной опасности такого рода форм тюремной речи. Конспиративная функция тюремной аббревиации скрывает ее смысл от простых людей и таким образом распространяется в сфере общения. «Тюремная культура» не несет в себе ничего положительного. Это бандитские законы и правила, выполнение которых приведет к краху всей социальной сферы. Распространения «тюремной культуры» как объекта реального поклонения допустить нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдаев Д.С. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: Речевой и графический портрет советской тюрьмы. – М.: Края Москвы, 1992. – 525 с.
2. Лещенко О. В. Влияние криминальной субкультуры на правосознание несовершеннолетних // Евразийский союз учёных. — 2016. — № 6-4 (27). — С. 21—22.
3. Липатов А. Т. Синтонимия и аббревиация / А.Т.Липатов // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева.- Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.– Т. 1. 3.
4. Сулим С. Что такое АУЕ и стоит ли его опасаться. Это «объект поклонения криминальных подростков» или городской фольклор? // Meduza. — <https://golos.blog/ru-istorii/@mr-pers/cto-takoe-aue-i-stoit-li-ego-opasatsya-eto-obekt-pokloneniya-kriminalnykh-podrostkov-ili-gorodskoi-folklor> — 20.06.2017

PRISON ABBREVIATIONS IN THE SPEECH OF MODERN SOCIETY

This article discusses the functioning of prison abbreviations in the everyday speech of people. Relevant to the modern language situation is the study of the use of argotisms, the definition of the functions and the role of abbreviations of prison jargon. The purpose of the article is to identify the features of the abbreviation in the lexicon of prisoners (or former prisoners), the degree of their penetration into the language of citizens who did not violate the law.

Key words: abbreviations, argot functions, prison jargon.

УДК 811.161.1' 373.7

И.Э. Крылова

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
(Научн. рук доцент., к. филол. н. И.А.Соболева)*

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ТИПАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В статье рассматриваются и сравниваются типы фразеологических единиц современного русского языкознания в соответствии с классификациями В.В. Виноградова, В.Н. Телии, Н.М. Шанского.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.

Исследования всего множества фразеологических единиц (далее – ФЕ) русского языка предполагает их распределение на различные классификации. Представленная тема актуальна вследствие того, что большинство ученых занималось исследованием в сфере типологии фразеологических единиц, но к единой классификации русские языковеды так и не пришли.

Цели:

1. Изучить работы лингвистов по поводу типологии фразеологических единиц;
2. Рассмотреть классификации ФЕ;
3. Определить одну классификационную модель, на которую стоит ориентироваться в своих научных изысканиях.

Задачи:

1. Изучение литературных данных на предмет типов фразеологических единиц;
2. Анализ типологических классификаций ФЕ.

Семантическая классификация ФЕ В.В.Виноградова основывается на компонентном составе значения ФЕ: ее идиоматичности, мотивированности, наличии или отсутствии внутренней формы и фразеологического образа, выраженности коннотаций и др. В своей классификации В.В. Виноградов делит всю совокупность фразеологических единиц на три типа: 1) фразеологические сращения; 2) фразеологические единства; 3) фразеологические сочетания. Первый и второй тип фразеологических единиц входят в состав идиом. Фразеологические сочетания

представляют собой аналитическую (семантически и синтаксически расчлененную) единицу, где только один из компонентов обладает фразеологически связанным значением.

Все три типа ФЕ имеют свои дифференциальные (семантические, лексические, грамматические) признаки, по которым они противопоставляются друг другу [2, с. 144].

Рассмотрим подробнее классификацию В.В. Виноградова:

1) фразеологические сочетания – это обороты, в которых один из компонентов имеет фразеологически связанное значение, проявляющееся только в связи с определенным рядом понятий и их словесных обозначений. В.В. Виноградов подчеркивал, что для такого ограничения как будто нет оснований в логической природе самих обозначаемых предметов, действий или явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Эти сочетания иногда образуются словами с несколько ограниченной сочетаемостью, но стоят ближе всего к переменным («свободным») словосочетаниям, например, *страх берет, тоска берет, зависть берет*, однако нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет* и так далее.

2) Фразеологические единства – это тоже семантически целостные и неделимые ФЕ, но их значение мотивированно, т.е. оно вытекает из значения компонентов. Неразложимость же возникает за счет образного переосмысления целого оборота, его обобщенно-переносной, метафорической семантики. В.В. Виноградов по этому поводу писал: «Во фразеологическом единстве слова подчинены слитности общего образа или внутренней цельности общего значения... Значение целого здесь абсолютно неразложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них — и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния» [1, с. 145].

В.В. Виноградов выделяет, таким образом, четыре признака фразеологических единств: образность (переносное значение); экспрессивность; невозможность синонимической замены одного из компонентов; замена всего выражения равнозначным словом или выражением. Примеры: *тянуть ляжку* («заниматься тяжелым или однообразным трудом»), *белая ворона* («человек, резко выделяющийся среди других»), *закинуть удочку* («намекнуть, разведать, разузнать»), *из пальца высосать* («вывести из ничего») и т.п.

К фразеологическим единствам В.В. Виноградов относит также пословицы и поговорки с иносказательным смыслом: *смелость города берет, в тихом омуте черти водятся, а ларчик просто открывался, Федот да не тот* и т.п.

3) Фразеологические сочетания – это устойчивые фразеологизированные сочетания слов, в которых значения слов-компонентов обособлены, но не свободны, а фразеологически связаны. Компоненты фразеологических сочетаний осознаются как отдельные слова, имеющие самостоятельное значение, но один из компонентов обладает фразеологически связанным значением. Примеры: *чреватое последствиями, заклятый враг, закадычный друг, щекотливый вопрос, обдать презрением, расквасить нос, крошечная тьма, проливной дождь* и т.п. Компоненты ФЕ обладают фразеологической связанностью, т.е. употребляются только с одним конкретным словом, и это способствует устойчивости и воспроизводимости всего выражения [1, с. 140-161].

Таким образом, фразеологические сочетания семантически делимы, мотивированны, имеют обычно прямой смысл. Они ближе всего к свободным словосочетаниям, однако, фразеологическая связанность одного из компонентов делает

их устойчивыми и воспроизводимыми, что позволяет В.В. Виноградову включать их в состав ФЕ.

Однако, фразеологические сочетания — промежуточное звено между свободными словосочетаниями и фразеологизмами (идиомами). Поэтому некоторые авторы их к ФЕ не относят и не включают во фразеологические словари (например, их нет во «Фразеологическом словаре русского языка» А.И. Молоткова, который против того, чтобы считать сочетания фразеологизмами даже переходного типа) [3].

Напротив, другие авторы расширяют типологию фразеологизмов и относят к ним некоторые промежуточные типы устойчивых оборотов. Так, Н.М. Шанский выделяет еще один тип ФЕ:

4) Фразеологические выражения – это сочетания слов, получившие устойчивость и воспроизводимость, но целиком состоящие из слов со свободным значением. Это составные неметафорические наименования (*дом отдыха, читательский билет, читальный зал, высшее учебное заведение*), описательные обороты (*одержать победу, наносить вред, завести знакомство, водить дружбу*), неметафорические пословицы, поговорки, крылатые фразы и т.п. (*любви все возрасты покорны, в здоровом теле здоровый дух, старость не радость*) [5, с. 84].

Однако включение пословиц и поговорок в состав ФЕ значительно расширяет понимание фразеологии и фразеологической единицы. Фразеологизмы – единицы, как уже говорилось, номинативные (называющие определенное понятие действительности), они функционируют в речи как слово и в составе предложения играют роль какого-либо члена предложения. Пословицы и поговорки – единицы коммуникативные, называющие не понятие, а суждение и представляют собой законченное предложение. Поэтому пословицы и поговорки относят к области паремий и паремиологии. Тем не менее, пословицы и поговорки можно рассматривать как фразеологический фонд языка и классифицировать их в качестве единств (*кашу маслом не испортишь, быть бычку на веревочке*) или выражений (*знание — сила; ученье свет, а неученье тьма*).

Таким образом, в широком смысле к ФЕ относят и паремии, и крылатые слова, и речевые клише и штампы, и прецедентные тексты (хотя и осознают собственно фразеологизмы как классические).

Так, В.Н. Телия («Русская фразеология», 1996) выделяет следующие типы ФЕ:

1. Идиомы, т.е. классические ФЕ, соответствующие сращениям и единствам по В.В. Виноградову, которые составляют ядро фразеологии: *из-под палки, ходить по струнке, шито белыми нитками*.

2. Аналитические лексические коллокации – устойчивые словосочетания, один из компонентов которого самостоятелен и выполняет роль ключевого и мотивирующего весь фразеологизм. К ним, таким образом, относятся фразеологические сочетания (по В.В. Виноградову) и примыкают фразеологические выражения (по Н.М. Шанскому): *взять под контроль, коротко и ясно, слово в слово, зло берет, оказать помощь, сфера деятельности, иметь терпение, заклятый враг*.

3. Речевые клише и штампы – речевые формулы разговорной речи, в том числе и ритуальные: *битва за урожай, пусть земля будет пухом, добро пожаловать, прошу извинения*.

4. Прецедентные тексты (крылатые слова) – цитаты из художественных произведений или высказываний известных лиц, названия произведений: *процесс пошел, голый король, быть или не быть, охота к перемене мест*.

5. Паремии – пословицы и поговорки, присказки, приметы, шуточные речения: *в ногах правды нет, прокурор добавит, выше головы не прыгнешь, свистеть – к покойнику* [4, с. 58–59].

В.Н. Телия рассматривает типы ФЕ с точки зрения семантико-прагматической классификации (по тематическим полям): например, ФЕ «характеристика лица» – по социальному положению (*гол как сокол, голь перекатная, ни кола ни двора, мелкая сошка*), по свойствам характера (*не робкого десятка, стреляный воробей, как сонная муха*), по физическим признакам (*от горшка два вершка, верста коломенская, косая сажень в плечах*) и т.п.

Е. И. Диброва решает проблему определения типов фразеологизмов в соответствии с классификацией, предложенной В. В. Виноградовым, по которой ФЕ делятся на три группы: фразеологические сращения фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Мы рассмотрели разные варианты классификации фразеологизмов, на основе которых сделаем следующий вывод, что все ФЕ современного русского языка можно разделить на 3 вышеперечисленные группы. В нашем исследовании фразеологических единиц мы будем придерживаться именно такой точки зрения, так как эта классификация является наиболее известной и широко распространенной в лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.

2. Диброва, Касаткин, Николина, Щеболева 2001 - Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учебник для вузов: В 2 ч. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Сост.: Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Николина Н. А., Щеболева И. И. – М.: Академия, 2001. – С. 144.

3. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. - М., 1977.

4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 58–59.

5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – С. 84.

I.E. Krylova

TO THE QUESTION OF THE BASIC TYPES OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE KNOWLEDGE

The article discusses and compares the types of phraseological units of modern Russian linguistics in accordance with the classifications of V.V. Vinogradova, V.N. Telia, N.M. Shansky.

Key words: *phraseological units, phraseological adhesions, phraseological unity, phraseological combinations.*

П.А. Лебедева
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. М.Ф. Шацкая)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РАСКРЫТИИ ОБРАЗОВ НАСТАСЬИ ФИЛИППОВНЫ И АГЛАИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)

Статья посвящена языковым средствам, выражающим оценку в ходе раскрытия женских образов Настасьи Филипповны и Аглаи в романе Фёдора Михайловича Достоевского «Идиот». Выявляются виды оценок и языковые средства, в которых они заключены. Проводится сопоставительная характеристика различных видов оценок, использующихся в раскрытии названных выше персонажей.

Ключевые слова: лексические средства, оценка, синтаксические средства, стилистические средства, троп, эпитет.

В процессе познавательной деятельности субъект формирует свое отношение к объектам действительности, основанное на оценке этих объектов. Оценочность как лингвистическое понятие может быть определена «как произведенная операция над предметом высказывания» [7, с. 121], выражающая широкий спектр отношений субъекта к объекту. О.С. Синепупова, изучая оценочную «картину мира», отмечает: «Оценка понимается как приписывание положительных или отрицательных свойств объекту речи... Оценочная семантика есть многоаспектное явление, заключающееся в потенциале слова, фразеологизма или словосочетания, способного эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной шкале» [9, с. 7].

Н.Д. Арутюнова пишет: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1, с. 5].

В современной лингвистике структуру, виды, средства выражения оценки учёные описывают и систематизируют по-разному. Большинство исследователей рассматривают данную категорию вслед за Е.М. Вольф, которая в своей монографии подчеркивает, что «оценка может даваться по самым разным признакам (истинность/ложность и т. д.). Однако основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаком хорошо/плохо» [5, с. 12]. Отношение субъекта представлено в языковых единицах, прежде всего лексических.

В классификации Н.Д. Арутюновой оценки делятся на основании того, что явилось причиной ее вынесения субъектом оценки. В соответствии с этим частнооценочные значения подразделяются на: 1. Сенсорные оценки: 1) сенсорно-вкусовые или гедонистические оценки – то, что нравится (приятный - неприятный); 2) психологические, среди которых различаются: а) интеллектуальные (интересный - неинтересный); б) эмоциональные (радостный - печальный). 2. Сублимированные или абсолютные оценки: 3) эстетические (красивый - некрасивый); 4) этические (моральный - аморальный). 3. Рационалистические оценки: 5) утилитарные (полезный - вредный); 6) нормативные (правильный - неправильный); 7) телеологические (эффективный - неэффективный) [2, с. 66]. Оценочность в отображении этих образов

может проявляться как при употреблении целого высказывания, так и лишь его части. В нашем исследовании мы будем использовать классификацию оценки Н.Д. Ауртюновой.

Целью оценочного высказывания в большинстве случаев является оказание особого воздействия на адресата. Оценочность тесно взаимодействует с такими языковыми явлениями, как экспрессивность и эмоциональность.

В русском языке для выражения оценки используются не только лексемы, но также морфемы, словосочетания, интонация, контекст. При анализе художественных текстов особенно важно разграничивать оценочность речевую (контекстуальную, ситуативную, индивидуальную) и языковую, закрепленную в языковом значении данной леммы. Речевая индивидуальная оценочность проявляется в авторском употреблении языковых единиц, таким образом, в автобиографических текстах исследование именно такой оценочности позволяет описать и охарактеризовать образ рассказчика. Оценочная лексика посредством разграничения по признаку хорошо/нормально/плохо создает субъективное видение мира рассказчиком/говорящим. Субъект речи при этом предстает как «человек мыслящий (приписывающий ценность на основе познанного другими и познаваемого им самим), чувствующий(испытывающий положительные, отрицательные эмоции либо безразличие) и действующий – говорящий (выражающий свое ценностное отношение и воздействующий им на окружающих) одновременно» [9, с. 8].

Оценка может быть на основе логики или чувств. В зависимости от этого ее подразделяют на рациональную, т.е. связанную с логическим началом, и эмоциональную, т.е. отражающую чувственное восприятие объекта. Такое деление условно. Многие ученые (Ш.Балли, Л.А.Киселева, В.И.Шаховский, Н.А.Лукьянова и др.) считают, что «человеческая мысль постоянно колеблется между логическим восприятием и эмоцией, и чаще всего мысль складывается одновременно из логической идеи и чувства» [3, с. 182].

Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» характеризуется высокой степенью оценочности, выражением как положительных, так и отрицательных эмоций в их градации, а также повышенной экспрессивностью, которая создается за счет стилистически маркированной лексики, морфологических, словообразовательных, стилистических и синтаксических средств. Мы рассмотрим языковые средства, служащие для выражения оценки двух героинь романа – Аглаи и Настасьи Филипповны.

Аглая, младшая из сестер, является всеобщей любимицей в семье Епанчиных, о чем свидетельствует перифраза, заключающая в себе сублимированную оценку: *...общего домашнего идола — младшей*. Далее, слово *идол* (ср.: *идол* – ‘предмет восхищения’ [8, с. 305]) выступает и как метафора: *к Аглае, которая была ее идолом; Милый друг, идол ты мой! — целовал ее руку весь просиявший от счастья генерал*. Как видим, при помощи стилистических средств дается положительная субъективная оценка главной героини.

Позитивность в оценке внешности Аглаи Епанчиной несут в себе следующие средства: лексических, выражающих сенсорно-вкусовую оценку: *...все три были замечательно хороши собой...* (об Аглае и ее сестрах): *...сказал, что Аглая Ивановна почти так же хороша, как Настасья Филипповна; Это ведь ваша дочь Аглая Ивановна? Она так хороша, что я давеча с первого взгляда угадал ее, хоть и никогда не видал. Дайте мне хоть на красавицу-то в последний раз в жизни посмотреть...; Эта младшая была даже совсем красавица и начинала в свете обращать на себя большое внимание...; Бесспорною красавицей в семействе ... была младшая,*

*Аглая...;...вы **чрезвычайная красавица**, Аглая Ивановна. Вы так хороши, что на вас боишься смотреть...*

Внешность Аглаи Епанчиной имеет положительную оценку. Все говорят о ней как о «красавице» и что она «хороша». Её даже сравнивают с Настасьей Филипповной, о которой мы будем говорить дальше.

Синтаксические средства дают полное представление о том, насколько Аглая умна, начитана и прекрасно воспитана наравне со своими старшими сёстрами: *... все три отличались образованием, умом и талантами; С ужасом говорилось о том, сколько книг они прочитали;...она вовсе не так глупо воспитана...(мать об Аглае).*

Любовь сестёр друг к другу имеет бесспорно положительную оценку и представляется нашему вниманию с помощью стилистических средств – эпитетов: *...несколько **слепая любовь*** (‘совершающийся без разумного основания’)[8, с. 953] и *слишком **горячая дружба*** (‘полный сил, чувств’)[8, с. 179] *сестер...* и лексических средств: *...они **замечательно любили** друг друга, и одна другую поддерживали...*

Однако показаны и отрицательные стороны в образе младшей дочери Епанчиных. Так, мать Аглаи негативно отзываясь о ней, что в тексте романа находит отражение через лексические (*избалованный* – ‘изнеженный, капризный’ [8, с. 306]; *самовольный* – ‘поступающий по своему усмотрению, прихоти, произволу’ [8, с. 907]; *нигилист* – ‘вольнодоумец’ [8, с. 528], *чудака* – ‘человек со странностями’ [8, с. 1162]) и стилистические (эпитеты и метафоры: *бесенок* – ‘ребёнок, шалун’ [8, с. 54]; *безумный* – ‘крайне безрассудный’ [8, с. 52]) средства, которые несут психологическую оценку: *Ну эта, положим, со злости делала, чтобы мать измучить, потому что **девка злая, самовольная, избалованная**, но, главное, **злая, злая, злая!**; За что ты всё **злишься**, не понимаю...(генеральша Епанчина об Аглае);...говорила про себя Лизавета Прокофьевна, — **самовольный, скверный бесенок! Нигилистка, чудачка, безумная, злая, злая, злая!** О, господи, как она будет несчастна!;...она **гневалась** очень часто... Лизавета Прокофьевна сравнивает себя и свою дочь с помощью синтаксического средства: *Я вот **дура с сердцем без ума**, а ты **дура с умом без сердца**; обе мы и несчастны, обе и страдаем.**

Что же говорит о своей дочери генерал Епанчин? Довольно противоречивая характеристика передается эпитетами и развёрнутыми метафорами, выражающими этическую оценку: *Но ведь это такое **самовольное и фантастическое создание*** (‘причудливый, волшебный’ [8, с. 1112]), *что и рассказать нельзя! Все великодушия, все блестящие качества сердца и ума — это всё, пожалуй, в ней есть, но при этом каприз, насмешки, — словом, **характер бесовский и вдобавок с фантазиями**;...она смеется, — и, кажется, **бесенок** этот меня за это особенно любит, то есть больше всех других, кажется;...когда вдруг этот **хладнокровный бесенок...*** (‘спокойный, обладающий хладнокровием’ [8, с. 1130]);...*этот **хладнокровный бесенок** так вдруг и объявляет с усмешкой...*

Самопрезентация Аглаи тоже носит негативный характер. В тексте романа это передается с помощью лексических средств, заключающих в себе этическую оценку (жестокий – ‘крайне суровый, безжалостный, беспощадный’ [8, с. 245]; дрянной – ‘никуда не годится’ [8, с. 230]): ***Жестокая!** да, жестокая! — подхватила вдруг Аглая. — **Дрянная! Избалованная!** Скажите это папаше; Простите **глупую, дурную, избалованную девушку** (она взяла его за руку)...*

На самом деле заносчивая, жестокая, избалованная красавица Аглая в душе является ребенком: *В каждой гневливой выходке Аглаи (а она гневалась очень часто) почти каждый раз, несмотря на всю видимую ее серьезность и неумолимость,*

проглядывало столько еще чего-то **детского**, нетерпеливо школьного и плохо припрятанного...; Ему даже не верилось, что пред ним сидит та самая высокомерная девушка, которая так гордо и заносчиво прочитала ему когда-то письмо Гаврилы Ардалионовича. Он понять не мог, как в такой заносчивой, суровой красавице мог оказаться **такой ребенок**, может быть действительно даже и теперь не понимающий всех слов **ребенок**.

Обратимся теперь к другому персонажу – Настасье Филипповне Барашковой. В описании ее внешности присутствуют лексические средства, выражающие сенсорно-вкусовую оценку: **Удивительно хороша!**; **Удивительное лицо!** ('необычайный') [8, с. 1081], а также синтаксическое средство: **...необыкновенной красоты женщина...** в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона...волосы, по-видимому темно-русые...; стилистические средства (эпитеты, несущие психологическую (эмоциональную) оценку: **глубокий** – 'обладающий глубиной, большой и сильный' [8, с. 169]; **страстный** – 'проникнутый сильным чувством' [8, с. 1011]; **высокомерный** – 'презрительно-надменный' [8, с. 152]): **глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна...** У Настасьи Филипповны загадочный взгляд, который передается в тексте с помощью сравнительной конструкции: **...при взгляде, например, на эти глаза: как бы предчувствовался в них какой-то глубокий и таинственный мрак** ('закрывающий в себе тайну'), ('о чём-н. совершенно невыясненном') [8, с. 1030,464]. **Этот взгляд глядел — точно задавал загадку...**

Настасья Филипповна получила достойное домашнее образование, а также она умна Эта информация передается с помощью лексических средств (**изящная** – 'отличающийся изяществом' [8, с. 315]; **остроумие** – 'тонкость ума, обнаруживающаяся в поступках' [8, с. 595]), выражающих эстетическую оценку: **...ее образование, изящная манера, остроумие...**

О характере героини свидетельствуют следующие высказывания, в которых употреблены лексические средства (**гордый** – 'исполненный чувства собственного достоинства' [8, с. 176]; **необыкновенный** – 'чрезвычайный, крайний' [8, с. 518]; **веселый** – 'проникнутый весельем, выражающий его' [8, с. 93]), отражающие психологическую, эмоциональную оценку: **Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!**; **гордость «оскорбленной и фантастической женщины» доходит уже до такого исступления...;...я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!**

Пережившая много горя Настасья Филипповна не дорожит ни собой, ни чем другим на свете. Стилистические средства (эпитеты) и различные синтаксические конструкции, в которых заключена психологическая оценка, дают возможность более полно представить всю картину мы можем увидеть с помощью эпитета и синтаксических средств: **...она давно уже перестала дорожить собой...;...нежившая! душа...; ...существо, которое не только грозит, но и непременно сделает, и, главное, ни перед чем решительно не остановится, тем более что решительно ничем в свете не дорожит, так что даже и соблазнить его невозможно...** Так, Настасья Филипповна не верит в свое будущее счастье и как будто любит свою тоску: **...тут один только неопределенный мрак** ('глубокое уныние, печаль') [8, с. 464], **полное неверие в обновление жизни, которая так прекрасно могла бы воскреснуть в любви и в семействе и принять таким образом новую цель; что тут гибель способностей,**

может быть блестящих, добровольное любование своею тоской, одним словом, даже некоторый романтизм, не достойный ни здравого ума, ни благородного сердца Настасьи Филипповны...

Презрение Настасьи Филипповны к Тоцкому за то, что он сломал ей жизнь, передается лексическими средствами, имеющих психологическую оценку: *...существо...никогда оно не имело к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты..* ('глубоко пренебрежительное отношение к чему-л.' [8, с. 752]); *...она в высшей степени его понимала и изучила, а следственно, знала, чем в него и ударить..*; метафора и лексическое средство: *...какая-то душевная и сердечная бурда* ('путаница, чепуха, вздор' [8, с. 78]), — *что-то вроде какого-то романтического негодования бог знает на кого и за что, какого-то ненасытимого чувства презрения* ('не удовлетворяющийся') [8, с. 518], *совершенно выскочившего из мерки...*

Настасья Филипповна может жить роскошно, пользуясь Тоцким, но живёт скромно и уединённо, ничто и никто не может произвести впечатление на неё: *...хотя приняла предложенный ей комфорт, но жила очень скромно и почти ничего в эти пять лет не скопила...;...князья, гусары, секретари посольств, поэты, романисты, социалисты даже — ничто не произвело никакого впечатления на Настасью Филипповну, как будто у ней вместо сердца был камень, а чувства иссохли* ('истощились' [8, с. 329]) *и вымерли* ('исчезли' [8, с. 146]) *раз навсегда. Жила она больше уединенно* ('одиоко' [8, с. 1083]), *читала, даже училась, любила музыку. Знакомств имела мало...* Так, при помощи синтаксических и стилистических (метафор) средств передается негативная оценка.

Настасья Филипповна – необыкновенный человек, женщина с непредсказуемым характером, что передается следующими эпитетами и фразеологизмом (*из ряду вон* – 'резко отличающийся от других' [8, с. 903]): *...тут хохотало пред ним и кололо его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо...* ('сущность, внутреннее содержание чего-л.' [8, с. 1024]); *Она вдруг выказала необыкновенную решимость и обнаружила самый неожиданный* ('такой, которого не ожидали, непредвиденный' [8, с. 519]) *характер...;...он имеет теперь дело с существом совершенно из ряду вон...*

В результате проведённого исследования мы выяснили, что оценочная лексика, использованная для описания образа Аглаи имеет, в основном, сенсорно-вкусовую и этическую оценку, а для представления Настасьи Филипповны – сенсорно-вкусовую и психологическую оценки.

Образ Аглаи рисуется метафорами, кроме того реже используются эпитеты и синтаксические средства. Характеристика Настасьи Филипповны отражается за счет лексических и синтаксических средств, стилистические средства (эпитеты и метафоры) используются меньше.

Общие оценки, которые автор дает двум главным героиням, – это ум, красота, образованность и непредсказуемость характеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1982. – С. 5–23.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: Учеб. пособие для вузов / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
6. Гус М. Идеи и образы Ф.М. Достоевского / М. Гус. – М.: Художественная литература, 1962. – 595 с.
7. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М: Едиториал УРСС, 2005. — 128 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 2003. – 1200 с.
9. Синепупова О.С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте (на материале печатных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.С. Синепупова. – М., 2006. – 13 с.
10. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Учебное пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. – 96с.

P.A. Lebedeva

**LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF EVALUATION THE
DISCLOSURE OF IMAGES OF NASTASYA FILIPPOVNA AND AGLAIA (Based on
the novel F. M. Dostoevsky "IDIOT»)**

The article is devoted to the linguistic means expressing the evaluation of Nastasia Filippovna and Aglaia's female images in Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's novel "the Idiot". The types of assessments and the language means in which they are concluded are identified. The comparative characteristic of various types of the estimations used in disclosure of the characters named above is carried out.

Key words: lexical funds, evaluation, syntactic, stylistic means, trails epithet.

УДК 81`42

A.C. Мазурова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д.филол.н., доц. Н. П. Курмакаева)*

ТИПОЛОГИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПРЕССЕ ДОНЕЦКА

В статье рассматриваются типология корпуса прецедентизмов и способы их функционирования в современном региональном дискурсе печатных СМИ ДНР.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентные феномены, типология прецедентных феноменов.

Теория прецедентности, опирающаяся на основные положения интертекстуальности, стала одной из актуальных и дискуссионных проблем в современной филологии. На современном этапе развития науки о языке тот факт, что языковая реальность тесно связана с окружающим нас миром, его общественными нормами и культурными ценностями, является неоспоримым. Свой вклад в формирование этих норм и распространение ценностей вносят средства массовой информации, призванные не только оперативно сообщать обо всем новом и

интересном, но и учить читателя, слушателя и зрителя воспринимать и правильно интерпретировать получаемую по разным каналам СМИ информацию.

Язык средств массовой информации – особенно газетной печати – тема, интересующая в наше время многих. Вопросами классификации прецедентных феноменов (ПФ) занимались многие ученые. основополагающими работами, которые лежат в основе всех исследований, связанных с прецедентными феноменами можно считать научные труды Ю.Н.Караулова [4], В.В.Красных [5], Д.Б.Гудкова [2], Ю.Е.Прохорова [6], А.А.Супрун, И.В.Захаренко [3] и других.

Целью данной статьи является создание классификации прецедентных феноменов по семантическому признаку (на материале региональной печатной прессы Донецка и Донецкой области). Изучение прецедентных феноменов в заголовках СМИ представляется весьма важным, так как знание универсальных и национально-прецедентных феноменов – показатель принадлежности к данной эпохе и культуре страны. Прецедентные феномены входят в коллективные фоновые знания лингвокультурного сообщества и являются существенным элементом культурной грамотности языковой личности.

В задачи исследования входило: определить основания для соответствующего деления прецедентных феноменов; предложить классификацию, подкрепленную конкретным фактическим материалом, сделанным на основании сплошной выборки из местных изданий за период 2015-2017 гг. Жанровая принадлежность не бралась нами во внимание.

Прецедентность как лингвистическое явление обусловлена национальными, социальными, историческими и другими факторами, поэтому может быть представлена на различных уровнях: национальном, социальном, универсальном, индивидуальном, и в разных сферах функционирования языка. Среди терминов, называющих данные явления, — «чужой» текст, текст «в тексте», «цитация», «прецедентный текст», «интертекст» и т.д. – нет устоявшегося обобщенного термина, объединяющего все случаи и источники проявления прецедентности. Самый востребованный среди них – прецедентный текст – используется в 2-х значениях, широко (прецедентный текст, прецедентный феномен, прецедентное высказывание, прецедентное имя) и узко. На наш взгляд, наиболее убедительным выглядит предложенный проф. В.В.Красных в монографии «Виртуальная реальность или реальная виртуальность?» (1998) обобщенный термин **прецедентные феномены** (далее ПФ). Модифицируя определение Ю.Н.Караулова, прецедентными феноменами она называет фрагменты текста: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества. В ее классификации ПФ включают прецедентные тексты (ПТ), прецедентные имена (ПИ), прецедентные ситуации (ПС), прецедентные высказывания (ПВ). Данную точку зрения на явление прецедентности мы берем за основу как наиболее отвечающую требованиям системного и дифференциального одновременно подхода к фактам языка. Вслед за авторами «Лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» (М., 2004), в числе которых В.В.Красных, мы следующим образом будем понимать названные феномены:

Прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, зафиксированная в сознании

социума как некое историческое или художественное явление, например: *Ходынка* (1896 г. На Ходынском поле после коронация Николая 2-го произошла трагедия, погибло 1396 человек, изувечено 1300), *Апокалипсис*; *Оранжевая революция*; *Майдан*; *полет Икара*; *Полтавская битва*; *Катынская резня* и др.

Прецедентный текст (ПТ) – это тексты, значимые для лингвокультурного сообщества, группы говорящих, отдельной языковой личности, регулярно воспроизводимые в речи – цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным, ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. С ним происходит связь через прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу ПТ принадлежат:

– произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Бородино» и др.),

– тексты песен («Подмосковные вечера», «Ой, мороз, мороз...» и др.),

– рекламы (*Имидж ничто, жажда – все; Аква-фреш – тройная защита для всей семьи; RC-кола – кто не знает, тот отдыхает, Свежее дыхание облегчает понимание*);

– политические и публицистические тексты, клишированные фразы, лозунги, транспаранты (*Не влезай – убьет, не уверен – не обгоняй, Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи, Книга – лучший подарок*. Иногда такие лозунги имеют анекдотический характер: *Берегите природу нашу – мать вашу*).

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом (например: *Обломов, Тарас Бульба, Наташа Ростова*), или 2) с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин, Кутузов, Склифосовский, Стаханов, Малюта Скуратов*) и обладающее набором дифференциальных признаков (положительных, отрицательных или сложных).

Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, равная слову, словосочетанию, предложению, обычно со сложной смысловой структурой. К числу ПВ принадлежат:

1) собственно цитату в традиционном понимании (как фрагмент текста), например:

«Вот именно! Труд, труд и еще раз труд! А не эти, как их, вздохи на скамейке и прогулки при луне. Мы, педагоги, должны бороться за святое право на двойку. Нас гнут, а мы не гнемся, Нас толкают, а мы упираемся. Итак, да здравствует двойка! – Двойка, птица-двойка, кто тебя выдумал? – спросил Маркин, но смехом поддержан не был» (И. Грекова. «Кафедра»).

2) название произведения («*Что делать?*», «*Кто виноват?*»);

3) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями (рекламные тексты, клишированные конструкции, лозунги, призывы: *Не тормози, сникерсни; Шок – это по-нашему!*

4) паремии: пословицы, поговорки, идиоматические и крылатые выражения (*Тише едешь – дальше будешь; Молодым везде у нас дорога; Конец – делу венец; Где забор, там и вор; Сирийский узел*).

Прецеденты предстают в создаваемых текстах в весьма удобной для восприятия форме: в виде прямых и трансформированных цитат, аллюзий, реминисценций, повторяющихся образов.

Анализируя способы введения прецедентного текста, мы опираемся на алгоритм анализа, предложенный Ю.Е. Прохорова [9, с. 38].

Для газетных заголовков характерно два способа применения прецедентных феноменов:

1) дословное использование, при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии;

2) изменение формы устойчивого выражения или слова, так что трансформация формы служит рождению нового содержания.

Ниже рассмотрим каждый вид.

1. ПФ в составе заголовка без изменения формы

а) ПФ – заголовок (без контекстного окружения). Заголовок, равный целиком ПФ, – явление нередкое. Однако одни из них несут яркую образность и узнаваемы сразу, например: *За двумя зайцами* (НОВОРОССИЯ, №152, 13.09.2017); *Хвост трубой!* (ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ, №36(101), 18.01.2017); *Мы с тобой одной крови* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №25(64), 30.06.2016), а другие не всегда воспринимаются как прецеденты, т.к. в них информативность на поверхностном уровне восприятия доминирует над оценочностью, например: *Куда конь с копытом* (НОВОРОССИЯ, №151, 03.08.2017); *Постой паровоз* (НОВОРОССИЯ, №142, 01.06.2017); *Кесарю – кесарево* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №22(61), 09.06.2016); *Мы с тобой одной крови* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №25(64), 30.06.2016); *Что такое хорошо и что такое плохо* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 05.06.2015)

б) ПФ – заголовок в контекстном окружении. Здесь имеются в виду те случаи, когда ПФ без изменения внешней формы встраивается в авторский текст и приобретает новое значение, например: *Звонок для ангелов Донбасса* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, № 35(125), 07.09.2017); *Музей на колесах* (ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ, № 36, 14.09.2017); *Оборонка держит оборону* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 26.01.2015). Окружающий контекст актуализирует ключевые слова и факты, описываемые в тексте статьи.

2. ПФ в составе заголовка с изменением формы

В большинстве случаев мы имеем дело с «квазипрецедентными» феноменами, поскольку они включаются в языковую игру, трансформируются или дополняются, усекаются – и уже живут собственной жизнью, наполняются собственным смыслом, создавая аллюзии, недомолвки и прочие явления, относящиеся к понятию «вертикальный контекст». Включение таких единиц способствует диалогизации текста и эксплицитно или имплицитно выражает оценку. Приемы изменения исходного текста весьма многообразны. Показателем активности данных единиц в современном публицистическом дискурсе служит частотность использования как разных, так и одних и тех же «первичных» высказываний для создания совершенно различных их трансформаций. Мы используем классификацию трансформированных ПФ, основанную на формально-семантическом подходе к пониманию варьирования ПФ и предложенную диссертанткой Е.С.Бриченковой [1] и уточненную нами на основе анализа фактического материала. Мы выделили следующие способы трансформации заголовков-цитат: 1) замена компонентов (лексическая и лексико-семантическая субституция); 2) количественные изменения компонентного состава, в том числе контаминация; 3) грамматическое варьирование; 4) синтаксические изменения.

1) Замена компонентов (лексическая субституция) – один из самых распространенных способов модификации ПФ: *Юным акулам пера* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, № 22(61), 09.06.2016); *Эхо взрыва. У страха глаза велики* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 17.08.2016); *Водитель, намотай на ус: бензин и газ – опасный груз!* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 30.11.2016); *Людское восхищение – бальзам*

для ран, если человек страдает комплексом неполноценности. (ДОНЕЦКИЕ НОВОСТИ, № 8, 28.02-05.03.2016).

Лексическая субституция представлена примерами различного типа:

- **антонимической**: *Казнить можно помиловать* (НОВОРОССИЯ, №151, 03.08.2017) ср.: можно – нельзя;

- **тематической**: *Звонок для ангелов Донбасса* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №35(125), 07.09.2017); ср.: ангел –учитель;

- **денотаторной** (закрывающейся в замене ключевого имени субъектного/объектного компонента): *Сирийский узел: Разрубить нельзя развязать* (НОВОРОССИЯ, №101, 18.08.2016); ср.: Сирийский узел – Гордиев узел; *Утомленные нищетой* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 23.02.2016).

- **лексической субституции** на основе структурно-семантической модели: *Долгие провода, короткие встречи* (НОВОРОССИЯ, №149, 20.07.2017); *Кому кризис, а кому бизнес* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №149, 20.07.2017).

2) Количественные изменения компонентного состава ПФ представлены такими типами:

- **эллипсис** (или усечение компонентов): *Соль на рану* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №35(125), 07.09.2017); *Никто не забыт* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 23.02.2015); *«Спят курганы тёмные...»* (ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ, №36(101), 18.01.2017). Открытость, незавершенность такого заголовка призвана заинтриговать читателя;

- **добавление компонентов**: *Жребий брошен! Ждем игры!* (название статьи о молодежном чемпионате Европы) (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 16.06.2015); *Головокружения от успехов нет* (ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ, №36(101), 25.01.2017); *Шагреновая кожа Украины* (НОВОРОССИЯ, №140, 18.05.2017); *Держать руку на пульсе страны и делать все, чтобы пульс был нормальным* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 28.03.2015).

Чтобы разбудить у воспринимающего доверительные чувства, иногда достаточно только опоры на структуру пословицы, крылатого выражения, так как формальное сходство с пословицей вызывает необходимые ассоциации, подсказывает воспринимающему исходный вариант прецедентного высказывания. В этом случае оно повышает выразительность заголовка, наполняет его новыми смысловыми оттенками, при этом исходное выражение и производное могут находиться в разных отношениях друг с другом: синонимических, паронимических, но чаще – антонимических: *До границы - рукой подать»* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 28.12.2016) – о зимних праздниках.

Отметим и такую изредка встречающуюся разновидность замены компонентов, как их **перестановка** в пределах одного текста: *Они знали, как нас похоронить, но не знали, что мы – семена»* (ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ, № 36, 18.01.2017).

Могут одновременно реализовываться сразу несколько способов преобразования исходного текста, например, **замена компонента** и **грамматическая трансформация** высказывания: *Армия Украины. Юный барабаник, ты уже не мальчик* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 23.02.2015).

В связи с употреблением заголовков-цитат возникает проблема их адекватного восприятия. Если адресату доступно только буквальное восприятие текста, содержащего прецедентное высказывание, то можно говорить о неадекватной интерпретации текста воспринимающим, поскольку суть прецедентного

высказывания заключается не в буквальном значении лексического состава, а в ассоциациях, которые тот должен вызвать.

Немотивированное употребление в заголовке прецедентного феномена, т.е. без связи с последующим изложением, создает коммуникативный дискомфорт при восприятии сообщения: *Круги на воде* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 27.01.2015). Кроме того, немотивированное употребление текстового фрагмента указывает на неспособность пишущего распорядиться его выразительными возможностями.

3) Синтаксические изменения прецедентного высказывания обусловлены его структурной организацией. Выделяются следующие преобразования:

– **внутримодельное**, т.е. без изменения структурной схемы предложения, например, трансформация по линии утверждения отрицания: *Чтобы лед не подставил подножку* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 26.01.2015); *Свято место пусто бывает* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №25(64) 30.06.2016);

– **межмодельное**, например, изменение канонического варианта со структурой простого предложения в «трансформер» со структурой сложного: *Чистота, которая хуже воровства* (ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК, 10.09.2015), ср.: Простота хуже воровства;

– **межуровневое**, например, *Вышибать клином клин* (ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА, №22(61), 09.06.2016), ср.: Клин клином вышибают.

Рассмотрение проблем классификации ПФ в составе газетных заголовков показало, что необходимо учитывать следующие основания для классификации:

– денотативное (без изменения предметной соотнесенности) и коннотативное (с изменением предметной соотнесенности) использование ПФ;

– включение в контекст заголовка в структурно исходном (нетрансформированном) или структурно вторичном (трансформированном) виде: с изменением лексических или грамматических (морфологических, словообразовательных, синтаксических) параметров;

– использование ПФ в изолированном виде или в составе текстового поля.

Активное использование ПФ в составе заголовков газет или в качестве самостоятельных заголовков свидетельствует, с одной стороны, о росте интеллектуального уровня средств массовой информации, о поисках новых форм, о креативности, с другой – о возрастающей роли языковой игры в сфере массмедийной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриченкова Е.С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного / Е.С.Бриченкова. – АКД. – М., 2007. – 22 с.

2. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н.Володиной. – М.: Академический Проект. Альма Матер, 2008. – С.401-418.

3. Захаренко И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С.92-99.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность, изд.6-е, – М.: КомКнига, 2007. – 264 с.

5. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. / Ю.Е.Прохоров – М., 1996.

TYOLOGY OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE PRESS OF DONETSK

The article deals with the typology of the case of precedentism and the ways of their functioning in the modern regional discourse of the printed media of the DPR.

Key words: *precedent text, precedent phenomena, typology of precedent phenomena.*

УДК 81' 367.332.7

П.Д. Миняева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. к. филол. н., доц. Н.П. Курмакаева)

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЛИЧНОСТИ/БЕЗЛИЧНОСТИ В ГРАММАТИКЕ

Категория личности/безличности получила освещение в русле разных лингвистических концепций, но сохранила свою дискуссионность. В статье делается попытка проанализировать известные подходы к её изучению, выявить тенденции и закономерности, проследить динамику взглядов на сущность категории личности/безличности и безличных предложений в связи с общими тенденциями развития лингвистической мысли: от формально-грамматического направления до полевых исследований.

Ключевые слова: *категория личности/безличности, безличные предложения, системность, функционально-грамматическое поле.*

Изученная нами литература по проблеме безличности в русском языке позволяет утверждать, что в отечественной науке нет такого грамматиста, который бы не коснулся в своих исследованиях феномена соотношения личных и безличных глаголов в морфологии или личных и безличных предложений в синтаксисе. Со времен М. В. Ломоносова это явление постоянно находится в поле пристального внимания языковедов. Тезис Ломоносова о том, что безличные глаголы «от личных заемлются», доказывается или опровергается уже почти три столетия. Об этом свидетельствуют труды таких ученых, как Н. И. Греч, В. И. Классовский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, А. А. Камынина, В. В. Бабайцева, Н. А. Луценко и многие другие.

О коррелятивности предложений типа *Он читает – Ему читается; Ты стыдишься – Тебе стыдно* на оси <личное – безличное> тоже по-разному рассуждали лингвисты разных поколений и в русле различных концепций. Кроме названных можно отметить Т. П. Ломтева, И. П. Распопова, А. А. Арват, В. А. Белошапкову, Г. А. Золотову и др.

Как удалось обнаружить, по направлению к современности эта проблема не только не получала завершения, но, наоборот, всё более осложнялась, а нередко исследователи приходили к совершенно противоположным выводам. Например, от признания все возрастающего количества безличных конструкций (А. А. Потебня,

А. М. Пешковский, Е. М. Галкина-Федорук и др.) до сведения их к замкнутой группе impersonalia meteorologica (Г. А. Золотова, Л. А. Бирюлин). На разных этапах развития лингвистической мысли корреляция *личность/безличность* получила освещение в русле самых различных подходов и направлений, и каждый раз с возникновением новых аспектов её изучения возникала необходимость уточнить или пересмотреть связанные с этим понятия и термины, расширить или сузить поле исследуемого объекта, пересмотреть объем и семантическое содержание категории, отыскать её место в грамматической парадигматике [6; 7; 8; 15; 16; 20 и др.]. В этом мы видим **актуальность** изучения категории личности/безличности на данном этапе развития грамматической науки.

Цель нашего исследования – на подступах к системному осмыслению категории проанализировать сложившиеся к настоящему времени концепции и подходы к её изучению в отечественной лингвистике; выявить тенденции и закономерности.

Объект исследования – категория личности/безличности в русском языке, освещённая в трудах отечественных лингвистов разных поколений.

Предмет исследования – аспекты её изучения в истории грамматической науки.

Материал исследования – учебники, монографии, статьи учёных о категории личности/безличности. Всего нами проанализировано свыше 50 научных источников.

Как показывает изученный материал, динамика подходов к трактовке сущности категории личности/безличности (далее –КЛБ) в значительной мере соотносится с общими тенденциями развития научной мысли – антропоцентричностью и разноаспектностью.

Исходя из изученного, можно констатировать, что история развития учения о КЛБ и безличных предложениях как её представителей формально сводится к противоборству двух важнейших концепций. В русле одной утверждается, что личность (двусоставность) и безличность (односоставность, бесподлежащность) противопоставлены по признаку наличия/отсутствия связи предикативного компонента с прямым субъектом-подлежащим в структуре соответствующих предложений, что в безличных предложениях «не может быть подлежащего по самому их строению» [19, с. 315]. Это направление связывается с именами А. Х. Востокова, А. А. Потебни, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Е. М. Галкиной-Федорук и др. Оно господствовало вплоть до 60-х годов XX века и называлось формально-грамматическим, опиравшемся на теорию членов предложения. Наиболее распространённым было определение безличных предложений (БП) на фоне личных (ЛП) как таких односоставных конструкций, в которой нет и не может быть подлежащего [23, с. 136] или «в которых нет грамматического подлежащего, стоящего в именительном падеже и являющегося производителем действия или носителем признака, в форме же сказуемого не выражено значение лица, а по форме связи его нельзя и подразумевать» [5, с. 302–303]. Кстати, подобные формулировки сохранились в школьных и некоторых вузовских учебниках и пособиях. Но с развитием структурно-семантического направления в синтаксисе данная дефиниция совершенно обоснованно стала восприниматься критически, потребовала уточнения, сделалась предметом спора.

Традицию другого направления, как правило, связывают с именем Ф. И. Буслаева, который считал подлежащее в БП имплицитным и видел его в «личном окончании» или «логическом субъекте» (например, *мне* в конструкции *Мне хочется*) [4, с. 273]. В. И. Классовский в предложениях *Морозит; Рассветает* видит подлежащее не во флексии, а в корневой морфеме. Этот логико-грамматический подход получил такой сильный резонанс в отечественной лингвистической науке, что нашёл своих сторонников в советской синтаксистике в русле идей функциональной и

коммуникативной грамматики (Г. А. Золотова, И. А. Мельчук и др.), а также в концепции «формальной грамматической предметности» Т. П. Ломтева. До сих пор ученые продолжают искать подлежащее в БП и доказывать его двусоставность [6, с. 122–126].

Справедливости ради следует сказать, что труд А. А. Потебни, ученого-слависта второй половины XIX века, «Из записок по русской грамматике» стал новой точкой отсчета в развитии теории личности/безличности. Несмотря на то, что в своих исследованиях А. А. Потебня придерживался гипотезы об исконной двучленности грамматического предложения, он искал в нём не подлежащее как таковое, а его исторические следы, что принципиально отличает его взгляд от буслаевского. Потебне принадлежат доказательства того, что тип номинативно-глагольного предложения с именительным падежом существительного в позиции подлежащего является в русском языке исходным, базовым. В остальных типах двусоставных и односоставных предложений он видел результат последующих сложных исторических преобразований этого основного типа предложений: «Понятие б е с с у б ъ е к т н о с т ь (само собою – сказуемого), то есть отсутствие при сказуемом определенного, известного (названного) субъекта; б е з л и ч н о с т ь , impersonalitas, то есть неопределенность лица (1, 2, 3-го), выраженная в образе третьего лица ед. числа, <''> – отрицательны, непервообразны, т.к. стоят в устранении из мысли положительных признаков («наличность подлежащего», «определенность лица»). Поэтому, кто сознательно называет сказуемые бессубъектными или безличными, тот должен признать их производность» [19: 3, с. 317]. Именно Потебнён впервые подводится серьёзная доказательная база под решение проблемы происхождения БП от личных двусоставных предложений через утрату субъекта или его определенные превращения [там же, см. главу «Устранение подлежащего»]. Хорошо известна его фраза: «Под безличностью глагола давно привыкли понимать не отсутствие грамматического лица, а известные его свойства» [19: 1, с. 91]. Однако полной классификации БП в отношении к ЛП учёный не дал.

В числе первых наиболее зримые границы БП провёл А. А. Шахматов в своём труде «Синтаксис русского языка». Большим достижением считается его принцип разграничения предложений на содержащие два главных члена (подлежащее и сказуемое двусоставных) и один недифференцированный главный член в БП. Однако основанное на формально-психологическом критерии выделение БП («их главный член соответствует сочетанию представления о признаке с представлением о б ы т и и , с у щ е с т в о в а н и и » [24, с. 87]) приводит автора к признанию их «экзистенциальности», что нарушило строгость отбора искомым единиц, сделало возможным допущение «при безличной форме глагола» подлежащих «в виде существительного дело» [24, с. 91], и местоимения оно [24, с. 90], выделение безличных двусоставных (?) [24, с. 98], включение в БП предложений с субъектом «при безличном будь», выраженным «придаточным предложением» [24, с. 103], что вряд ли укладывается в рамки современного понимания БП, а порой вступает в противоречие с позицией самого автора. Ср.: «Безличность же глагольной формы в русском языке обнаруживается морфологическим окончанием 3 - г о л и ц а е д и н с т в . ч и с л а п р и н е в о з м о ж н о с т и с о ч е т а т ь е е с к а к и м б ы т о н и б ы л о п о д л е ж а щ и м » (курсив наш. П. М.) [24, с. 467] и иллюстративный материал БП: *Чудно все завелось теперь на свете; Все молоко-то у кошки слизано; Пойми, отец... ведь глупо это; Невидаль, что он придворный советник* и др., в которых налицо позиция подлежащего, замещенная словоформами различной степени приспособленности для выполнения функции подлежащего. В строгом смысле подобные структуры

некорректно относить к БП, а их наличие подсказывает необходимость поиска иной, более надежной методики выявления и анализа соответствующих построений.

Классическим образцом формально-грамматического подхода к КЛБ является классификация БП на фоне ЛП А. М. Пешковского, последовательно опирающаяся на двуединство формы и содержания. За основной критерий выделения БП автор принимает факт отсутствия «согласования сказуемого с подлежащим» [18, с. 341], что позволяет ученому видеть «сказуемое совсем особого рода: оно и з о б р а ж а е т деятельность без деятеля» [18, с. 342], безличность понимается как такое образование, в котором **«подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли»** [18, с. 343] (выделено автором), и не просто подлежащее, а «согласуемое подлежащее». Проанализировав большой фактический материал, Пешковский вывел группы безличных глаголов, по-разному соотносящихся с личными коррелятами: 1) глаголы типа *светает*; 2) глаголы типа *спится*; 3) глаголы «личные, употребленные в смысле безличных» типа *ломит* [18, с. 346–347]. Он заявил об универсальности данной категории и о возможности в современном русском языке образовать безличную форму практически от любого глагола. Ценность исследования КЛБ Пешковского ещё и в том, что он довольно подробно описал безличные конструкции с неглагольным главным членом предложения, а также отрицательные образования бесподлежащего типа. Однако следует отметить, что стройной и последовательной классификации БП он не представил.

К середине XX в. концепция Пешковского возобладала. В [1, с. 191] само понятие безличности было закреплено как «глагольная категория в русском языке, создаваемая противопоставлением несобственных форм 3 л. ед. ч. личным формам глагола, включая собственную форму 3 л. ед. ч.», т.е. словарно КЛБ закреплялась как морфолого-синтаксическое свойство глагола.

На рубеже 60-70-х гг. XX в. резкая смена научных парадигм начала расшатывать и разрушать ставший классическим формально-грамматический подход к КЛБ. Исследования последних лет доказывают, что проблема личности/безличности актуализируется в связи с «поворотом к проблеме "человек в языке", поиском места "безличности в русской языковой картине мира"», «в связи с потребностью уточнения статуса, объема и "конфигурации" БП в ЯКМ с одновременной систематизацией категориальных характеристик в метаязыке лингвистики [10 с. 58; 15, с. 88]. Частная категория безличности (КБ) в составе универсальной КЛБ нашла отражение в таких направлениях современной грамматики, как структурно-семантическое (Н. Ю. Шведова, В. В. Бабайцева), функционально-коммуникативное (М. В. Всеволодова, Г. А. Золотова), этнолингвистическое (А. Вежбицкая, З. К. Тарланов), функционально-семантическое (А. В. Бондарко, В. В. Лушай), функционально-грамматическое (Н. П. Курмакаева) и др.

В русле новых направлений наиболее перспективными сделались поиски соотносительности в предложении грамматических признаков с семантическими. Такое направление называется структурно-семантическим или семантико-структурным. Справедливо отмечается, что при определении сущности безличности недостаточно учитывать только грамматические критерии, так как «своеобразие безличных предложений создается взаимодействием семантических и грамматических факторов» [2, с. 53], а также: «Безличные предложения – это такие односоставные предложения, в которых выражается действие или состояние (признак), возникающие и существующие независимо от производителя действия и носителя признака» [21, с. 335]. В русле этого подхода существенный вклад в развитие теории безличности внёс И. П. Распопов, произведя блестящий анализ искомой категории в книге «Строение простого предложения в современном русском языке» [20]. КЛБ он рассматривает на

синтаксическом уровне и утверждает, что «в абсолютном большинстве случаев БП могут трактоваться в конструктивном плане как определенные трансформы личных» [20, с. 79]. Представив четкую классификацию БП, автор, по сути, установил деривационные отношения между БП и ЛП, доказав, что все БП есть трансформы ЛП. Иными словами, он подводит итог всем исканиям учёных прошлого (от Ф. И. Буслаева до А. М. Пешковского): БП производны от ЛП и не являются исходными структурами, БП есть результат трансформации ЛП.

Развитие теории БП мы находим в трудах В. А. Белошапковой, которая посвятила поиску системных связей БП с ЛП несколько работ. Она расширила списки семантических типов БП с традиционных трёх до восьми [3], доказала деривационные связи между такими парами предложений, как *Поступили замечания – Замечаний не поступило; Он не спит – Ему не спится; Об этом говорили – Об этом говорилось* и др.

Заметным явлением в грамматической науке середины XX века была функционально-коммуникативная концепция Г. А. Золотовой, в русле которой приоритет отдаётся наблюдению и описанию «поведения» словоформ (синтаксем – в терминологии Золотовой) в определенных функциях. Ставка делается на типовое значение предложения, где система членов предложения не имеет значения, как в других концепциях. Г. А. Золотова отвергает идею односоставности большинства типов БП и вводит для них понятие *инволютивных предложения* [6, с. 124]. Сильной стороной этого направления считают пристальное внимание к самым разнообразным видам субъектосодержащих БП, бесценный опыт их описания; слабой – неопределенное влияние логико-психологического направления в истории лингвистики, цель которого отыскать подлежащее в любом предложении.

К началу XXI века в основном было доказано, что категория личности/безличности – прерогатива грамматики и грамматической семантики [11, с. 102]. Однако в области изучения корреляций ЛП и БП продолжает сохраняться значительное количество дискуссионных вопросов, о которых активно заявляют донецкие учёные А. Н. Луценко [16], В. В. Луцкай [17], Н. П. Курмакаева [8; 13; 14]. В их работах отмечается, что «проблема актуализируется в связи с отсутствием общепринятого понимания категории, нечеткостью ее границ, с необходимостью поиска надежных критериев для отграничения от смежных явлений [12, с. 166], более конкретного определения отношения «безличности к ряду семантически близких ей понятий» [16, с. 341].

Вопросы теоретического обоснования категории БП, границ, объёма и классификационных разновидностей особенно актуализировались и активно разрабатывались в отечественной науке в середине второй половины XX – первом десятилетии XXI века в работах Н. Н. Арват, В. В. Бабайцевой, В. М. Брицына и др. Учёными было уже осознано, что «отсутствие подлежащего не является специфической особенностью безличных предложений» [2, с. 57], однако закрытость позиции подлежащего признается значимой [17, с. 166], поскольку суть безличности видится в том, «что надо изобразить действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс» [там же], действие или состояние, независимое «от производителя действия и носителя признака» [21, с. 335].

Современное языкознание продолжает активно обсуждать категорию безличности (КБ) как специфический способ языковой репрезентации фрагментов мира; поиск грамматического и/или семантического инварианта не завершён. Сущность КБ закрепляется как периферия грамматической категории лица или семантической категории субъектности [8]. Утверждается, что «КБ – это абсолютизация предикатного компонента при полной закрытости позиции подлежащего и понижении

синтаксического ранга субъектной словоформы; дистрибутивно обусловленная категориальная семантика БП: 'стихийность', 'самопроизвольность', 'инволютивность'» [9, с. 68].

Для более четкого прояснения характера взаимоотношений единиц позиционного состава предложения была предложена теория экспликационной грамматики [17], требующая учитывать при анализе позиционного состава «закономерности его заполнения в связи <...> с принципом функциональной эквивалентности», требующая, в частности, четкого разграничения морфологизованных (специализированных) и неморфологизованных (неспециализированных) членов предложения как проявления «асимметричного дуализма языкового знака» (по С. Карцевскому) [17, с. 63 и далее]. В русле теории функциональной эквивалентности была доказана производность безличных форм от личных на уровне синтаксиса [там же].

Одновременно в русистике шло обсуждение причастности безличности к одному из лингвистических полей, разработкой которых ученые начали заниматься с 70-х годов XX века (А. В. Бондарко, В. В. Химик, Е. В. Клобуков и др.). Так, А. В. Бондарко, автор и разработчик теории функционально-семантических полей (ФСП) в рамках функциональной грамматики, отмечает: «К крайней периферии персональности относятся формы безличности» [22, с. 23], В. С. Храковский явления демиактивности предлагает рассматривать «как более частное подразделение внутри актива» [22, с. 139]). Е. В. Клобуков пишет, что «безличные значения в рамках ономаσιологически ориентированной грамматики могли бы рассматриваться как основание для выделения особого коммуникативно-прагматического поля» [7, с. 110].

Таким образом, к началу XXI века лингвистами практически осмыслена возможность и необходимость изучения безличности как специфического фрагмента одного из лингвистических полей [8]. Во всех случаях, как показывают источники, безличность (бессубъектность) представляется как периферийное явление относительно исследуемого поля. Н.П. Курмакаева выразила сомнение в том, что и в рамках поля персональности, субъектности, актива/пассива или других категория безличности может быть «описана цельно, потому что в основу исследования КБ как самостоятельного лингвистического явления должны быть положены иные критерии» [8, с. 14], должна быть заложена системность [13], а она связана с выявлением уровня специализации словоформ, занимающих предикативную позицию [14]. Утверждается, что КЛБ – объект функциональной грамматики, только фокус внимания с триединства «форма-функция-значение» (по Г. А. Золотовой) необходимо расширить до четырехмерного подхода «позиция-форма-функция-значение», а объекту дано условное название «функционально-грамматическое поле» (далее ФГП) [8, с. 14]. С опорой на принцип функциональной эквивалентности (В. В. Лушай) и «асимметричный дуализм лингвистического знака» (С. Карцевский) автору удалось выстроить функционально-грамматическое поле безличности с центром, выраженным морфологизованными главными ЧП и периферией – неморфологизованными ЧП в грамматической основе [8, с. 14 – 15; 9; 11].

Таким образом, нам удалось установить, что КЛБ в своем постижении прошла через призму многих концепций и направлений изучения. Свое целостное системное воплощение она нашла в концепции функционально-грамматического поля. В своих дальнейших исследованиях мы планируем на самостоятельно собранном материале выстроить поле искомой категории с четко выраженным центром и неоднородной периферией с перспективой расширения и обогащения различных зон поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова // Изд. 3-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 576 с.
2. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.
3. Белошапкова В. А. Глагольные безличные предложения в синтаксической системе русского языка / В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева // Исследования по семантике : Семантические аспекты синтаксиса. – Уфа, 1985. – С. 34 – 47.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И.Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
5. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е.М. Галкина-Федорук // Проблемы синтаксиса современного русского языка. М.: Просвещение, 1950. – С.302 – 320.
6. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544 с.
7. Клобуков Е. В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е.В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике. – М.: Индрик, 2001. – С. 107 – 118.
8. Курмакаева Н. П. Закономірності заповнення позиції головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності / Н. П. Курмакаева. – Автореф. ... канд. філол. наук. – Дніпропетровськ., 2010. – 20 с.
9. Курмакаева Н. П. Поле безличности: модель и направления развития / Н.П. Курмакаева// Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. Вип. 17. Т.2. – Дніпропетровськ, 2011. – С. 67 – 72.
10. Курмакаева Н. П. Безличность в русской языковой картине мира / Н.П. Курмакаева // Культура народов Причерноморья. – 2011. - № 211. – С. 58 – 61.
11. Курмакаева Н. П. Об основных способах формирования поля безличности русского языка / Н.П. Курмакаева // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. Вип. 19. Т.3. – Дніпропетровськ, 2013. – С. 100 – 109.
12. Курмакаева Н. П. Безличность и смежные явления в современном русском языке / Н.П. Курмакаева // Вісник Донецького національного університету. – Серія Б: гуманітарні науки. Т.1.- 2013. - №1-2. – С. 166-173.
13. Курмакаева Н. П. Системность в синтаксисе сквозь призму асимметричного дуализма / Н.П. Курмакаева // Мир языковых форм: сборник научных статей: к 95-летию проф. Г.П. Цыганенко /Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 57 - 62.
14. Курмакаева Н. П. Категория безличности и ее место в грамматической парадигматике // Филол. исследования. Вып. 14. К.: Изд. дом Дм. Бураго, 2015. – С. 20-31.
15. Курмакаева Н. П. Размышляя о безличности...(От идеи Н.А. Луценко о месте безличности в системе и узусе к полевой структуре категории) / Н. П. Курмакаева // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. научн. трудов Международного научного семинара «In memoriam: профессор Н. А. Луценко»; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Вып. 3. – С. 86–96.
16. Луценко Н. А. О безличности / Н.А. Луценко // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 7 / Редколл. Е.С.Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 2001. – С.341 – 353.

17. Луцкая В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Луцкая. – Донецк: ДонНУ, 2010. – 255 с.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Изд-е 8-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
19. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня // Т. I-II. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.; Т. III. Гл. XII. – М.: Просвещение, 1968. – С. 317 – 380.
20. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке / И. П. Распопов. – М.: Просвещение, 1970. – 191 с.
21. Современный русский язык: Теория: Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2-х ч. – Ч. 2.: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабаева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др.; под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 704 с.
22. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина и др. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – 370 с.
23. Федоров А. К. Трудные вопросы синтаксиса / А. К. Федоров. – М.: Просвещение, 1972. – 239 с.
24. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

P.D. Miniaieva

STUDYING ASPECTS OF PERSONALITY/IMPERSONALITY CATEGORY IN GRAMMAR

The category of personality/impersonality is widely elucidated within different linguistic concepts but it still remains debatable. This article tries to analyze popular approaches, determine trends and patterns follow the dynamics of perspectives on the essentials of personality/impersonality category and impersonal construction linked to overall tendency of linguistic thinking development: from formal grammar to field researches.

Key words: *personality/impersonality category, impersonal constructions, systematic, functional-semantic field.*

УДК 811.161.1Г373.43:811.111

Т. А. Показанникова

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
(Научн. рук. к. филол. н., доцент И. А. Соболева)*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ САЙТА PRAVDA.RU)

В статье рассматривается понятие «неологизм» и использование неологизмов в современном интернет-языке, в частности в заголовках сайта pravda.ru. Актуальность темы обусловлена тем, что в последние годы английский язык прочно занял в мире статус международного языка, основного средства межнациональной коммуникации. Возросший интерес к английскому языку обеспечил активное использование английских слов в русской речи и обогащение ими русского языка. В ходе

исследования мы определили, что большинство неологизмов используются в заголовках, чтобы придать им значимости, вызвать интерес читателей.

Ключевые слова: неологизм, заголовок, престижность, номинативная функция, заимствования.

Современная лингвистика каждый год обрывает новой терминологией. Общество тоже развивается и не стоит на месте, а вместе с ним происходит эволюция языка. Все изменения в жизни общества зеркально отражаются в языке. Эти изменения дают почву для появления новых слов.

Слова и сочетания, созданные для обозначения новых явлений действительности, новых предметов или понятий, называются неологизмами (от греч. *nebs* – «новый» и *logos* – «слово»). Язык постоянно пополняется неологизмами [10, с. 66].

Л.П. Крысин утверждает, что «неологизм – слово, недавно появившееся в языке. Таким оно остается до тех пор, пока говорящие ощущают в нем новизну. Слово может быстро утратить признак новизны. Это происходит, если новое определение в короткий срок получает широкое употребление» [5, с. 17].

Определение «неологизм» появилось в русском языкознании в 60-70-е годы XX столетия и связано с именами Л.П. Крысина, Н.З. Котеловой, В.В. Виноградова, В.В. Лопатина, Г.А. Лыкова, Е.И. Дибровой.

А.Г. Лыков считает, что «неологизмом следует считать новое слово языка, слово в начальной стадии своей исторической языковой жизни» [8, с. 45], а В.В. Лопатин предполагает, что неологизмы – это «новые слова языка, они довольно скоро перестают восприниматься как новые слова, новизна их со временем стирается» [7, с. 152].

Е.Н. Диброва исходит из того, что неологизмы – это слова, созданные для обозначения новых предметов, признаков, действия. Учитывая источник происхождения, неологизмы можно классифицировать на языковые и индивидуально-авторские. Языковые неологизмы не имеют авторства. Способ их образования чаще всего продуктивный. Такие неологизмы входят в синонимические, антонимические, тематические ряды, регистрируются словарями и находятся в пассивном запасе до широкой актуализации обозначаемого явления. Индивидуально-авторские неологизмы имеют авторство, могут образовываться продуктивными/непродуктивными способами, не образуют лексических системных организаций, индивидуальны в употреблении, фиксируются лишь словарями языка автора (например, «Словарь языка А.С. Пушкина») и остаются в пассивном запасе языка [3, с. 147].

Из всего многообразия подходов в определении понятия «неологизм», мы выделяем в качестве базовой позицию Н.З. Котеловой. Она утверждает, что термин «неологизм» обозначает собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова. Эти слова могли быть известны в русском языке и ранее, но или употреблялись ограниченно, например, за пределами литературного языка, или ушли на какое-то время из активного употребления, а сейчас стали широко употребительными.

Сравнительно недавно появившиеся электронные технологии стали неотъемлемым явлением в жизни современного общества. Поэтому лингвисты заинтересованы в изучении языка интернета. Внимание ученых направлено на изучение словообразования иноязычных слов в интернете. Лингвист А.А. Атабекова занимается исследованием в области использования лексики в языковом оформлении Web-страниц. Она считает, что эти страницы являются отражением культуры речевого общения. Автор проанализировала сайты различной направленности: социальной,

тематической и профессиональной. На основе своих исследовательских наблюдений лексического состава различных Web-страниц она сделала следующие выводы:

а) частотно используются лексемы, появившиеся благодаря словообразовательной схеме «транслитерация плюс английское слово» (*чат on-line*);

б) замечено, что используются слова англоязычного происхождения, неадаптированные к системе русского языка в изолированном употреблении, а также в составе словосочетания «английская словоформа + русская словоформа»;

в) русские аффиксы и корневая английская морфема объединились;

г) синтаксические конструкции изменили свой состав и в них включены английские лексемы в качестве самостоятельных высказываний, а иногда и зависимых компонентов.

д) появились русские номинативные метафоры, не связанные с переводом английских номинативных метафор в процессе освоения интернет-технологиями.

Анализ интернет-языка показал, что при сравнении молодежных сайтов с информационно-развлекательными сайтами для людей старшего возраста наблюдается увеличение процента заимствований для обозначения информационных блоков на страницах. Объяснение этому явлению можно найти в том, что большинство молодых людей свободно владеет английским языком и в большей степени приближено к англоязычной культуре. Основываясь на приведенных А.А. Атабековой примерах словообразования на основе иноязычных слов, можно сказать, что найденные примеры демонстрируют расширение сферы корпоративной культуры пользователей. Они вносят изменения в прописанные нормы словообразования и использования иноязычных лексем. Но, например, употребление таких языковых единиц, как *Чатландия*, *Netskoe*, вряд ли можно оправдать, если опираться на точку зрения сохранения норм стандартного литературного языка.

Проводя исследования в области лингвокультурных традиций оформления сайта, А.А. Атабекова выделяет активизацию стилистического потенциала таких лексических средств. Ссылаясь на полученные в ходе анализа данные, автор обнаружила, что на Web-страницах частотно используются различные тропы и фигуры, например, такие, как метафора, каламбур, аллюзия, метонимия. Русскоязычные номинативные метафоры на Web-страницах в основном связаны с переводом англоязычных номинативных метафор во время процесса освоения интернет-технологиями. Автор отмечает, что «складывающиеся тенденции использования лексических единиц на Web-страницах не вызывают у молодого поколения трудностей с идентификацией содержания сайта» [1, с. 68].

П.В. Лихолитов занимается исследованием профессионального языка программистов, а также «специфическим жаргоном знатоков вычислительной техники и просто людей, увлекающихся компьютерными играми» [9, с. 43].

В сфере компьютерной терминологии П.В. Лихолитов выделили такие типы заимствований:

1) грамматически не освоенные, например: «*гамовер*» – несанкционированная остановка компьютерной программы (от англ. *game over* – конец игры);

2) грамматически освоенные (жаргонизмы), например: «*мэй-ло*» – письмо (от англ. *mail* – почта);

3) русифицированные жаргонизмы, например: «*коннектиться*» – связываться при помощи компьютера (от англ. *to connect* – соединять);

4) сокращения, например, «*маками*» называют компьютеры марки «*Macintosh*»;

5) семантические кальки, например: «*пинать*» от англ. «*to boot*» приобретает переносное значение в жаргоне – загружать в компьютер операционную систему или программу [9, с. 45].

М. А. Брейтер обращает внимание на то, что около 15% новейших англицизмов заимствуются из-за отсутствия соответствующего наименования в языке-рецепторе. К ним относят: *детектор* (валют), *топ-модель*, *виртуальный*, *инвестор*, *дайджест*, *спонсор*, *спрей*. К этой группе отнесены также те заимствования, которые в силу некоторых причин (легче произносятся, короче, конкретнее по семантике и т.д.) вытеснили ранее освоенные или исконно русские языковые единицы, например *прайслист* (вместо *прейскурант*), *имидж* (вместо *образ*). Здесь точнее говорить не о вытеснении, а о перераспределении смысловых ролей: в одних ситуациях уместно употребление только англицизма (*имидж работника*, *имидж нашего банка*), в других – образ (*образ Божий*, *зверя*, *царя*, *учителя* и т. д.) [2, с. 115].

В XX в. главенствующее место среди проводников иноязычных слов занимала пресса, а в наши дни – радио и телевидение. Такие социальные группы носителей языка, как журналисты-международники, спортивные комментаторы и репортеры, артисты, своей речевой практикой способствуют проникновению в русский язык иноязычных слов. Эти слова относятся к таким тематическим группам, как политика, искусство, спорт, дипломатия, мода, развлечения и др.

Мы проанализировали неологизмы и заимствованные слова англоязычного происхождения в дискурсе сайта *pravda.ru*. Наше внимание привлекли заголовки статей на сайте *pravda.ru*:

1. В заголовке «*Донские казаки освоят айкидо*» (02.04.2018) использовано слово англоязычного происхождения – *айкидо* (англ. *aikido*), которое в «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т.В. Егоровой определяется как «японское боевое искусство, относящееся к восточным единоборствам, в основе тактики которого лежит принцип предотвращения нападения» [4, с. 23]. Слово *айкидо* относится к тематической группе – «Спорт». Его функция – номинативная, так как слово *айкидо* в заголовке называет именно вид спорта, что соответствует содержанию текста статьи.

2. В заголовке «*Дауншифтинг: мода или лекарство от стресса?*» (09.05.2018) использовано слово англоязычного происхождения *дауншифтинг* – (англ. *down-shifting*), которое в «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т.В. Егоровой определяется как «сознательный отказ от карьерного роста, высокооплачиваемой должности ради жизни для себя» [4, с. 187]. В словарях И.А. Васюковой и Л.П. Крысина толкование данного слова отсутствует. Слово сложное по образованию. Тематическая группа – «Профессиональная деятельность».

3. В заголовке «*Анна Колчак: Пиратский апгрейд заказывали?*» (27.02.2019) использовано слово англоязычного происхождения – *апгрейд* (англ. *upgrade*). В «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т.В. Егоровой оно объясняется следующим образом: «Модернизация компьютера; обновленные версии программ, аппаратных устройств» [4, с. 54]. Тематическая группа – «Компьютерная лексика». Заимствование *апгрейд*, использованное в заголовке статьи, использовано в переносном значении.

4. В заголовке «*В Нью-Йорке на мосту появился баннер с президентом России*» (07.10.2018) использовано слово англоязычного происхождения *баннер* (англ. *banner*). Согласно словарю Т.В. Егоровой *баннер* – «рекламное изображение на Интернет-сайте небольшого размера, благодаря которому можно перейти на страницу с подробной

информацией о рекламируемом продукте» [4, с. 84]. Тематическая группа – «Реклама». Указанное заимствование используется в прямом значении.

5. В заголовке «*В восьми городах России пройдут интерактивные квесты в поддержку семейных ценностей*» (25.05.2018) заимствованное слово *интерактивный* (англ. *interactive*). Т.В. Егорова определяет заимствование *интерактивный* как «основанный на непосредственном взаимодействии с участниками коммуникации» [4, с. 263]. Слово *интерактивный* относится к тематической группе «Образование». В данный момент в образовательной сфере очень популярны «интерактивные технологии», поэтому данное заимствование придает тексту большую научность и соответствие современным научным реалиям.

6. В заголовке «*Семейный киднепинг: Ребенок на вывоз*» (06.06.2016) выделяется заимствованное слово *киднепинг* (англ. *kidnapping*). С.А. Кузнецов в «Большом толковом словаре русского языка» трактует *киднепинг* как «похищение детей с целью вымогательства выкупа за них» [6]. Заимствование *киднепинг* в данном заголовке относится к тематической группе «Преступление». Данное слово использовано в заголовке для того, чтобы привлечь внимание читателей.

7. В заголовке «*Японцы превратили воду в ванне в дисплей*» (06.08.2018) слово *дисплей* (англ. *display*) является иноязычным заимствованием. Т.В. Егорова объясняет слово *дисплей* как «устройство, с помощью которого можно отображать на экране рисунки, тексты, таблицы, которые являются результатом обработки данных ЭВМ» [4, с. 217]. Слово *дисплей* относится к тематической группе «Компьютерная лексика». Данное заимствование служит для называния нового предмета, ранее не использовавшегося в русском языке, и выполняет номинативную функцию.

8. В заголовке «*Автомат Калашникова или научите скульптора гуглить*» (24.09.2018) использовано англоязычное заимствование *гуглить* (англ. *google*). В словаре Т.В. Егоровой *гуглить* толкуется как «искать информацию в интернете» [4, с. 184]. Данное заимствование связано с известной поисковой системой в интернете под названием «*Google*» и относится к тематической группе «Интернет». Слово *гуглить* в данном заголовке отдает дань современной языковой моде и придает речи неформальное, сленговое звучание.

9. В заголовке «*Девелопмент готов к перезагрузке*» (03.08.2018) слово *девелопмент* (англ. *development*) относится к группе иноязычных заимствований. В словаре Т.В. Егоровой *девелопмент* – «это развитие и качественное преобразование коммерческой недвижимости, вследствие чего стоимость её увеличивается» [4, с. 189]. Данное заимствование относится к тематической группе «Экономика». В этом заголовке заимствование *девелопмент* придает тексту заголовка терминологичность, научность, а также является более удобным и кратким вариантом названия того, что раньше именовалось развернутой конструкцией.

10. В заголовке «*Через 5 лет Россия победит в британском дерби*» (26.07.20018) использовано англоязычное заимствование *дерби*. Согласно словарю Т.В. Егоровой *дерби* обозначает «соревнования для четырехлетних рысистых и трехлетних скаковых лошадей на главный приз года; спортивные состязания между командами одного клуба или одного города в рамках турнира» [4, с. 197]. Заимствование *дерби* имеет два объяснения, которые похожи между собой. Слово относится к тематической группе «Спорт», у него номинативная функция. Слово *дерби* называет «вид спорта».

11. В заголовке «*Ученые подсчитали скорость развития «зомби-апокалипсиса»*» (04.01.2018) употреблено слово *зомби* (англ. *zombie*), часто встречающееся в современных фильмах. Оно является англоязычным заимствованием. Согласно толковому словарю С.А. Кузнецова *зомби* обозначает «ожившего мертвеца из

мифологии и мистике; человека, совершающего действия автоматически, в сонном состоянии, подчиняющегося воле других людей» [6]. Заимствование *зомби* имеет две разные трактовки и относится к тематической группе «Мифология. Культура». В данном заголовке используется для наименования ранее неизвестного существа, а значит в номинативных целях.

12. В заголовке «Дом2» взорвал сибиряк, проваливший *кастинг*» (25.04.2019) использовано иноязычное слово *кастинг* (англ. *casting*). Т.В. Егорова называет кастингом «подбор актеров, определение состава исполнителей в шоу-бизнесе, кино, телевидении; предварительный отбор моделей, манекенщиц на конкурсах в модельном бизнесе» [4, с. 312]. Заимствование *кастинг* относится к тематической группе «Кино и искусство».

Проведя анализ заимствованных англоязычных слов в заголовках сайта *pravda.ru*, мы можем сказать, что сферы их употребления различны: спорт, компьютерные технологии, экономика, культура, реклама и т.д.. В большинстве случаев иноязычный неологизм служит для наименования нового явления, предмета, человека, но достаточно часто мы наблюдаем тенденцию использования неологизма для придания большей престижности языку статьи. Авторы интернет-публикаций пытаются привлечь к ним внимание и интерес читателей, используя новое, броское заморское слово. Наш анализ заголовков показывает, что современная интернет-пресса стала слишком часто использовать понятия англоязычного происхождения, тем самым, заменяя большинство русских слов иностранными, неизвестными названиями. Такие перемены приводят к масштабной лингвокультурологической проблеме – вытеснению из речи исконно русских слов и замене их на иноязычные неологизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атабекова А. А. Языковое оформление Web-страниц / А.А. Атабекова // РЯШ. – 2002. – № 5. – С. 65–71
2. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке / М.А. Брейтер . – М. : Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1997. – 274 с.
3. Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование /Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И. И. Щеболева] ; под ред. Е. И. Дибровой. –3-е изд., стер. – М: : Издательский центр «Академия», 2008. – 480 с.
4. Егорова Т. В. Большой современный словарь иностранных слов /Т.В.Егорова – М.: Аделант, – 2014. – 800 с.
5. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст]/Л.П. Крысин// Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, – 1996. – С.143 – 161
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка/С.А.Кузнецов. – СПб: Норинт, – 2014.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
7. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные слова/В.В.Лопатин. – М.: Наука, – 1973. – 152 с.
8. Лыков А. Г. Современная русская лексикология [Текст] / А.Г. Лыков. – М.: Высшая школа, – 1972. – 120 с.
9. Лихолитов В. П. Компьютерный жаргон /В.П. Лихолитов // Русская речь. –1997. – № 3. – С. 43-49.

10.Панов М. В. Неологизмы/ М.В.Панов. //Энциклопедический словарь юного филолога – М.: Педагогика, – 1984. – 352 с.

T.A.Pokazannikova

ENGLISH LANGUAGES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE HEADING PRAVDA.RU SITE)

The article discusses the concept of "neologism" and the use of neologisms as an integral part of the Internet language in the modern world, in particular in the headlines of the site pravda.ru. The relevance of the topic is due to the fact that in recent years, English has firmly taken the status of an international language, the main means of international communication, in the world. The increased interest in the English language ensured the active use of English words in Russian and their enrichment of the Russian language. In the course of the study, we determined that most of the new words are used in the headings to give them meaning, arouse the interest of readers.

Key words: *neologism, title, prestige, nominative function, borrowing.*

УДК 811.161.2'38

A.A. Шаповал

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. к. филол. наук, доцент Н.П. Курмакаева)*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КОМПЬЮТЕРНОГО СЛЕНГА

В статье рассматриваются теоретические аспекты лексико-семантической стратификации современного компьютерного сленга; исследуются дефиниции понятий «лексико-семантическая группа» и «лексико-семантическое поле» в современном языкознании. В данной научной работе описано 6 основных лексико-семантических групп компьютерных сленгизмов на материале 400 единиц, собранных методом выборки с разных пользовательских Интернет-сайтов и систематизированных в алфавитном порядке, которые охватывают различные сферы профессиональной деятельности программистов.

Ключевые слова: сленг, компьютерная сфера, лексико-семантическая группа, стилистическая дифференциация лексики.

В последнее время в мире происходят глобальные изменения, которые обуславливают дальнейшее развитие всего общества в целом. Демократизация общественно-политической жизни, либерализация социально-экономических основ и нравственных принципов в обществе, с одной стороны, и расширение поля общественного функционирования русского языка, с другой, обусловили мощные изменения на всех уровнях русского языка. Произошла демократизация всей жизни социума, а динамика языковых норм, изменения в русском коммуникативном пространстве и дискурсивных стратегиях стали едва ли не самым заметным явлением современности. Одним из таких процессов демократизации является распространение употребления жаргонной лексики всеми слоями населения, независимо от социальной

или профессиональной принадлежности, возраста, коммуникативных особенностей словоупотребления. В жаргоне, как в зеркале, отражается процесс изменений в обществе, в том числе процессы снятия запретов, цензуры, усиление влияния языка преступного мира и т.д., которые повлияли на поколение. Эти изменения нашли непосредственное отражение и выражение в языке [5, с. 82-89].

История изучения субстандартных языков в России насчитывает не одно десятилетие, а компьютерный сленг, в свою очередь, явление в русском языке достаточно новое, требующее всестороннего и глубокого анализа языковедами. Несмотря на наличие отдельных работ, посвящённых изучению социальных диалектов русского языка на современном этапе, исследования компьютерного сленга практически отсутствуют в русском языкознании, в частности, актуальность работы обуславливает недостаток в русской лингвистике исследований разновидностей жаргонных подсистем, среди которых главное место занимает компьютерный сленг.

Жаргон, безусловно, нарушает нормы литературного языка. Однако не всегда его использования можно идентифицировать исключительно как негативное явление. Встречаются случаи, когда жаргон в большей степени передаёт мысли или чувства говорящего, усиливает взаимопонимание между собеседниками, приводит к более быстрому решению проблемы или конфликта. Поэтому весьма актуальным является применение жаргона среди пользователей Интернета [8, с. 39-40].

Проблема изучения жаргона была и является актуальной в современной лингвистике. Различные аспекты этого явления описывали как отечественные языковеды (Е.Н. Галичкина, Е.И. Горошко, О.В. Дедова, Л.Ю. Иванов, Л.Ф. Компанцева, М.А. Кронгауз, А.Б. Кутузов, О.В. Лутовинова, Н.Б. Мечковская, И.Н. Розина, М.С. Рыжков, М.Ю. Сидорова, Ф.О. Смирнов, Г.Н. Трофимова, Л.Ю. Щипицина), так и зарубежные (Я.И. Манион, К.А. Косцинский, С. С. Херринг, А.Н. Маркхэм, С. Э. Маршалл и др.). Такое внимание к жаргонной речи объясняется тем, что она всегда чутко реагирует на изменения в общественно-политической и культурной жизни любого народа, а это влечёт за собой определённые сдвиги в её лексическом составе [2, с. 225].

Проблема семантической организации лексической системы языка является сегодня одной из сложнейших в языкознании, до сих пор она не получила своего окончательного решения, несмотря на огромную теоретическую базу. Именно поэтому строгого определения каждой из названных семантических категорий и тем более их исчерпывающего описания пока ещё нет (при том, что их лингвистическая реальность сомнений ни у кого не вызывает). Несмотря на различие подходов к описанию этих семантических категорий, в лингвистических работах последних десятилетий четко прослеживается стремление к раскрытию взаимосвязи и взаимообусловленности их членов [1, с. 77].

В последние годы всё большее внимание привлекает к себе расширенный подход к пониманию состава и структуры лексико-семантических групп (ЛСГ) языковых единиц. В связи с этим лингвистами была предложена новая концепция таких «расширенных» по своему составу лексических объединений, как функционально-семантический класс слов (ФСК). Появление этого класса связано с наблюдением факта взаимовлияния языковых единиц и их контекстного окружения [5, с. 87]. Рассмотрение лексической семантики слов разных групп развивает представление о непрерывности речевой системы, хотя и не гарантирует построения единой универсальной классификации, существование которой практически невозможно. Но создание такой классификации и не является для лингвистов главной целью, зато в результате прагматических попыток выдвигается ряд многоаспектных

исследовательских проблем лингвистического плана, и одна из основных касается переходности и множественности семантических связей в языке. Она предусматривает обращение к семантико-структурным особенностям лексико-семантических групп слов вплоть до выяснения традиционно дискуссионных вопросов, касающихся содержательной стороны понятий ЛСГ и ЛСП [4, с. 124-128].

Элементы тематических групп компьютерного сленга вступают друг с другом в системные отношения, образуют лексические парадигмы и даже гнёзда. На этой основе полевым методом и методом выборки жаргонной лексики с различных пользовательских Интернет-сайтов нами было собрано и систематизировано в алфавитном порядке более 400 единиц сленгизмов. Выявлен ряд лексико-семантических групп, охватывающих те сферы профессиональной деятельности, которые активнее всего обсуждаются в среде компьютерщиков.

Анализ исследуемого материала позволил стратифицировать следующие ЛСГ современного компьютерного сленга:

- 1) операции и отдельные действия;
- 2) программные продукты, отдельные программы, команды и файлы;
- 3) оборудование, детали и составные части компьютера;
- 4) сообщения системы пользователю;
- 5) пользователь/программист;
- 6) фирмы-производители оборудования и программ.

Почти все группы, кроме первой («Операции и отдельные действия») содержат в себе неологизмы, характеризующиеся наличием общих сем определённой группы. Стоит отметить, что некоторые значения новообразований накладываются друг на друга, в их общей части находятся языковые единицы, включающие в своё значение интегральные семантические признаки двух групп. Обратимся к изучению особенностей выделенных ЛСГ.

Количество выявленных сленгизмов в процентном соотношении к их общему количеству составляет: группа «Операции и отдельные действия» – 30%; «Программные продукты, отдельные программы, команды и файлы» – 21%; «Оборудование, детали и составные части компьютера» – 19%; «Сообщения системы пользователю» – 14%; «Пользователь/программист» – 9%; «Фирмы-производители оборудования и программ» – 7%.

Операции и отдельные действия

Название данной группы определяет совокупность наименований действий индивида (пользователя, программиста или специалиста) и ответных действий компьютера, потому компонентами этой ЛСГ являются глаголы и отглагольные образования (причастия, деепричастия). Общей семой данной группы является осознание действия, совершённого с помощью компьютера.

Приведём некоторые примеры лексем на обозначения названий операций и отдельных действий первой многочисленной группы компьютерных сленгизмов:

апгрейдить – модернизировать аппаратное обеспечение;

аплоад – загрузка файлов на сервер;

баг – сбой в программе, вызванный её недоработкой;

бэкапить – делать резервные копии;

выдрать – скопировать информацию из сети в компьютер или из файла в файл;

вынуть – разархивировать;

выкачка – копирование информации из сети;

выкладывать – размещать информацию в сети;

забанить – запретить;

защитемэйлить – создать файл с расширением .html...

Примеры с сайтов: *Имеешь неплохой юзерский опыт? Отправь мне новые фотки на моё мыло. Комп грохнулся. Надо заинсталить нового акробата. Операционная система проангрейджена.*

Программные продукты, отдельные программы, команды и файлы

Представленная ЛСГ включает в себя лексические единицы, содержащие в своей семантике понятие «программное обеспечение» или «software»: разнообразные компьютерные программы, операционные системы, приложения, файлы и документы. Например, Microsoft Excel (программный продукт фирмы Microsoft для работы с электронными таблицами), JPEG (Joint Photography Experts Group) – (метод сжатия изображений в графический формат), archiver (архиватор), utility (сервисная программа, предназначенная для выполнения определённой, большей частью вспомогательной функции), Microsoft Outlook (программный продукт фирмы Microsoft для работы с электронной почтой), DOS (Disk Operating System (дискровая операционная система, ДОС), browser (программа просмотра Web), spreadsheet (электронная таблица), antivirus (приложение, предназначенное для распознавания и удаления вирусов).

Сленговые названия программного обеспечения имеют ярко выраженные эмоционально-оценивающие коннотации. Пользователи и специалисты подвергают их разносторонней трактовке и придают своеобразные характеристики данным программам по различным критериям. Представленная ЛСГ субстантивированных сленгизмов тесно связана с другой ЛСГ («Сообщения системы пользователю»), которая насчитывает в себе качественные прилагательные, расположенные по увеличению/уменьшению определённого признака [3].

Заметим, лексику компьютерных игр можно условно отнести к подгруппе в рамках ЛСГ «Программные продукты». Особое внимание привлекают языковые единицы, описывающие названия игр, их типологию и компоненты.

Вторую ЛСГ представляют такие сленгизмы-названия программных продуктов, отдельных программ, команд и файлов:

айболит – антивирусная программа;

айпишник – IP-адрес;

гектар – гигабайт;

глюк, косяк, залипон – сбой в работе программы;

демка – неполная (ознакомительная) версия компьютерной программы или компьютерной игры;

джипег – графический файл формата JPG, JPEG;

крякала – программа взлома чужого программного обеспечения;

леталка – компьютерная игра жанра авиасимуляторов;

софтвер – программное обеспечение компьютера;

искательница – поисковая система и др.

Примеры в текстах: *И был у меня, конечно, компьютер, и стояла на нем «аська». Когда мой комп ловит глюк, я начинаю нервничать. Недавно загрузил себе замечательную стрелялку! Программному обеспечению надо немедленно закачать айболита. Постепенно привыкаю к своей досе.*

Оборудование, детали и составные части компьютера

Представленная третья группа сленгизмов охватывает названия деталей компьютера и периферийных устройств, то есть всего того, что на английском языке означает «hardware».

подавляющее большинство понятий имеют параллельные определения как в терминологии, так и в жаргоне. При полном совпадении денотата жаргонизм

отличается наличием дополнительных коннотативных сем экспрессии или оценки, придавая яркость и новизну привычным названиям [6, с. 47-50].

Рассмотрим на нескольких примерах менее многочисленную третью группу слов, обозначающих названия оборудования, деталей и составных частей компьютера:

бандура, аппарат, банка – компьютер;

болванка – чистая CD- или DVD-матрица;

вертушка, винт, вентилятор, жужулятор – жёсткий диск;

девайс – любое устройство (конструктивно законченная техническая система), имеющее определённое функциональное назначение;

эникей – любая клавиша;

железо – системные компоненты (детали) компьютера;

кулер – вентилятор, охлаждающий процессор компьютера и другие важные микросхемы (например, на видеокарте);

лазер / лазерник – лазерный принтер;

мама – главная (системная) плата системного блока, что обеспечивает связь и функционирование всех устройств компьютера;

пень – процессор «Pentium»;

цезарь – процессор «Celeron»...

Примеры в текстах: *На гиговой болванке записано множество аудио. И тут я понял, что мой пень уже своё отработал. На ноуте полетела мама. Как же меня забавляет новая хвостатая на мишедроме.*

Все приведённые лексемы объединяются в одну ЛСГ «Составные части компьютера» на той основе, что выражают общее понятие «деталь компьютера», что является инвариантным компонентом в смысловой структуре исследуемых слов или словосочетаний, которые выражаются в комбинации с различными дифференциальными семантическими признаками. Указанные наименования составных частей компьютера вступают друг с другом в различные семантические связи.

Уместно добавить, кроме слов, представленных выше, в состав данной ЛСГ входят такие единицы, как *system unit* (системный блок), *drive bay* (место для установки дискового накопителя), *graphics accelerator* (графический ускоритель), *floppy disk drive* (дисковод гибких дисков), *control unit* (устройство управления), *port* (многоуровневый вход или выход устройства, порт), *disk controller* (дисковый контроллер), *external storage* (запоминающее устройство), *hub* (сетевой концентратор), *graphics chip* (графический процессор), *data handling unit* (устройство обработки данных), *magnetic storage* (магнитное запоминающее устройство) и др. [7].

Сообщения системы пользователю

Эта лексико-семантическая группа является малочисленной. Здесь можно говорить о единстве частеречной принадлежности всех её компонентов, так как понятия мира Интернета и мира программного обеспечения многообразны по своей сути: это и отдельные предметы и явления, и действия, и даже реплики, характеризующиеся коммуникативной самостоятельностью.

Итак, четвёртая лексико-семантическая группа слов именуется сообщениями системы пользователю. Она представлена такими лексемами:

гамOVER (от англ. *game over*) – окончание игры;

экран смерти – текст сообщения о критической ошибке Windows (выводится на экран монитора в виде белых букв на синем фоне);

инвалид девице (от англ. *invalid device*) – неверно указано имя устройства;

рулез – хорошо;

синий сакс – плохо...

Например: *Меня раздражает постоянный инвэлид девицы на шаровом сайте. Видимо, **гамовер** – это самое неприятное в игре. Система **саксово** сработала.*

Пользователь/программист

Данная ЛСГ охватывает наименования компьютерных специалистов многих областей, а также простых пользователей и представляет собой разветвлённую систему, в которую входят термины-названия профессий: *programmer* (программист), *application developer* (разработчик приложений), *program analyst* (программист-постановщик), *average programmer* (программист средней квалификации), *system administrator* (системный администратор); юмористические вторичные номинации, параллельные единицам первой группы: *softy* (программист), *sys-frog*, *system jock* (системный программист), *ironmonger* (электронщик), *wirehead* (сетевик); номинации, не имеющие аналогов в терминологии и дающие более детальную типологию лиц, связанных с компьютерами: *doco* (человек, пишущий документацию), *netter tourist* (пользователь Internet); оценочные жаргонизмы типа *flamer*, *pain in the net* (конфликтный пользователь сети), *bagbiter*, *lamer* (некомпетентный, беспомощный пользователь), *newbie*, *naive user* (начинающий пользователь в киберпространстве, новичок). В числе таких сленгизмов преобладают единицы, выражающие типологические признаки «некомпетентности», например: *read-only user*, *weasel*, *twink*, *munchkin* [3].

Пятая группа компьютерных сленгизмов-названий людей, занятых тем или иным видом деятельности представлена такими лексемами:

виндузятник – пользователь ОС «Windows»;

геймер – игрок в компьютерные игры;

гуру – учитель, опытный мастер, квалифицированный программист;

железячник – человек, который хорошо разбирается в компьютерных компонентах (деталях);

кодер – программист;

кривой – тот, который плохо работает;

ламер – неумелый пользователь ПК;

линуксник – пользователь ОС «LINUX»;

нуб – новичок;

сисадмин – системный администратор.

Например: *Павел был весьма неумелым юзером седьмого виндузятника. Программирование для **чайников** – моя первая **хакерская** книга. Сегодня даже любой школьник считается достойным **геймером**. Важно, чтобы на раскрученном сайте работал внимательный **сисадмин**.*

Фирмы-производители оборудования и программ

К шестой группе интернет-жаргона относятся слова, обозначающие названия фирм-производителей оборудования и программ:

бима – компания IBM»;

голубой гигант – фирма-производитель компьютеров и комплектующих «IBM»;

Винда – операционная система «Windows» фирмы «Microsoft Corporation»;

Мелкая мякоть, *Некрософт* – компания «MicroSoft»;

Сантехника – оборудование от Sun Microsystems Computer Corporation»;

Хулити Плацкарт – компания «Hewlett Packard» [5, с. 94].

Например: *Круг компьютерных пользователей привлекает к себе современная **сантехника**. Я предпочитаю услуги **бимы**. Седьмой офис **Некрософта** поражает своими сверхсовременными характеристиками.*

Как видим, благодаря активному функционированию, популяризации через язык масс-медиа и рекламу единицы компьютерного сленга входят в круг широкого употребления, становятся достоянием общенародной речи.

Итак, в результате наблюдений над представленным материалом мы пришли к выводу, что сленгизмы компьютерной сферы являются активно и системно развивающимся кластером русского языка. Объяснение этого явления лежит на поверхности: за данной областью человеческой деятельности – будущее, а человек устремлён в него. Освоение неизведанного сопровождается возникновением обозначений для новых реалий. Вряд ли какая другая область жизнедеятельности человека, кроме медицины и связанных с нею сфер (здоровый образ жизни, здоровое питание, новейшие операционные технологии, косметическая хирургия, трансплантология и т. п.) в состоянии конкурировать со сферой компьютерных технологий в отношении количества возникающих новообразований, которые требуют к себе пристального внимания специалистов, в том числе лингвистов. Наше исследование искомым единиц находится только в начале пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аладышкина А. С. Современное интернет-сообщество: социально-стратификационный анализ: дис. ... канд. социол. наук / А. С. Аладышкина. – Нижний Новгород, 2016. – 195 с.
2. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / Е. И. Горошко. – Орёл: Каргуш, 2007. Вып. 5. С. 223–237.
3. Живой Журнал: на русском языке. Режим доступа: [//www.community.livejournal.com](http://www.community.livejournal.com) (дата обрац.: 15.12.2018).
4. Землякова Е. А. Лингвостилистические характеристики жанра англоязычного корпоративного блога: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Землякова. – Харьков, 2017. – 180 с.
5. Раскладкина М. К. Интернет как средство организации информационно-политического пространства России: дис. ... канд. полит. наук / М. К. Раскладкина. – СПб., 2016. – 200 с.
6. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 189 с.
7. Харгадон С. Web 2.0 – это будущее образования. 2018 / С. Харгадон. – Режим доступа: <http://www.websoft.ru/db/wb//doc.htm> (дата обрац.: 19.01.2019).
8. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. – М.: КРАСАНД, 2014. – 219 с.

A.A. Shapoval

LEXICAL-SEMANTIC STRATIFICATION OF MODERN COMPUTER SLANG

This article deals with the theoretical aspects of lexical-semantic stratification of modern computer slang; the definitions of the concepts of «lexical-semantic group» and «lexical-semantic field» in modern linguistics. This research paper describes 6 basic lexical-semantic groups of computer slangisms on the material of 400 units collected by sampling

from different user websites and systematized in alphabetical order, which cover various areas of professional activity of programmers.

Key words: *slang, computer sphere, lexical-semantic group, stylistic differentiation of language.*

УДК 81-115, 81'73.45

А.Д. Шацкая

*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. К.И. Декатова)*

ТЕКСТ КРЕОЛИЗОВАННЫХ МЕМОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ

В статье рассматриваются способы передачи эмоций в одном из видов классических мемов. Определяется, каков состав отражаемых эмоций (в основном, негативные), какова роль вербальной и визуальной части. Заявляется возможность выделения нового типа эмотивов – креолизованных.

Ключевые слова: *интернет-дискурс, креолизованный текст, мем, эмотив.*

Интернет-коммуникация расширила возможности развития русского языка: в публичной сфере общения появились новые речевые жанры, которые содержат в себе как известные, так и новые способы выражения тех или иных мыслей, эмоций, чувств. В нашей статье мы проанализируем, в чем проявляются особенности отражения эмоций в текстах креолизованных мемов. Ведущими в нашей работе являются термины «интернет-дискурс» и «мем». Поскольку эти термины трактуются разными исследователями по-разному, считаем необходимым уточнить их значение.

Интернет-дискурс, в рамках которого ведется сбор и анализ данных, – это особый тип общения, реализуемый в глобальной сети, что дает возможность с одной стороны рассматривать данное явление как разновидность коммуникации, а с другой – как ситуацию коммуникации [4, с. 28]. Новые жанры общения, которые появляются в этом виде дискурса, уже исследовались такими учеными, как Е.И. Горошко, Л.Ю. Иванова, О.В. Лутовиновой, А.В. Угро, Ю.В. Щуриной и другими. В нашем исследовании мы обратимся к комическим речевым жанрам, в частности к одной из их разновидностей – мемам, анализом которых занимались Н.В. Гладкая, Е.И. Горошко, Е.А. Нежура и др.

Мем – это комический речевой жанр, который присущ интернет-дискурсу; имеет скрытую и открытую формы информации; в нем присутствует вербальная и визуальная составляющие. Мемы, как правило, появляются в различных интернет-сообществах (социальные сети, чаты, блоги, форумы и т.д.) и при помощи этого интернет-жанра передается самая интересная, запоминающаяся, полезная информация, связанная так или иначе с нашей жизнью. Мемы анонимны. В настоящее время существуют три типа мемов – классический, эдвайс, фэйс. В нашей статье мы обратимся к такой разновидности классических мемов, как креолизованные. Это один из типов креолизованных текстов, «фактура которых состоит из двух негетерогенных частей (вербальной и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [10, с. 180].

Как представляется, мемы становятся одним из новых видов устойчивых выражений, получивших распространение в интернет-пространстве, о чем

свидетельствуют такие их признаки, как устойчивость, образность, последний признак становится базой для формирования экспрессии, причем воздействие на читателя в креолизованных мемах оказывается не только словом, но и картинкой. Однако непроницаемость в мемах всё же наблюдается непоследовательно, что отражается в возникновении различных текстовых вариантов. И всё же названные признаки, на наш взгляд, позволяют отнести мемы к фразеологизмам нового типа – виртуальным, а насыщенность экспрессией дает возможность говорить о том, что появился *новый тип эмотивов – креолизованный*. Как известно, термин *эмотив* понимается и в узком смысле, и в широком смысле. В первом случае он употребляется только по отношению к экспрессивной эмотивной лексике (см. работы В.И. Шаховского, В.Н. Телия, И.Р. Гальперина, Е.М. Вольф), во втором – охватывает все языковые средства, отображающие эмоции, то есть в ней объединяются семантически близкие языковые единицы разных уровней (см.: Л.Г. Бабенко, А.А. Водяха и др.). В нашей работе мы придерживались последней точки зрения, но добавляем, что в интернет-дискурсе появился синтезированный вид эмотивов, в которых вербальная и визуальная части совместно участвуют в передаче тех или иных эмоций. При анализе материала мы будем опираться на классификацию лексических эмотивов Л.Г. Бабенко [1].

В креолизованных мемах эмоции могут отражаться как в визуальной составляющей, так и в вербальной. В подавляющем большинстве мемов актуализируются негативные или иронично-негативные смыслы. Как правило, в меме присутствует несколько эмоций, но встречаются случаи передачи одной эмоции. Например, удивление.

Рис. 1.

Что происходит — мем с кадрами из фильма «Грязь» с актером Джеймсом Макэвоем. Он хватается за голову и смотрит вперед затуманенным взглядом. Мем показывает ситуации, когда человек сильно удивляется происходящему или находится в шоке.

Однако в остальных проанализированных нами случаях эта эмоция сочетается с другими – удивление и насмешка (Рис. 2), удивление и подозрительность (Рис. 3).

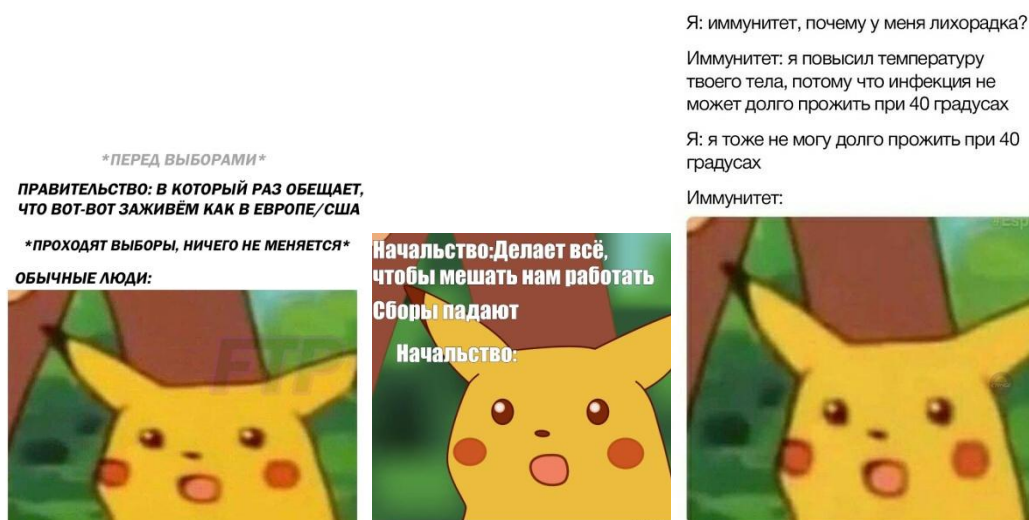

Рис. 2.

Удивлённый Пикачу (Surprised Pikachu) — мем из аниме «Покемон» с удивлённо приоткрывшим рот Пикачу. Изображение используется как реакция на какой-то неожиданный результат, который вполне можно было предсказать. Мем высмеивает недальновидные поступки, которые склонны совершать люди.

Кот Том с газетой — мем с персонажем Котом Томом из мультсериала «Том и Джерри», который смотрит в сторону от развернутой газеты с подозрительным выражением лица. Изображение часто сочетается с надписями, указывающими на запутанный, потенциально трагический сценарий, который заставил бы Тома задуматься и смотреть в сторону от газеты.

Рис. 3.

Удивление часто сочетается с грустью (Рис. 4). Мем «я тебе какое плохое зло сделал», который используется в ответ на грубый, обидный комментарий. Для эмоционального усиления используется плеоназм «плохое зло».

Рис. 4.

Мем «можно ненадо» (Рис. 5) с рыжим котенком иллюстрирует ситуации, в которых хочется любым образом избежать неприятное событие — например, когда учительница собирается поставить двойку. Этот мем является реакцией на нежелательные действия со стороны окружающих.

Рис. 5.

Грусть может быть связана и с проявлением других эмоций. **Интервью с грустным котом** — коллаж из трех кадров, на котором корреспондент телеканала разговаривает с котом, кажущимся удрученным (Рис. 6). Мем служит иллюстрацией разочарования в жизни, усталости и депрессии. Сначала мем «Интервью с котом» обыгрывал тяжелую жизнь кошек: например, кастрацию и нехватку колбасы, но практически сразу стал касаться проблем людей. Наиболее частые сюжеты «Интервью

с грустным котом»: вопрос о том, как прошло лето, а также диалог «Материться можно?», который сам по себе является мемом.

Рис. 6.

Как смеешь ты стоять там, где стоял он (How Dare You Stand Where He Stood) (Рис. 7) — фраза из фильма «Гарри Поттер и Дары Смерти: Часть 2», где главный герой это Северусу Снейпу, когда увидел его на месте директора Хогвартса Альбуса Дамблдора. Мем высмеивает любые неудачные замены.

Рис. 7.

Эмоция злость может сочетаться с эмоцией горе. **Питер Гриффин плачет** — кадр из мультсериала «Гриффины», на котором изображен Питер Гриффин, рыдающий в шкафу (Рис. 8). Это может использоваться как картинка-реакция без всяких подписей. Мем выражает отчаяние, глубокую грусть или обиду. Часто шаблон используют в связке с фразой «Да заткнись ты уже» — такой формат мема выражает состояние человека, доведенного кем-то до слез, поэтому он в глубокой обиде оборачивается и в слезах просит говорящего прекратить.

Рис. 8.

Самоубийство или сдаться — мем с героем компьютерной игры Detroit: Become Human андроидом Коннором, который смотрит прямо перед собой и должен выбрать

одно из действий: самоубийство или сдаться (**Рис. 9**). Мем подходит для жизненных ситуаций, из которых нет хорошего выхода. Как правило, речь идет о вполне обычных бытовых проблемах, которые часто кажутся непреодолимыми. Например, ребенок не сделал то, о чем просила мама, и боится ее гнева.

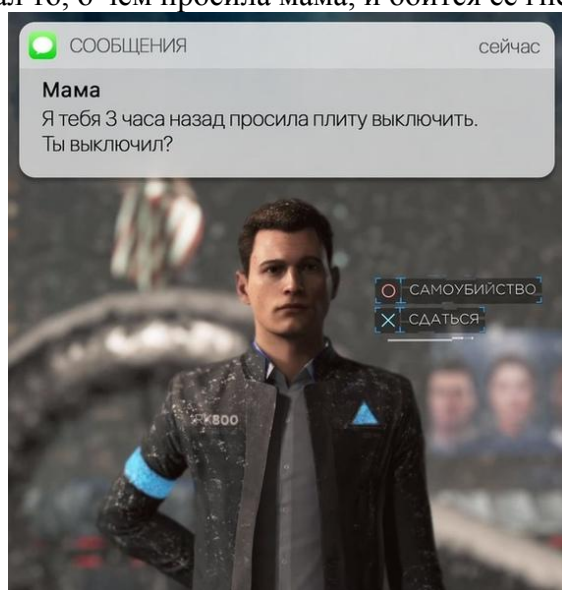

Рис. 9.

Эмоция неприязнь может сочетаться с недовольством. Фантастические твари — мем на основе заставки из фэнтезийного фильма «Фантастические твари и где они обитают», в котором последнюю часть названия заменяют другими словами (**Рис. 10, 11, 12**). Этот мем выражает реакцию на различные явления и события, которые в обществе принято ругать. Речь может идти о гаишниках, депутатах, а также о бытовых ситуациях: людях, которые могут вставать по будильнику, или те, у кого есть новогоднее настроение.

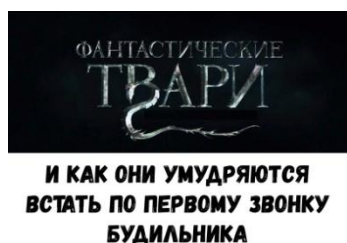

Рис. 10.

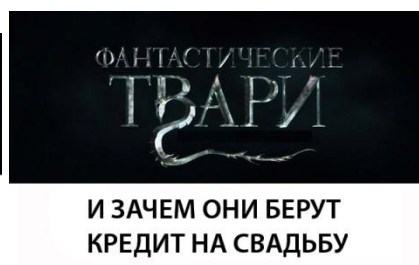

Рис. 11.

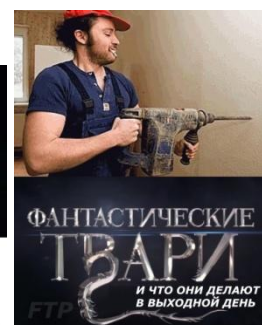

Рис. 12.

Кроме того, неприязнь может сочетаться с насмешкой. Вот и я не вижу. А он есть — мем, возникший на основе цитаты из фильма «ДМБ». В оригинале герой спрашивал другого, видит ли он суслика (**Рис. 13**). Но в мемах это слово стали заменять на любое другое. Фраза «Вот и я не вижу. А он есть» используется вместе с соответствующим кадром из фильма, когда говорится о вещах и явлениях, которые недоступны человеческому глазу, но существуют. Часто мем используется в ироническом ключе, когда разговор заходит о том, что существует только на бумаге или в чьей-то голове.

Рис. 13.

Встречаются случаи, когда эмоции перекодируются. Так, в приведенном ниже примере положительное эмоциональное состояние преобразуется в отрицательное (Рис. 14).

произошел троллинг...

Рис. 14.

Произошел троллинг – абстрактный вариант классических мемов-сравнений. Обычно берутся две картинки с одним и тем же персонажем (или похожими друг на друга). Под первой пишут «Обычное состояние», под второй — «Произошел троллинг». Фраза «произошел троллинг» иронично описывает метаморфозы, которые случаются с человеком после того, как его затроллили. Мем практически не имеет смысла, являясь очередным детищем абстрактных пабликов, но часто используется в кругах тех кто понимает, о чем идет речь. Сама фраза «Произошел троллинг» в широком смысле стала заменой таких понятий, как «обман», «подкол». Чаще всего этот мем высмеивает привычный формат мемов-сравнений, предлагая свою альтернативу состояний «до» и «после».

Противоположную ситуацию наблюдаем в следующем случае, когда негативное состояние (жестокость) сменяется положительным (Рис. 15, 16).

Рис. 15.

Рис. 16.

Мальчик с сапогом на голове (Pressing a Boot On Your Own Head) — мем, на котором маленький мальчик лежит на земле и прижимает к своей голове руку с надетым на нее сапогом. Если обрезать фото, складывается ощущение, что чья-то нога придавила малыша к земле. Мем «Мальчик и сапог» демонстрирует неоднозначность

некоторых ситуаций, а также истории, в которых можно завуалировать что-то лишнее. Второй случай идеально описывает суть российского телевидения и вообще журналистики в целом, на что и обратил внимание пользователь «Пикабу», разместивший мем. Если на оригинальном кадре с мальчиком мы видим всю картину целиком, то откадрированный показывает то, что хотят показать власти и ангажированные им СМИ. В широком смысле этот мем иллюстрирует и обычные бытовые ситуации, например, когда человеком, ответственным за твои проблемы, оказываешься ты сам.

В следующем меме либо отражаются положительные эмоции, либо над ними иронизируют (Рис. 17).

Рис. 17.

Парень приподнимает шляпу (Tips Fedora) — мем, в котором полный бородатый мужчина с неловкой улыбкой касается края своей шляпы федоры. Фраза Tips Fedora, которая буквально значит «Касаюсь Федоры» (шляпы подобного вида), используется в сети в знак выражения признания или согласия с кем-то. Обычно этот мем и сама фраза направлены на выражение саркастической благодарности или на демонстрацию недружелюбного приветствия. В редких случаях в сети этот микс будет использоваться по прямому назначению и действительно выражать и означать уважение. Все зависит от контекста ситуации

Как показал проведенный анализ, практически все мемы актуализируют негативные эмоции. Наиболее частотны из них удивление (недоумение) и грусть.

Креолизованные мемы, на наш взгляд, можно назвать креолизованными эмоциями, особенностью которых является сочетание нескольких эмоций. Вербальная часть в них может прямо или завуалированно отражать ту или иную эмоцию, а визуальная усиливать, дополнять или изменять этот смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. – 184 с.
2. Водяха А.А. Эмоциональная рамка высказывания: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / А.А. Водяха. – Волгоград, 1993. – 18 с.
3. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 55-76.
4. Гладкая Н.В. Комические речевые жанры в интернет-дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. н. / Н.В. Гладкая. – Донецк, 2018. – 29 с.
5. Горошко Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е.И. Горошко // Жанры в Интернете. – Киев, 2012. – С. 15–33.
6. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л.Ю. Иванов. – М.: Азбуковник, 2000. – 791 с.
7. Латипова А.Л. Лингвистические особенности языка интернет-дискурса / А.Л. Латипова // Известия ВГПУ. – 2018. – № 6 (129). – С. 159-163.

8. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дисс. ... д. филол. н. / О.В. Лутовинова. – Волгоград, 2009. – 519 с.
9. Нежура Е.А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета / Е.А. Нежура // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 47–52.
10. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180-181.
11. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки / В.Н. Телия // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М.: РАН Института языкознания, 1996. – С. 31-38.
12. Угро А.В. Виртуальное жанроведение: в поисках жанра / А.В. Угро // Известия ВГПУ. – 2018. – № 6 (129). – С. 168-172.
13. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161-173.
14. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации / Ю.В. Щурина // Известия ВГПУ. – 2013. – № 6 (81). – С. 34-38.
15. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии / Ю.В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 6 (59). – С. 85-89.
16. Щурина Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета / Ю.В. Щурина // Известия ВГПУ. – 2014. – № 2 (87). – С. 39-43.
17. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

A. D. Shatskaya

A CREOLIZED TEXT OF THE MEME AS A REFLECTION OF EMOTIONS

The article deals with the ways of emotions transmission in one of the types of classical memes. It is determined what is the composition of the reflected emotions (mainly negative), what is the role of verbal and visual parts. The possibility of isolation of a new type of emotive – creolized-is declared.

Key words: Internet discourse, creolized text, meme, emotive.

УДК 811.161.2'38

К.В. Васильковская

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. канд. филол. наук, доцент Н.П. Курмакаева)*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена исследованию новых англо-американских заимствований, собранных из текстов молодежной интернет-коммуникации. Произведена систематизация по структурному и тематическому параметрам. Выявлены изменения семантической структуры иноязычных лексем, функционирующих в современном

интернет-общении.

Ключевые слова: *англо-американизмы, структурные типы, тематические группы, смысловые трансформации.*

Как отмечают лингвисты, в мире не существует языка, который бы не имел в своем составе заимствованной иноязычной лексики. На протяжении последних десятилетий русский язык пополняется новыми лексическими единицами посредством популяризации английского языка и англоязычной культуры, в основном американской. Поэтому такие заимствования стали называть англо-американизмами (слова из английского языка и его американского варианта). Заимствование стало основным способом пополнения и обогащения языка в XXI веке. Процесс заимствования представляет собой перенесение любого элемента иностранного языка (морфемы, слова и др.) в другой язык в результате осуществления речевого общения.

За этими процессами всегда наблюдали лингвисты. Уже в 50-е годы советский языковед В.В. Виноградов отмечает все возрастающее влияние на лексику современного русского языка англо-американизмов, именуя его «американобесием» [3].

В качестве основополагающих в современной науке об иноязычных заимствованиях следует выделить работы Л.П. Крысина, А.И. Дьякова, Н. С. Валгиной, А.В. Зориной, Л.П. Лобковской, В.И. Шаховского и др.

Исследователь А.Э. Григорян при рассмотрении новейших английских и американских заимствований особое внимание уделяет изменениям в их семантической структуре, отмечая «появление новых заимствований или их оттенков, отодвижение одних значений на периферию и привнесение других в центр под влиянием заимствованных слов и калек» [3, с. 63].

Причины и сфера использования заимствований обуславливаются функцией англо-американизма. Л. П. Крысин акцентирует внимание на социальных моментах сферы использования сленгизмов-заимствований: 1) потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т.п.; 2) необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия; 3) необходимость специализации понятий в той или иной сфере, для тех или иных целей; 4) тенденция, заключающаяся в том, что цельный, нерасчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен «цельно», нерасчлененно, а не словосочетанием; 5) социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или ее частью иноязычного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [6, с. 58].

Н. С. Валгина в книге «Активные процессы в современном русском языке» отмечает неоспоримое влияние англицизмов на жаргон современной молодежи (связанное с распространением англоязычной культуры), особенно в сфере компьютерных технологий (связанное с развитием техники и коммуникации) [2, с. 119 – 120]. М.А. Кучеренко в продолжение темы развития молодежного жаргона назвала этот процесс «варваризацией», изучив его как развивающееся явление в интернет-коммуникации [7].

А. В. Зорина в статье «Англицизмы в современном русском языке» отмечает, что «англицизмы, пришедшие в современный русский язык из других языков, имеют разную степень ассимиляции в языке-реципиенте. Часть иноязычной лексики она рассматривает под статусом собственно заимствований (полных или частичных), часть – как иноязычные вкрапления [5, с. 14].

Л.П. Лобковская в статье «Семантическая эволюция англо-американизмов в

лингвокультурном аспекте» подчеркивает, что «в XX в. одним из основных языков-источников становится английский. Смена языкового влияния обусловлена тем, что английский язык приобрел статус *Lingua franca* (языка общения) XX в. и из «принимающего» языка превратился в «дающий» [8, с. 81].

В связи с тем, что компьютер и интернет использует всё большее количество людей разных национальностей, возрастов и социальных положений, англо-американизмы получают всё большее распространение, взаимодействуют с языковой средой носителей и имеют выход в устную повседневную речь. Их присутствие в живой разговорной речи пользователей соцсетей и интернета становится весьма заметным явлением. Всё это диктует «необходимость изучения соответствующих лингвистических изменений» [10, с. 303] и свидетельствует об актуальности и практической необходимости данного научного исследования.

Объектом мы выбрали язык современного молодого поколения в интернет-коммуникациях, а **предметом** – функционирование в нем англо-американизмов.

Цель исследования: изучение структурных и семантических характеристик англо-американских заимствований в языке-реципиенте на уровне текстов молодежной интернет-коммуникации. В **задачи** входит систематизация и описание картотеки фактического материала объемом 100 единиц с образцами функционирования англо-американизмов в русском языке сети Интернет.

Поскольку в настоящее время учеными отмечается активизация англо-американских заимствований [2 – 11], то выбор темы не был случайным. Их поток требует внимания лингвистов, изучения их различных характеристик и параметров, одним из которых может быть распределение на структурные и семантические группы в языке-реципиенте.

В рамках данной работы нами были рассмотрены лексические единицы, заимствованные из английского языка и его американского варианта на протяжении последних лет, и их производные, образованные различными способами словообразования, характерными для русского языка. Материалом для исследования англо-американизмов послужили статьи, представленные в сети Интернет. Среди них отмечаются различные группы неологизмов: собственно неологизмы (новые слова для обозначения новых реалий): *кэш, блок-бастер, аккаунт, монитор, модем, сайт, хакер, юзер* и др; лексические новообразования на базе английских корней: *хакерский, юзить, сидешник, янговый, промоуторский* и др., окказионализмы (авторские новообразования): «Веблиш» («Web» + «English», язык, который распространяется в среде пользователей Интернета, охватывая все более широкие слои массовой аудитории), которые постепенно из окказиональных слов переходят в общеязыковое употребление.

К приоритетным сферам распространения неологизмов в основном английского происхождения в интернет-коммуникации следует отнести социально-экономическую (*медиа, маркетинг, франчайзинг, мерчендайзер*), научно-техническую (*байт, винчестер, дисплей, стример, онлайн, логин, пост, сканер, пиксель, фейсбук*) области и сферу культуры (*блогинг, смайл, прайм-тайм, ивент, буккроссинг*).

Большинство исследуемых нами слов относится к именам существительным (около 60%). Это можно объяснить характером данной части речи и ее способностью обозначать предмет, субстанцию, служить «ярлыком», «этикеткой». Неологизмы с субстанциональным значением англо-американского происхождения могут быть разных структурных типов: однословные, составные, сложные.

Однословные наименования представлены лексемами, состоящими из одного слова но с разным количеством корней в них:

а) однокорневые: *рофл, мем, сигна, лол*. Например: *Кино не особо, но в конце полный рофл* (Интернет-журнал «YOUinFASHION»); *Но, чтобы узнать, что такое сигна в Контакте, можно и не быть известным или успешным* (Интернет-статья «Что такое Сигна?»).

б) сложные двухкорневые слова, образовавшиеся путем словосложения: *скрапбукинг* (англ. scrapbooking ← scrapbook от scarp «вырезка» + book «книга», букв. «книга из вырезок»), *хендмейд* (англ. Hand mad ← от hand «рука» + mad «работа», букв. «ручная работа»). Например: *Как любая деятельность, хендмейд имеет свои положительные и отрицательные стороны* (Журнал "HAND-MADE бизнес" №27);

в) сложные биномины (двухсловное наименование с дефисным написанием, что делает его формально одним словом): *маст-хэв, шоу-рум, бэби-бумер, хэд-хаантинг, хот-спот, флоппи-диск, флеш-память* и др. Например: *Вышедший из моды маст-хэв называют "last season" - прошлый сезон* (Интернет-журнал «Woman's Day» №12);

г) аббревиатуры с транслитерацией и без нее (*СМС, пиар, PR, CD, DJ, DVD* и др.). Например: *Запись лучом лазера или CD-R технология (часто используется термин «duplication» – «дубликация»)* (Интернет-статья «CD-R диски, технология изнутри» А.Бордоусов.).

д) универбаты на основе иноязычных корней: *шенгенка (шенгенская виза), дисконтка (дисконтная карта), материнка (материнская плата)*. Например: *Используя такую материнку, вы можете использовать свою старую DDR2, а когда появится необходимость, заменить ее на более производительную DDR3* (Интернет-статья «Что такое материнская плата»).

е) слова, состоящие из редуцированных или усеченных форм: *админ, комп, пугер, софт, проги, субж/сабж*. Например: *Бывают случаи, когда всё сообщение умещается в поле "Тема", поэтому в теле письма пишут лишь одно слово "Сабж"* (Интернет-статья «Что такое Сабж?»).

В зависимости от отношения к предмету (фамильярное, дружески-уменьшительное или др.) член интернет-коммуникации может избрать экспрессивно-эмоционально окрашенную форму слова (придать иностранному слову некую «русскость»), в связи с чем он выбирает из арсенала русских морфем тот или иной суффикс и создает новое слово по образцу имеющихся в языке моделей в процессе употребления существительных-заимствований в разговорной речи. Например: *вирусяка* (вирус), *пюсюк* (компьютер), *флопак* (дисковод), *виндузятник* (в неологизме приобретает явную ироничную, неодобрительную окраску).

Составные двухсловные наименования представлены в расчлененном типе и подразделяются на:

- словосочетания существительного с существительным: *палетка хайлайтеров, оттенок бронзера* и др.. Например: *Палетка хайлайтеров придаст коже сияние, делая ее более свежей и отдохнувшей, а также позволит сконтурировать лицо* (Интернет-журнал «Woman's Day» №12).

- существительного с прилагательным: *фейковый аккаунт, хайповый ролик* и др. Например: *Если вас просят создать аккаунт, значит — нужно зарегистрироваться* (Интернет-статья «Что такое аккаунт?»). От имен существительных англо-американского происхождения актуально образование адъективов - относительных прилагательных, у которых обнаруживают активность продуктивные суффиксы *-ск-*; *-н-*; *-ов-*:

1) *-ск-*: *хакерские* (программы), *блогерские* (сайты), *стримовские* (каналы). Например: *Давайте посмотрим, какие есть самые большие хакерские и кардерские форумы в российском и зарубежном даркнете* (Интернет-статья «Секреты Даркнета»).

2) **-н-**; *мемная* (картинка), *контентная* (стратегия), *шазамная* (песня); *венчурный* (сектор). Например: *Доверие к контентным проектам увеличивается в течение длительного времени* (Интернет-блог «Семантика»).

3) **-ов-**: *скилловый* (игрок), *фейковый* (аккаунт), *диссовый* (трек). Например: **Фейковые аккаунты не только рассылают спам и портят статистику SMM-кампаний, но и несут реальную опасность** (Интернет-статья «Фейковые аккаунты в соцсетях: как выявить и защититься»).

Собранная нами картотека фактического материала неоднородна и по сфере их применения, по тематике. Новейшие англо-американизмы можно разделить на несколько тематических групп:

1. **Геймерские слова** – *чат* (общая беседа), *скилл* (опыт), *гамать* (играть), *юзать* (использовать), *стим* (сервис для игр онлайн), *стрим* (интернет-трансляция), *рофл* (шутка), *бафф* (в игре – усиление способности, защита от чего-либо), *нуб* (новичок, или человек, не умеющий играть), *донат* (денежная поддержка стриммера), *оффнуть* (закрывать). Например: *Те, кто хоть раз платил в игру, сразу становятся донатерами* (Интернет-статья «Донат в играх. Что это такое, и с чем его едят»).

2. **Косметологические термины** – *хайлайтер* (косметическое средство, содержащее большое количество блесков), *консилер* (косметическое средство, используемое для корректирования несовершенной кожи), *бронзатор* (*бронзер*) (косметическое средство, используемое для затемнения некоторых участков лица), *шеллак* (специальное средство, используемое для долгосрочного покрытия ногтевой пластины), *гель лак* (аналогично предыдущему). Например: *Проведем небольшой экскурс по процедуре шеллака, которая поможет вам создать качественный маникюр* (Интернет-статья «Всё о шеллаке»).

3. **Молодежные культуры** – *твит* (запись в социальной сети «Twitter»), *фолловер* (пользователь, который подписался на обновления аккаунта в социальной сети «Twitter»), *чекинить* (отметить свое местоположение в социальной сети), *инста* (социальная сеть «Instagram»), *стори* (функция «Stories» в социальной сети «Instagram»), *хайп* (пиар), *антихайп* (направление в музыке), *хейтер* (антифанат), *свайпнуть* (движение пальцев вверх в социальной сети «Instagram» для перехода по ссылке), *шазамить* (искать песню в приложении «Шазам»), *лойс* (*лайк*), *мем* (смешная картинка), *фейк* (ненастоящий), *сигна* (фотография, на которой присутствует имя и фамилия человека), *лол* (громко, вслух смеяться), *бан* (ограничение), *селфи* (фотография самого себя), *комент* (комментарий в социальных сетях), *блогер* (человек, который занимается продвижением рекламы и ведет свой блог), *контент* (содержание). Например: *В антихайп входит достаточно много музыкальных групп и исполнителей, вот некоторые из них: MF Док, UNDA...* (Интернет-статья «Антихайп - что значит?»). *И всё же селфи являются одержимостью внешностью и проявлением нарциссизма* (Интернет-журнал «Лайфхакер»).

4. **Компьютерные технологии** – *реплика* (подделка, повтор), *пруф* (доказательство, факт), *френдзона* («зона дружбы»), *эпик* (нечто глобальное, величественное), *лайфхак* (совет), *треш* (неактуальная вещь), *экин* (зрелищность), *фэйл* (неудача), *пресет* (набор настроек для мобильной или компьютерной обработки фотографии), *спам* (рассылка сообщений), *чилить* (гулять, отдыхать). Например: **Пресеты создаются для определенных видов снимков, с похожими параметрами и цветовой гаммой** (Интернет-журнал «Наука и техника» № 67); **Про шесть простых лайфхаков, которые помогут быстро навести порядок в машине, – читайте далее** (Интернет-статья «Проверенные лайфхаки для автомобилистов»).

5. **Наименования лиц мужского и женского пола** по профессии, роду деятельности, приверженности к той или иной идеологии, движению, направлению в культуре – *блогер, блогерша, спикмейкерша, девелопер, фрилансер, кёрлингист, компьютерщик, компьютерщица, посовик, хакер, флешмобер, промоутер*. Например: *Название профессии промоутера* происходит от английского слова «*to promote*», имеющего значение «*продвигать*» (Интернет-статья «Кто такой промоутер и что это за профессия?»).

Большинство англицизмов при переходе в русский язык формируются

- в имя существительное : *скан, фолловер, скилл, свайп, шазам, рофл, дисс, фейк, пресет*, от которого при необходимости с легкостью можно создать:

- имя прилагательное: *баннерный, блогерский, онлайнный, мейнстримовский, скилловый, фейковый, юзеровский, рейвовый, венчурный, пиринговый, хакерский* и др;

- глагол: *агриться, банить, кликнуть, ксерить, мелировать, мониторить, пирсинговать, фолловить, хакнуть, шазамить, сканировать, рофлить*.

В ходе исследования эмпирического материала выяснено, что неизменяемых заимствованных слов встречается значительно меньше (*блог, байер, джойстик, киборг, клик, файл, скан, ксерокс, чат, флаер* и др.), чем производных (*имиджирование, флеш-память, флоппи-дискета, фолкроковый, фэнтэзийщик, фьючерсный, хакерша, хакнуть, хипповать, чатиться, шопинговать* и др.).

Несмотря на сравнительно короткий срок существования языка интернет-коммуникации, значительная часть материала, попадающего в сферу нашего интереса, позволяет сделать вывод о наметившихся семантических изменениях в сфере внутренней формы заимствованного слова в процессе его функционирования в языке-реципиенте.

Приведем примеры некоторых слов из интернет-общения, никак не сменивших свой денотат, и слов, претерпевших некоторые смысловые трансформации.

Так, работая с толковыми словарями, мы обратили внимание на то, что семантизация части из них дается в виде обычного прямого перевода и других значений не приводится, например: *буккроссинг* ('общественное движение, близкое к флешмобу и основанное на спонтанном обмене книгами' [1]): *Буккроссинг стал настолько популярным, что власти Москвы решили установить стеллажи для книг в пешеходных зонах*.

Значительное количество исследуемых слов в процессе функционирования претерпели различные трансформации семантической структуры: расширение (*прогрессив, френч, процессор*) или сужение (*look, gamer, notebook, изи*).

Рассмотрим, например, слово *френч*. Раньше этим словом именовали куртку, названную по имени британского фельдмаршала Джона Дентона Френча. Сейчас же у этого слово развилось ещё одно значение – разновидность декоративного дизайна ногтей «французский маникюр». Зная, что, во-первых, в английском языке данный предмет одежды называют *service jacket*, а не *french*; а во-вторых, английское слово *French* является прилагательным и переводится как *французский*, можно предположить, что вначале в русский лексикон попало словосочетание *French manicure*, а затем оно компрессировалось, транслитерировалось и субстантивировалось: *Классический френч смотрится очень красиво и на коротких ногтях*.

Противоположный процесс – сужение по денотату – прослеживается во многих англицизмах, «поскольку эти слова в русском языке функционируют как номинанты понятий, пришедших с западной культурой» [9, с. 15]. Входя в отечественное культурное пространство, заимствование занимает в нем определенную нишу, часто одну, конкретную. Так, английское слово *look*, которое в языке-доноре имеет несколько

значений: 'вид', 'взгляд', 'внешность', 'взор', 'наружность', 'выражение лица', попадая в русский язык, транслитерируется и сужает своё значение до одного – 'наряд, туалет'. Например: *Пересмотрела в интернете самые популярные луки с этой вещью.*

Другое слово **кастинг** (англ. Casting - букв. - забрасывание) в языке-доноре имеет 2 значения: 1) вид спорта, упражнения по технике владения рыболовными снастями (забрасывание спиннинга на дальность и меткость); 2) в модельном бизнесе конкурс, дающий возможность подобрать наиболее интересных из числа его участников для показа моделей одежды. В шоу-бизнесе – подбор исполнителей [1]. В русский язык неологизм **кастинг** вошел с одним значением ('отбор людей на какую-либо должность'): *В Перми прошел кастинг на конкурс «Краса России»;*

Встречаются и случаи полного изменения семантики слова при переносе в язык-реципиент. Например, слово **notebook** с английского переводится как «блокнот» («note» - заметка и «book» - книга), однако в русском языке это слово подверглось транслитерации и стало обозначать переносной персональный компьютер. Любопытно, что в английском языке это слово лишено такого значения и вместо него используется лексема *laptop*. Пример: *И другой ноутбук пару дней назад подключался через wi-fi, запросил пароль доступа - ввёл и работал.*

Рассмотренные нами многочисленные примеры англо-американских заимствований нового поколения в языке интернет-коммуникации с уточнением их этимологии, тематической принадлежности, деривационных возможностей и грамматических характеристик позволили сделать ряд выводов: 1) преобладающее положение занимают англо-американизмы имена существительные, способные развивать уже на русской почве ряды прилагательных и глаголов; 2) большая часть анализируемого материала – это лексика, относящаяся к темам, связанным с компьютерными технологиями (преимущественно), с новыми профессиями, со сферой молодежной культуры и моды; 3) в силу своей функциональной активности многие из них вышли за пределы профессионального языка компьютерщиков и узких пользователей и стали повседневной лексикой носителей русского языка. Приток англо-американских слов и выражений носит динамичный характер и отвечает потребностям современного «продвинутого» общества, переживающего период «большого хайтека». Этот непрерывный поток новых вливаний в русский язык, безусловно, требует дальнейшего внимания, наблюдения и тщательного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. – М.: Академик, 2000. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/index.html?part-014.htm>
3. Григорян А.Э. «Американобесие» уходит? // Русская речь. – М., 2005. – № 1. – С. 62-68. Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=237
4. Гуторова Н.С. Англо-американизмы как конститuent речевого имиджа автора / Н.С. Гуторова // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. - № 6. – С. 145–152.
5. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики) // Казанский лингвистический журнал. 2018. том 1, № 2 (1). С. 5–14.
6. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. - М., 1996. – 160 с.
7. Кучеренко М.А. Варваризация как развивающееся явление в интернет-

коммуникации / М.А.Кучеренко // Новые горизонты русистики : материалы I Международной научной конференции студентов и молодых ученых. – Донецк, 2014. – С. 65–71.

8. Лобковская Л.П // Семантическая эволюция англо-американизмов в лингвокультурном аспекте / Л.П. Лобковская. // Известия Волгоградского педагогического университета. – Краснодар. – 2008. – С. 81–84.

9. Плотникова Л. И. Инновационные тенденции в русском языке начала XXI века [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem26.pdf

10. Попко Л. П. О некоторых «новых языках» сети Интернет / Л. П. Попко // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: V международная конференция / составитель Т. С. Пристайко. – Д.: Нова ідеологія, 2011. – С. 303–304.

11. Шаховский В.И. Влияют ли американизмы на русскую лингвокультуру / В.И. Шаховский // Русистика. – Киев, 2003. – С. 4–53.

K. V. Vasilkovskaya

STRUCTURAL-SEMANTIC GROUPS ANGLO-AMERICANISMS IN THE INTERNET COMMUNICATION

The article is devoted to the study of new anglo-american borrowings collected from the texts of youth Internet communication. Systematization on structural and thematic parameters is made. The changes in the semantic structure of foreign lexemes functioning in modern Internet communication are revealed.

Key words: *anglo-americanisms, structural types, thematic groups, semantic transformations.*

УДК 81'373

A. P. Величко

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. к. филол. н., доц. Н. П. Курмакаева)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ

Объектом исследования являются заголовки русскоязычных газетных статей, в пределах которых отмечается трансформация фразеологической единицы как факт языковой игры. Предметом исследования являются разновидности языковой игры в русскоязычной газетной коммуникации на примерах заголовков. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, превалированием преимущественно лексикологического подхода в описании фразеологии, который не ставит своей целью формулировать выводы о соотношении трансформации с языковой игрой в СМИ, а с другой стороны, – постоянно пополняющимся корпусом газетных текстов, включающих примеры трансформаций. В ходе исследования была определена классификация видов трансформаций, наиболее часто используемых в публицистике.

Ключевые слова: *фразеологизм, трансформация, языковая игра, газетный заголовок.*

Термин «языковая игра» (нем. Sprachspiel) принадлежит Людвигу Витгенштейну, который в своей работе «Философские исследования» трактует язык как «систему конвенциональных правил, в которых участвует говорящий». Понятие языковой игры предполагает смысловой плюрализм. Концепция языковой игры приходит на смену концепции метаязыка [3, с. 49]. Витгенштейну принадлежит широкая трактовка языковой игры как сочленение языка и действий, с которыми он переплетён. В работах последних лет термин «языковая игра» приобретает конкретную (узкую) формулировку, согласно которой языковая игра предполагает осознанное нарушение нормы [7, с. 404].

В таком ракурсе рассмотрения языковая игра противопоставлена языковой ошибке, возникновение которой непреднамеренно нарушает норму. Узкая трактовка языковой игры соотносится с тенденцией, согласно которой пропорция «норма – ошибка» сменяется пропорцией «норма – другая норма». Преднамеренное нарушение нормы или «новая норма» как основные условия языковой игры свидетельствуют о том, что в лингвистике (в отличие от философии) языковая игра соотносится не с прагматикой речевых единиц, а с их структурой и стилистической функцией. Поэтому современные лингвистические исследования языковой игры сфокусированы прежде всего на выявлении её структурных и стилистических особенностей в различных функциональных контекстах, в том числе и в средствах массовой информации.

Языковая игра слагается из двух принципиальных элементов: эстетизм (удовольствие от «неожиданности», необычности) и конвенциональность (знание правил игры). Нам представляются очевидными две главные функции языковой игры, в т. ч. в пределах газетных заголовков: экспрессивная функция, которая зачастую в рамках языковой игры согласуется с комическим эффектом, или балагурством, и эстетическая функция, способствующая увеличению выразительности газетного текста, созданию образности, остроты, при котором «необычная форма выражения связана с более глубоким содержанием мысли говорящего» [12, с. 175].

Одной из разновидностей языковой игры является трансформация фразеологических единиц (фразеологизмов-трансформов). В лингвистике не сложилось единого для всех исследователей представления об объёме понятия «фразеологизм». Кроме того, определение фразеологизма напрямую связано с наделением его статусом таких языковых единиц, как паремии и крылатизмы. Сформировались узкая (строгая) и широкая (нестрогая) трактовки данного языкового феномена. Теоретические разработки Ш. Балли получили развитие в работе В. В. Виноградова «Основные типы фразеологических единиц в русском языке», которая включена в его книгу «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Классификация фразеологии осуществляется по степени семантической спаянности компонентов и укладывается в три группы: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. Н. М. Шанский выделил четвертый тип – фразеологические выражения, которые у него разделены на две подгруппы – номинативного и коммуникативного характера.

Нами за основу принимается определение фразеологизма В. Н. Телии, сформулированное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [11, с. 559].

Вслед за В. Н. Телией нами к числу фразеологизмов относятся несколько семантически разнородных типов устойчивых единиц: идиомы (неразложимые сочетания, утратившие мотивировку, переосмысленные, функционально равные слову), сочетания-фразеосхемы типа *годится в отцы (матери / дочери/ сыновья* и т. п. по контексту), речевые штампы – «функционирующие в речи устойчивые формулы, обладающие стилистической окрашенностью» [10, с. 360] типа *прошу слова*, паремии (поговорки, народные изречения), крылатые выражения, ставшие афоризмами, восходящие к определенному автору или анонимному литературному источнику, например: *Счастливые часов не наблюдают* (А. Грибоедов); *Морщины – линии жизни на лице* (неизвестный автор) [2, с. 272]. Наибольшие споры вызывает включение во фразеологический состав паремий и крылатых выражений. Однако они вполне соответствуют одному из основных принципов выделения фразеологизмов, а именно принципу воспроизводимости, так как мы их не создаем каждый раз вновь, а целиком извлекаем из памяти.

В связи с употреблением фразеологизмов в газетном заголовке возникает проблема уровня их восприятия. Эффект языковой игры в данном случае базируется на наличии у адресанта и адресата так называемой *общей памяти*, которая предполагает соотнесение фразеологизма-трансформа с исходной формой. При этом, если читатель понимает выражение буквально, считывая план выражения, эффект языковой игры не достигается.

Со временем появляется требование формулировать газетный заголовок лаконично, максимально точно и четко. Исследователи среди «универсалий» отмечают упрощение синтаксиса, основообразующего заголовочный текст. В своей книге «Русский язык на газетной полосе» В. Г. Костомаров отличительную черту языка газеты определяет как «стремление к стандартизации и в то же время к экспрессивности» [6, с. 32]. Заголовок представляется ориентиром для читателя, который позволяет за считанные секунды понять, стоит ли тратить время на чтение основного текста. Иногда заголовок статьи – единственное, с чем знакомится адресат: читатель газеты или посетитель сайта. Данные факты обычно связываются с разной степенью удачности заголовков, а также с существованием нескольких функций заголовка, преследующих различные цели.

В работе А. А. Негрышева «Прагматика новостного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовка – текст» сказано, что заголовок «репрезентирует основную информацию текста, настраивает понимание всего сообщения, формирует стратегию прочтения текста» [9, с. 112]. В связи с этим автор выделяет три функции заголовков:

- 1) эффективное привлечение читательского внимания;
- 2) ознакомление с содержанием статьи (заголовки отражают тему и идею статьи);
- 3) помощь читателю в выборе интересующей статьи.

Преобразованная фразеологическая единица в названии действует как ассоциация, благодаря которой в памяти актуализируется необходимая информация путём соединения трансформированной единицы с исходной. Когда фразеологизм меняется, возникает языковая игра, рождается новое значение, но смысловая основа сохраняется. Например, «Лужи по колено» – трансформация фразеологизма *море по колено*. Эта статья о моде на резиновые сапоги [Сег., №3, 2017]. Семантическая основа: ‘всё нипочём’ – сохраняется, но значение фразеологической единицы специализируется: ‘всё нипочём в резиновых сапогах’. В языке современных газетных изданий, например газет «Комсомольская правда», «Донецкий кряж»,

«Корреспондент», «Сегодня» и др., языковая игра стала отличительным признаком изданий, показателем стиля.

Анализ материалов собранной картотеки убеждает, что приемы трансформации фразеологизмов в пределах газетного заголовка весьма многообразны. Классическим в общем виде представляется четырёхчастное выделение способов трансформации заголовков-фразеологизмов: 1) замена компонентов; 2) усечение компонентов; 3) добавление компонентов; 4) контаминация (Д. Н. Шмелев, В. Н. Телия и др.).

Прежде всего опишем два вида трансформаций:

1) трансформации без замены лексического компонента (компонентов) фразеологической единицы;

2) трансформации с лексическими заменами в структуре фразеологизма.

Каждая из этих групп разнородна и содержит несколько подгрупп, различающихся способом трансформации. Рассмотрим их разновидности подробнее.

Трансформации без замены лексического компонента (компонентов) фразеологической единицы. Данная группа характеризует такую трансформацию, которая не приводит к разрушению фразеологизма, а специализируется на использовании его формы для преобразования смысла.

1. К **семантическим** трансформациям без лексических преобразований относится **буквализация значения**, когда компонентам фразеологизма вменяется первоначальный, буквальный смысл. Например, в статье с заголовком «Нашего поля ягода» (ДН, №4, 13.09.2016) рассказывается о предприятии «Теплицы Донбасса», которое позволяет выращивать овощи на территории республики, не прибегая к экспорту. Причём буквальный смысл оборота (*нашего поля*) в данном случае сочетается с переносным (*ягоды*), поскольку овощи ягодами не являются.

Парикмахерам теперь все до лампочки (ДК, №2, 19.09.2017) – заголовок статьи, повествующей о новых санитарных нормах, согласно которым парикмахерские должны быть оборудованы бактерицидными ультрафиолетовыми лампами.

В заголовке *У Роснефти всё течет, ничего не меняется* (КП, №15, 2017) предвосхищено основное сообщение о концентрации экономических усилий нефтеперерабатывающих компаний.

2. Довольно частым является вид **структурной** трансформации, когда семантика фразеологической единицы остаётся практически неизменной, хотя приобретает новые оттенки. Для структурной трансформации отмечаются две группы преобразований.

1) Структурная трансформация с **расширением компонентного состава**. В состав фразеологизма включается дополнительный уточняющий компонент, конкретизирующий не столько смысл заголовка, сколько описываемую ситуацию. Например, в статье *Цирк уехал. Клоуны остались. В дураках* (КП, №7, 12.08.2016) – речь идёт о том, что надежды людей, поддержавших государственный переворот на Украине, не оправдались.

ЦРБ ДНР раскроет карты – заголовок газетной статьи о появлении пенсионных и студенческих банковских карточек в Донецкой Народной Республике (К, 22.07.15).

Пролезть через окно в Европу – статья о намерении Украины вступить в НАТО (ДН, №2, 20.02.2019).

Утомленные батькой – репортаж о том, что белорусы готовы поменять Лукашенко на Путина (КП, №1, 13.01.2019). Заменено выражение *утомленные солнцем*.

А гроб и ныне там – о мавзолее Ленина. Заменено выражение *а воз и ныне там* (К, №11, 12.11.18).

Абонент обманываться рад – статья о тарифах оператора МТС в Донецкой и Луганской народных республиках (ДН, №4, 19.04.2018). Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Признание».

Над пропастью во лжи – об отчёте П. Порошенко по итогам работы президентом. Заменено название книги «Над пропастью во ржи» (О, №1, 12.01.2019).

Книги не пахнут – о появлении псевдонаучных изданий в престижных книжных магазинах. Заменено выражение *деньги не пахнут* (АиФ, №4, 0304.2018).

2) Структурная трансформация с **сокращением компонентного состава**. Этот приём позволяет автору, употребляющему лишь часть оборота, вызвать в памяти весь оборот целиком: *Окно прорубили* – название статьи, посвящённой получению Украиной безвизового режима с Европейским союзом (К, 12.06.2017). В памяти сразу восстанавливается исходное выражение *прорубить окно в Европу*.

3. **Парадигматические** трансформации, предполагающие подмену коммуникативного или модального плана высказывания, встречаются в заголовках анализируемых изданий достаточно часто. Научные работы обычно посвящены описанию различных грамматических преобразований (по числу, роду, времени, наклонению и др. параметрам ключевых слов). Для нашей картотеки выделяются два подвида.

1) **Переход отрицательной формы фразеологизма в утвердительную** и наоборот – прием, влекущий за собой изменение смысла фразеологической единицы на противоположный. С помощью этого перехода автор легко приспособливает фразеологизм под выполнение поставленной коммуникативной задачи. Например, *Горе без ума* (О, №12, 02.12.2018) – заголовок статьи, посвящённой введению военного положения на Украине, которое оценивается отрицательно и нерационально для самой Украины.

Нерабочий класс (АиФ, №21, 23.12.2018) – о споре в Верховной Раде по поводу ужесточения условий для получения льгот и пособий нетрудоспособным населением на Украине.

Блин не комом (Сег., 13.04.2018) – анонс об открытии новой Блинной в Макеевке. Также в данном заголовке отмечается структурная разновидность трансформации – сокращение компонентного состава.

Возжелай ближнего своего (КП, №4, 11.03.2017) – репортаж об отношении современных людей к супружеской неверности.

2) **Изменение коммуникативного типа высказывания**. Данный приём состоит в изменении устойчивого выражения по цели высказывания и ведёт к переосмыслению оборота. *Доживём до понедельника?* (КП, №8, 2018 г.) – статья о конфликте школы с администрацией поселка Малаховка. Чиновники хотят лишить детей школы. Название фильма прижилось в языке как фразеологическое выражение. Замена повествовательного плана на вопросительный не только меняет коммуникативную установку, но и вносит дополнительные коннотативные оттенки, варьирует объем семантики устойчивого выражения.

Как развязать язык? (О, №2, 20.09.2016) – обзорная статья о летних языковых школах на территории России для детей.

Трактор есть, ума не надо? (Сег., №2, 2018) – заголовок статьи, посвящённый разбору проблем образования в сельских школах.

Много шума и ничего (ДК, №11, 04.11.2018) – сообщение об украинском МИД в ситуации с арестованными моряками. Заменено выражение *Много шума из ничего*.

Принц не нищий (вместо *Принц и нищий*) – о намеревающемся баллотироваться Зеленском (К, №10, 28.10.2018).

Трансформации с заменой лексического компонента (компонентов) фразеологической единицы.

1. **Замена слова с переосмыслением.** Замена компонента фразеологизма – наиболее часто встречающийся вид трансформации, при котором заменяется обычно один, но, как правило, информативно важный компонент. Такой прием влечет за собой резкую трансформацию смысла, что отвечает требованиям содержания. *Допльвем до понедельника* (КП, №5, 12.05.2017) – статья о последствиях наводнения в Луховицком районе, заменено слово *доживём*.

Не хочу учиться, а хочу учить (К, 30.08.2018) – статья о том, как заработать студенту вуза репетиторством, заменяется слово *жениться*, смысл меняется.

Превращение блудного сына (КП, №8, 15.08.2018) – репортаж о том, как московский беспризорник нашел на улице новую маму.

Спокойной ночи, алкоголики! – репортаж о том, что на кроватках в детсадах Москвы ночуют приезжие рабочие (Сег., №12, 10.12.2018). Заменено выражение *Спокойной ночи, малыши!*

Язык до Токио доведет – статья о намерении украинского министра иностранных дел приехать в Японию (КП, №7, 29.07.2018). Заменено выражение *язык до Киева доведет*.

В чем сила, брак? (К, 24.02.2019) – дискуссионная статья об авторитете института брака в XXI веке. Кроме лексической замены, в данном примере отмечается изменение коммуникативного плана высказывания *в чём сила, брат?*

Майские указы по осени считают (АиФ, 22.09.2018) – языковая игра с известной поговоркой, смысл остаётся прежним, но переносится на вполне конкретную (в данном случае – политическую) ситуацию. Президент РФ Владимир Путин критикует правительство за невыполнение распоряжений, что в целом образует эффект назидательности, но значение предупреждения сменяется значением негативного последствия.

И будет помнить вся Россия про тень Бородина (вместо: *про день Бородина*) – об особенностях школьного курса русской литературы (ДК, №21, 13.02.2017).

Чем спорт не шутит – репортаж-прогноз о результатах ЧМ по футболу в 2018 году (Сег., №7, 21.07.2018). Заменено выражение *чем чёрт не шутит*.

Завтра было кино (КП, №12, 03.12.2017) – статья о готовящемся кинофестивале в Петербурге. Заменено выражение *Завтра была война*.

2. **Комбинированные трансформации с переосмыслением.** Кроме конкретных принципов трансформации, связанных с семантикой, лексикой или структурой исходного выражения, авторы часто прибегают к комплексному принципу трансформации. Например: «Под чемпионат мира приготовят почву» – задействован принцип, включающий два приёма лексической трансформации: расширение и замену. Во вторичном выражении сохраняется исходный смысл приготовления к действию. Исключение исходного элемента «готовят» и замена его сходным по звучанию, но выражающим иной смысл «приготовят», формирует эффект завершенности (несмотря на будущее время, которое, вероятно, формирует оттенок неизбежности этого действия).

1) Замена компонента и расширение компонентного состава: *Денис и его команда: новая история* (Сег, №9, 12.11.2018) – статья о формировании команды нового Главы Донецкой Народной Республики. Заменено выражение *Тимур и его команда*.

2) Замена компонента и изменение коммуникативного типа высказывания. *Пустыня стала пухом* (вместо *Пусть земля будет пухом*) – о ситуации в Сирии (К, №5, 12.05.2017).

3) Сокращение компонентного состава с изменением коммуникативной основы предложения. *Дым без огня* – оценка паники в связи с ситуацией в Азовском море как напрасной (Сег., №10, 19.10.2018). Изменено выражение *дыма без огня не бывает*.

Анализируя различные способы и приёмы трансформаций фразеологических единиц в газетных заголовках, мы пришли к выводу, что весьма трудно сформулировать единую и строгую классификацию. Анализ теоретических работ убеждает, что обычно такие классификации выстраиваются согласно языковым пластам: семантике, лексике, грамматике и т. д. – и конкретизируются внутри каждого пласта. Многие учёные сходятся во мнении, что фразеологическая трансформация достигается путём изменения лексического состава фразеологизма, замены его компонентов, усечения фразеологизма, расширения состава ФЕ, контаминации, буквализации метафоры, изменения по цели высказывания, переосмысления и др. Однако мы пришли к выводу, что всяческая трансформация нацелена на смысловое уточнение, которое способствует расширению изначального значения ФЕ, добавления смысловых пластов и аллюзий, уточнения деталей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Избр. философские работы. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 118.
2. Гончарова Н. А. Трансформации фразеологических единиц в языке прессы / Н. А. Гончарова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — Т. 31. — с. 746–750.
3. Гусейнова Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук / Т.С. Гусейнова. — Махачкала, 2011. — 200 с.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. Пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 224 с.
5. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров М.: МГУ. — 1971. — 266 с.
6. Куклина И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы. Дисс. ... канд. филол. наук / И. Н. Куклина. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2006. — 251 с.
7. Мокиенко В. М. Функции фразем в современных СМИ / В. М. Мокиенко // Медиалингвистика. 2016. — № 3. — С. 7–18.
8. Негрышев А.А. Прагматика новостного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовков-текст // Вестник московского университета. — Сер. 9. Филология. — 2006. — С. 109 – 114.
9. Телия В.Н. Механизм экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 36 – 66.
10. Фразеологический словарь современного русского языка / сост. Ю.А. Ларионова. — М.: Аделант, 2014. — 512 с.
11. Шмелёв А. Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? / А. Д. Шмелёв // Отечественные записки. — 2014. — № 2 (59). — с. 18–38.

12. Щербакова Н.В. К вопросу о переводе языковой игры в заголовках СМИ // Молодой ученый. – 2012. – № 6. – С. 292-293.

Источники фактического материала

ДК – Донецкий край; ДН – Донецкие новости; КП – Комсомольская правда; Сег. – Сегодня; АиФ – Аргументы и факты; О – Остров; К – Корреспондент.

A. R. Velichko

TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNIT AS A WAY OF LANGUAGE PLAY IN A NEWSPAPER HEADLINE

The object of the research is the headlines of Russian-language newspaper articles, within which the transformation of a phraseological unit is noted as a fact of a language game. The subject of the research is the variety of language games in Russian-language newspaper communication with examples of headlines. The relevance of the topic is due, on the one hand, to the prevalence of a predominantly lexicological approach in the description of phraseology, which does not aim to draw conclusions about the relationship between transformation and language play in the media, and on the other hand, the constantly growing corpus of newspaper texts, including examples of transformations. During the study, the classification of the types of transformations most frequently used in journalism was determined.

Key words: phraseology, transformation, language game, newspaper headline.

УДК 81-221

А.В. Емельяненко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

РУССКИЙ КОМИКС: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

В работе прослежено развитие русского комикса. Изучена история исследования комиксов отечественными учёными. Проанализировано взаимодействие вербальных и невербальных элементов в рассматриваемых текстах.

Данная работа может быть использована студентами, аспирантами и преподавателями русского языка.

Ключевые слова: паралингвистика, текст, креолизация, лингвистический анализ текста, комикс.

Комикс как новый тип текста обращает на себя внимание специалистов разных сфер научной деятельности: филологов [2; 5; 7; 14; 15], культурологов [1; 3; 4; 10], исследователей масс-медиа [6; 11; 12], педагогов [13] и т. д. Первое цельное научное исследование этого феномена появилось лишь в последней четверти XX века в США. Несмотря на внушительное количество исследований, статус данного типа текста до сих пор окончательно не определен. Тем не менее фундамент теории уже заложен. В работе «Комикс и секвенциальное искусство» (1985 г.) американский комиксист У. Айснер впервые предложил единую целостную теорию комикса. Однако в плоскости исследований по русистике комикс по большому счету до сих пор остается terra incognita. В современном русском языкознании всё ещё не существует достаточно глубоких и всеобъемлющих работ, объектом исследования которых являлся бы

комикс в целом или *русский комикс* в частности. Всё сказанное обуславливает **актуальность** исследуемой темы.

Объектом исследования является комикс как коммуникативный феномен, а **предметом** – современный русский комикс.

Цель работы – проанализировать развитие русского комикса от зарождения до наших дней. Соответственно, необходимо решить такие **задачи**: 1) проследить становление русского комикса как нового типа креолизованного текста; 2) определить, какими функциональными стилями представлен современный русский комикс; 3) установить наиболее актуальные области лингвистического исследования отечественных комиксов.

Предшественником русского комикса можно считать лубок – жанр народного изобразительного искусства, «вид графики, изображение с подписью, отличающееся простотой и доступностью образов» [17, с. 726]. В статье «Образная сфера русских лубочных картинок» Т. П. Рыльская и Г. В. Рыльский освещают историю возникновения и развития русского лубка: «Искусство лубка восходит к печатной книжной гравюре и дальше – к рисованным миниатюрам, иллюстрировавшим рукописные книги. ...в XIX столетии уже любое произведение, выполненное в небрежной, условной манере, стали называть лубком. Лубок зафиксировал не только явления русской жизни, но и отношение к ним простых людей, всё то, что называется “духом времени”» [10, с. 143]. Этот эпизод в развитии русского народного искусства интересен для истории комикса прежде всего тем, что лубок, как и комикс, тесно связан со смеховой культурой. Однако, если лубок (как своеобразный русский протокомикс) не смог выйти за рамки развлекательной и воспитательной функций, т. е. этот тип креолизованного текста коррелирует лишь с анекдотами, сказками и небольшими развлекательными рассказами, то русский комикс на сегодняшний день демонстрирует некоторый прорыв к более глубоким повествовательным жанрам – роману, повести и т. д. Нынешний комикс вышел не только за узкие жанровые рамки, но и преодолел функционально-стилистические ограничения: рассматриваемый тип текста может относиться не только к художественному, но и к научному стилю (существуют научно-популярные издания с элементами комикса или даже полностью в комикс-формате), публицистическому стилю (т. н. новостные комиксы) и т. д.

Итак, лубок предвосхитил появление комиксов и графических романов. Лубочное искусство также стало толчком к появлению особого жанра – лубочной литературы – дешевых массовых изданий с лубочными картинками в дореволюционной России: переделок сказок, былин, житий святых, литературных произведений [17, с. 726]. Т. П. Рыльская и Г. В. Рыльский подчеркивают, что такие книги не только развлекали, но и приобщали простых, малограмотных людей к чтению [10, с. 144], что опять же сближает лубок с комиксом: последний в России был изначально ориентирован на аудиторию непрехотливых обывателей, находящихся в поисках незатейливого читательского досуга, и на детскую аудиторию.

Ещё один тип негомогенных текстов был известен в дореволюционной России, как и в странах Европы XIX в. Речь идёт о креолизованных текстах, которые публиковались в периодических изданиях. Примечательны в этом отношении небольшие юмористические работы А. П. Чехова в соавторстве с его братом, художником Н. П. Чеховым («Свадебный сезон», «Die Russische Natur» и т. д.), а также совместные карикатуры и небольшие рисованные истории, в которых автором вербального компонента выступал А. П. Чехов, а невербального – такие художники, как В. И. Порфирьев («В ученом мире», «Сон золотых юнцов во время ноябрьского набора», «Аптекарьская такса», «На луне», «На вечеринке», «Из театрального мира» и

т. д.), А. И. Лебедева («Поэтические грёзы», «Самая бедная бедность», «Почерк по чину, или метаморфозы подписи Карамболева», «Шляпный сезон», «Вагонное освещение» и т. д.) М. М. Далькевича («Распереканальство!!»). Подчеркнем, что некоторые из названных работ (например, «Почерк по чину, или метаморфозы подписи Карамболева», «Шляпный сезон» и «Распереканальство!!») демонстрировали одну особенность, которая также позволяет считать их протокомиксами. Речь идет о последовательности изображенных фрагментов – еще не кадров, но уже рисунков, связанных на уровне сюжета, единого персонажа / единой группы персонажей и общего замысла произведения: такие истории в картинках нужно именно читать, т. е. просматривать последовательно слева направо, не пропуская никаких знаковых комплексов и принимая во внимание и вербальную, и невербальную составляющие.

Так, знакомясь с историей про метаморфозы почерка губернского секретаря М. Карамболева (рисунок 1), читатель видит и метаморфозы в образе главного героя: если на первых картинках-кадрах изображен старательный юноша, пишущий аккуратно и разборчиво, то к концу истории мы видим старика в халате – тайного советника Карамболева; почерк его уже совершенно неразборчив.

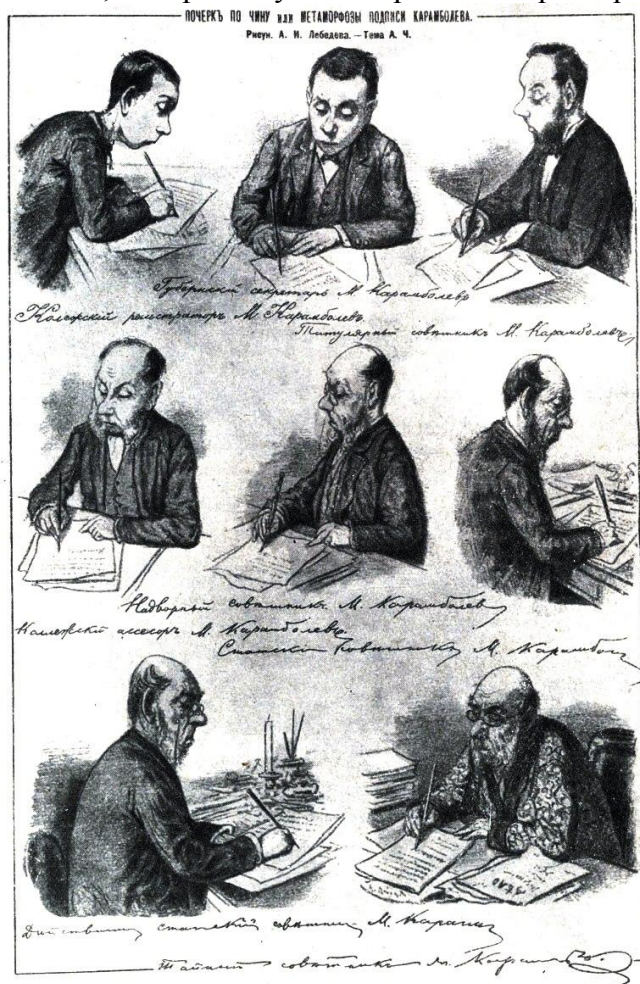

Рисунок 1. «Почерк по чину, или метаморфозы подписи Карамболева».

Важно, что вербальный компонент информативен не только на уровне номинации статуса героя («губернский секретарь», «титулярный советник», «коллежский ассесор» и т. д.), но и на уровне графического оформления надписей, т. е. на том уровне подачи информации, который чужд для гомогенного текста, но характерен для комикса:

аккуратный каллиграфический почерк, относительно разборчивый почерк, не очень разборчивый почерк и, наконец, совершенно неразборчивый почерк с обилием завитушек.

Период с 1938 по 1956 гг. исследователи называют началом Золотого века комиксов: например, комиксистами США было создано более 400 супергероев [3, с. 149]. В это время русские комиксисты работают в несколько ином направлении. В первой половине XX века, например, множество комиксов можно найти в детских и юношеских развлекательных периодических изданиях. Некоторые из этих креолизованных текстов проявляли связь с гомогенными текстами даже на уровне одного произведения. Так, например, юмористическая повесть А. С. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» изначально появилась в 1937 г. в журнале «Пионер» в виде серии иллюстраций с подписями. В 1939 г. вышел дополненный и доработанный текст, однако это уже было произведение с нулевой креолизацией, без неразрывной связи вербального компонента с невербальным. Очень показательны воспоминания самого писателя о специфике творческого процесса – взаимодействии двух творцов, художника и литератора: «Врунгель печатался в журнале сериями, по шесть эпизодов в каждом номере журнала. Весь год мы работали с Ротовым, часто встречались с ним для обсуждения и уже вышедших и еще не нарисованных картинок. Конечно, мы подружились за это время... Работая с Ротовым, я тоже учился присматриваться к подробностям положений, в которые попадали герои, а порой пользовался рисунками Ротова, как прямыми подсказками. Помню, например, такой случай: закончив подробное обсуждение английской главы повести, обо всем договорившись, мы разъехались – он в Дом творчества, рисовать, а я в командировку, на Север. Когда я вернулся, журнал уже запустили в печать. Просматривая в редакции подписанные к печати листы, я остановился на одном рисунке: стоя на корме яхты, Врунгель и его команда вышибают пробки из бутылок с содовой водой. Тут мне бросилась в глаза неожиданная деталь, найденная Ротовым уже после нашего последнего разговора: в море падали подбитые пробками чайки. Эта удачно найденная деталь просилась в текст, но было уже поздно. Да все равно не хватило бы и места на нее. Зато два года спустя, когда повесть вышла отдельной книгой, в этой главе появилась фраза: “падают в море подбитые чайки...”. Эта фраза, на мой взгляд, сделала сцену живее, выразительнее и смешнее» [9, с. 242–247].

Таким образом, мы видим, что «Приключения капитана Врунгеля» (первая версия произведения) – это уже *почти* полноценный комикс: помимо последовательности, серийности, единой концепции, это произведение демонстрирует неразрывную связь между словом и изображением, подтверждением которой служит то, что картинка не просто дублирует вербальный компонент, но и существенно дополняет его в информационном плане. Писатель и художник взаимодействуют абсолютно осознанно, руководствуются общим замыслом, дополняют наработки друг друга. В этом плане комикс отличается от лубка, по нашему мнению, функцией: если лубок в первую очередь декоративен (лубочная литература вторична по отношению к собственно лубку), то комикс – это не столько изображение, сколько литературное произведение. Если же сравнивать карикатуры-протокомиксы из газет и журналов XX в. с собственно комиксом, то очевидно, что: а) некоторые из карикатур понятны и без вербального компонента (например, «Вагонное освещение» А. П. Чехова и А. И. Лебедева); б) большинство шуток из карикатур – наоборот – воспринимаются и декодируются и при отсутствии картинки («Свадебный сезон» А. П. Чехова и Н. П. Чехова, «Из театрального мира» А. П. Чехова и В. И. Порфирьева,

«Распереканальство!!» А. П. Чехова и М. М. Далькевича, «Шляпный сезон» А. П. Чехова и А. И. Лебедева и др.).

Появление образовательных комиксов некоторые историки датируют 30-ми годами XX в. По подсчетам профессора Питтсбургского университета В. Д. Соунса, в период между 1935–1944 гг. в США вышло более ста публикаций о потенциально возможном использовании комиксов для обучения детей. Наибольшую популярность они получили в 1950-е годы, их стали внедрять в учебный процесс [8]. Использование комиксов в учебном процессе практиковалось и в России. Например, учебное издание «Фонетика – это интересно» (1992 г.) авторов И. И. Постниковой и И. М. Подгаецкой оформлено художником Е. С. Шабельником с использованием элементов комикса. О том, что невербальные компоненты являются именно комиковыми элементами, свидетельствует невозможность изъятия иллюстраций из текста без деформации смысла, следовательно, без нарушения его целостности. Текст чередуется с картинками в разных образовательных целях: комиковые элементы выступают в качестве наглядностей, в качестве историй-примеров, креативных заданий для читателей и т. д. Примечательно, что даже на обложке издания фигурирует такой структурный элемент комикса, как филактер с вербальным компонентом: так художник оформил название книги.

В 80-е–90-е гг. XX в. появляются отечественные комиксы-адаптации. В этом отношении русские комиксисты не были первопроходцами. Первая адаптация литературного произведения в истории комиксов произошла в США еще в 1930 г. (произведение Э. Р. Берроуза «Тарзан») [15, с. 41].

В России 1992 г. был выпущен комикс «Петр Великий» И. Вышинского и Б. Караджева («рисованная книга» – совместный проект пермского издательства «Урал-Пресс» и московского «Прогресс»). В книге в словах и картинках рассказывается о жизни Петра Первого. Д. С. Туляков подчеркивает, что данная книга является типичным комиксом: большая часть страниц составлена цветными рисованными блоками разных форм и обрамлений, дополненных вербальными блоками и филактерами [18, с. 188–189]. Обрамление повествовательной части рисованной книги гравюрами является значимым элементом ее структуры. Расположение комикса между двумя аутентичными гравюрами петровской эпохи придает ему исторический колорит. Д. С. Туляков отмечает: «Действительно, гравюры отличаются от цветных рисунков комикса большей «документальностью». Помещение этих разнородных элементов в один ряд в составе книги как бы говорит читателю / зрителю об их сопоставимости: гравюры, документально представляющие эпоху Петра, задают необычно высокий критерий сложности (в противопоставление типичной для восприятия комикса ориентации на простоту) и исторической достоверности» [18, с. 189].

Также очень важно использование в комиксе декоративных рамочных элементов гравюры – аллегорических картушей. Например, глава «Путь к престолу» начинается со стилизованного черно-белого картуша, включающего изображения двух шапок Мономаха, глава «В пекле войны» – с картуша, заключенного в две изогнутые сабли, и т. д. Элементы стилизации под гравюру вносят также декоративные ленточки, содержащие разнообразные надписи [18, с. 189–190].

Оригинальность комикса «Петр Великий» становится более заметной, если сравнить его с другой рисованной книгой, также выпущенной в серии «Века и люди», – с «Георгием Жуковым» Ю. Каменецкого, Э. Щедрина и А. Акишина (1991 г.). Д. С. Туляков подчеркивает, что эта книга в большей степени, чем «Петр Великий», следует за жанровым канонem популярного комикса: рисунки выполнены

в упрощенной манере; действующие лица (Жуков, Сталин и др.) узнаваемы, но уровень детализации невысок; текст не занимает незначительную часть и играет вспомогательную роль и т. д. Исследователь подчеркивает, что комикс «Георгий Жуков» не лишен художественных достоинств: стиль его рисунка напоминает лаконичный стиль графики плакатов военного времени и хорошо подходит для рассказа о событиях Великой Отечественной войны. Но в целом это типовый комикс, ограничивающийся традиционными приемами, используемыми, однако, осмысленно и без вульгаризации, часто присущей массовому искусству [18, с. 191–192].

В России с 1991 по 1995 г. среди молодежи был популярен журнал отечественных комиксов «Муха». Некоторые выпуски делались тиражом в 100000 экземпляров, было даже дополнительно открыто украинское издательство [19]. С середины 90-х инфляция и подорожание всех услуг вынудили авторов приостановить выпуск журнала (комикс-студия «Муха» была реформирована в студию компьютерного дизайна и графики). В начале XXI в. произошла попытка перезапустить серию (два юбилейных издания 2000 г. и 2009 г.). Главный редактор журнала «Муха» В. А. Мухаметзянов скептически отзывался о будущем русского комикса, однако нельзя недооценивать вклад этого уфимского художника и команды его единомышленников в развитие отечественной комикс-культуры. Например, их большой заслугой является не только принципиальная позиция к отбору материала (в журнале публиковались исключительно русские комиксы), но и смелые эксперименты с публикацией классических произведений в комикс-формате (в 11 номере журнала от 1993 г. на с. 20–31 размещена юмористическая мини-адаптация романа М. А. Булгакова «Роковые яйца»).

В XX в. комикс стал частью политического дискурса. Истоки этой реализации потенциала рассматриваемого феномена – политическая жизнь США. Наиболее активно американский политический комикс использовался в предвыборной борьбе 2008 г., когда в свет вышла целая серия комиксов с участием политических лидеров США [14, с. 221–222]. Русский политический комикс стал активно распространяться примерно в это же время: в 2009 г. появляется политический комикс «Человек-Грызлов»; вслед за ним – еще несколько политических комиксов. Анализу отечественного политического комикса посвятил внимание Р. Т. Саудов [14, с. 221–222]. Комикс «Человек-Грызлов», по мнению Р. Т. Саудова, является типичным комиксом про супергероя. Нам же представляется немаловажным тот факт, что описываемое произведение является в первую очередь пародией. Возникновение комикса-пародии уже свидетельствует о росте популярности такого нового типа текста, как комикс. Главным действующим лицом выступает политик Б. Грызлов, наделенный сверхспособностями. Главному герою удается совмещать совершение всевозможных подвигов со своей ежедневной политической деятельностью. Само имя главного героя напоминает о Человеке-пауке и Бэтмене, облик – о Супермене, поэтому образ Человека-Грызлова представляет собой прецедентный вербально-визуальный феномен [14, с. 224].

Р. Т. Саудов описывает также политические комиксы «Кин Дза Дза ГД РФ», «Супер-Путин» и «Городские легенды». В основе первого комикса лежит фильм «Кин Дза Дза», что обуславливает наличие в нем прецедентных феноменов, отсылающих к одноименной кинокартине. Политический комикс «Супер-Путин» повествует о подвигах «Лиги супергероев», в которую входят Путин, Медведев и Сечин. Им помогают Шойгу и Ельцин, а противостоят Новодворская и Навальный. Сюжет построен вокруг событий 2012 г. По мнению Р. Т. Саудова, «очевидно, что автор имеет в виду ситуацию предстоящих (на момент появления комикса) выборов Президента РФ.

Примечательно, что главным действующим лицом комикса все же является Путин, а не действующий на тот момент президент РФ Дмитрий Медведев» [14, с. 226]. Большая часть прецедентных феноменов в этом комиксе – прецедентные вербально-визуальные феномены сферы-источника «Кино». Серия комиксов «Городские легенды» является самой объемной. Этот проект был выполнен по заказу мэрии г. Москвы для создания положительного образа реформ, проводимых администрацией. В каждом из выпусков обыгрывается очередная мера, предпринятая градоначальником [14, с. 226–227].

В этот же период растет число адаптаций литературных произведений. Т. Ф. Семьян и Л. А. Юдин в числе современных отечественных комиксов-адаптаций называют роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», переработанный Р. Б. Танаевым; роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переработке К. Метелицы; роман В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» в адаптации В. Хазова, сказка А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» в переработке И. Колгарева [15, с. 41].

За последние годы произошло переосмысление функционально-стилистического статуса комикса, о чем свидетельствует докторская диссертация в виде графической новеллы докторанта Колледжа преподавателей Колумбийского университета Н. Соусаниса «Комиксы как инструмент исследования: диссертация в виде книги комиксов» (2014 г.). Само существование этой работы подтверждает функциональный потенциал комиксов, ведь речь в этом случае идет уже не о научно-популярном или научно-учебном, а о собственно-научном тексте. Сам прецедент существования подобной диссертации в рамках мирового научного дискурса дает основания прогнозировать расширение спектра возможностей отечественного комикса.

Итак, русские комиксы проявляют эволюционную связь с другими типами русских креолизованных текстов (лубком, карикатурой), которые можно считать протокомиксами. Современный русский комикс представлен минимум тремя функциональными стилями: художественным, научным (научно-учебным и научно-популярным) и публицистическим. С точки зрения лингвистики самыми актуальными областями дальнейшего исследования отечественных комиксов считаем такие, как: 1) изучение специфики вербальных компонентов комикса на разных уровнях (лексическом, грамматическом, стилистическом, графическом и т. д.); 2) анализ проявлений взаимодействия вербальных и невербальных компонентов комикса; 3) разработку лингвистических типологий комиксов по разнообразным параметрам; 4) эмпирическое изучение суггестивного потенциала комиксов как средства преподавания лингвистических дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев, Р. Т. Мотив инициации как структурный элемент мифологического в комиксе / Р. Т. Алиев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – Выпуск № 19. – С. 182–185.
2. Белова, Т. М. Комиксы как средство выражения этнокультурных стереотипов / Т. М. Белова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – Выпуск № 2-3 (62). – С. 132–136.
3. Денисова, А. И. Американский комикс: факторы развития и феномен популярности / А. И. Денисова // Аналитика культурологии. – 2011. – Выпуск № 21. – С. 149–150.
4. Дмитриева, Д. Г. Графический роман Алана Мура «V – значит вендетта» для российского читателя : к вопросу о сложности межкультурного перевода / Д. Г. Дмитриева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Выпуск № 1. – С. 305–307.

5. Ейкалис, Ю. А. Паралингвистические средства коммуникации в текстах современных немецкоязычных комиксов / Ю. А. Ейкалис // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – Выпуск № 11 (186). – С. 135–141.
6. Кабалова, Д. А. Комиксы как антикризисный ресурс для «бумажной» рекламы / Д. А. Кабалова, И. В. Марусева // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. – 2014. – Выпуск № 2. – С. 112–124.
7. Криницына, Е. С. Прагматика междометий в креолизованном тексте / Е. С. Криницына // *Lingua mobilis*. – 2014. – Выпуск № 3 (49). – С. 151–155.
8. Нагорна, К. А. Медіаосвітня роль редактора у створенні коміксів / К. А. Нагорна, Г. В. Онкович та ін. // Медіакомпетентність фахівця / ред. Г. В. Онкович. – К. : Логос, 2013. – С.222–270.
9. Некрасов, А. С. История с Врунгелем / А. С. Некрасов // *Вслух про себя : Сб. статей и очерков сов. дет. Писателей : Кн. вторая*. – М.: Дет. лит., 1978. – С. 242–247.
10. Рыльская, Т. П. Образная сфера русских лубочных картинок / Т. П. Рыльская, Г. В. Рыльский // *Общество: философия, история, культура*. – 2011. – Вып. 1–2. – С. 143–145.
11. Рязанова, А. Ю. Вербальные и невербальные компоненты новостного комикса как поликодового журналистского текста / А. Ю. Рязанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – Выпуск № 1. – С. 157–160.
12. Рязанова, А. Ю. Новостной комикс как новый конвергентный жанр интернет-СМИ Китая / А. Ю. Рязанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2015. – Вып. 1. – С. 80–85.
13. Савельева, О. П. Комикс как вид творческих занятий с подростками в современном дизайн-образовании / О. П. Савельева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – Вып. 9 (128). – С. 138–142.
14. Саудов, Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) / Р. Т. Саудов // *Политическая лингвистика*. – 2013. – Выпуск № 4. – С. 221–229.
15. Семьян, Т. Ф. Поэтика комикса-адаптации «Мастер и Маргарита» Р. Б. Танаева: визуальное vs. Вербальное / Т. Ф. Семьян, Л. А. Юдин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. – 2014. – Вып. 4. – Т. 11. – С. 40–44.
16. Столярова, Л. Г. Анализ структурных элементов комикса / Л. Г. Столярова // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2010. – Выпуск № 1. – С. 383–388.
17. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохорова. Изд. 2-е. – М. : БРЭ, 1983. – 1600 с.
18. Туляков, Д. С. Рисованная книга «Петр Великий» И. Вышинского и Б. Караджева: типическое и индивидуальное в жанре комикса / Д. С. Туляков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 4. – С. 188–193.
19. Яцык, А. О комиксах «Муха». Честный разговор с пионером отечественного комикса Виталием Мухаметзяновым о его главном детище, клипах и мультфильмах / А. Яцык, Н. Романова // *Интервью-журнал НІТСН* / Режим доступа : <https://hitch.space/vitalij-muxametzyanov> (30.03.2017).

20. McCloud, S. Understanding comics / S. McCloud. – N.Y. : Harper Collins Publishers, 1994. – 215 pp.

A.V. Yemelyanenko

RUSSIAN COMICS: AN ORIGIN DOWN TO OUR DAYS

The development of Russian comics is traced. The history of research of comics by Russian scientists is studied in this work. This work can be used by students, graduate students and teachers of the Russian language. Cooperation of verbal and non-verbal elements of creolized texts is analyzed.

Keywords: paralinguistics, text, creolization, linguistic analysis of the text, comics.

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

МЕМЫ В СИСТЕМЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В статье рассматриваются интернет-мемы, функционирующие в Интернете и используемые в качестве средства межкультурной коммуникации. Интернет-мемы рассматриваются как прецедентные феномены. Мемы рассматриваются как вербальные, невербальные и гибридные образования, обладающие высокой воспроизводимостью и большой скоростью распространения в Интернете; они могут передавать и хранить культурную информацию. Мемы отражают культурные, стереотипные явления современной действительности, которые являются актуальными для интернет-пользователей. Возможность достижения комического эффекта при использовании интернет-мемов связана с включенностью адресата в культурный контекст, наличием у него определенных предварительных, фоновых знаний.

Ключевые слова: мем, прецедентность, имплицитность, пресуппозиция, интернет-коммуникация

Современная интернет-коммуникация предполагает возникновение новых форм и средств достижения комического эффекта. Одной из таких форм можно считать интернет-мемы. Это новое явление, появившееся в первой половине XXI века характеризовало спонтанное, «вирусное» распространение информации различными способами.

Американский этолог, биолог Ричард Докинз в своей книге «Эгоистичный ген» впервые вводит понятие «мем», обозначая единицу культурной информации (по аналогии с геном), которая может копироваться и передаваться от одного носителя другому, подвергаясь мутации и селекции. Ричард Докинз пытался объяснить передачу культурных ценностей, поведения человека, культурную эволюцию и развитие человеческого общества [2]. Чтобы объяснить культурную эволюцию, Ричард Докинз искал аналогичные принципы и, таким образом, он определил иную форму репликатора – мем. Мем – это идея, мысль, или концепция, которая может быть передана мысленно, это может быть что угодно: запоминающаяся мелодия, которую мы невольно воспринимаем и напеваем, цитата из фильма или рекламы, образ популярного певца или актера и т.д. Мемы сравниваются с вирусами, повторяющимися факторами,

которые нуждаются в носителе для того, чтобы размножаться. В какой-то степени это сравнение работает, потому что, как и вирусы, мемы, то есть идеи, мысли, понятия, мелодии и т.д., нуждаются в хозяине (переносчике), чтобы обеспечить своё увеличение и распространение. Тем не менее, из-за природы мемов и средств, которые они используют для размножения, мемы гораздо более восприимчивы к мутации и изменениям, в отличие от генов: «Мем, достигая своего носителя, если не воспроизводится полностью, то, как правило, будет передан в измененной форме и, возможно, объединится с другой информацией полученной ранее» [2]. Это означает, что мемы могут распространяться гораздо быстрее, но в то же время с гораздо меньшей точностью, в отличие от генов.

Мем – это некая «идея, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сообщества» [4, с. 162]. Мемы – это вербальные, невербальные и гибридные образования, обладающие высокой воспроизводимостью и большой скоростью распространения в Интернете; они могут передавать и хранить культурную информацию. По мнению Ю.В. Шуриной, «мемы постоянно обновляются, смешиваются, мутируют, формируя все более сложный и специфичный вербально-визуальный язык интернет-сообществ» [5, с.87].

Следует отметить, что спонтанному распространению подвержена не вся информация в Интернете, а только та, которая вызывает интерес пользователей, вызывает определенные ассоциации, т.е. «информация обладающая особой коннотацией» [5, с. 85].

Мемы отражают культурные, стереотипные явления современной действительности, которые являются актуальными для интернет-пользователей. Первоисточниками мемов могут быть стереотипные образы некоторых профессий (*Училка, Психолог, Филологическая Дева*), довольно часто мемами становятся известные личности (актеры, певцы, участники реалити-шоу), а также животные (*Кот Вжух*) и фантастические выдуманные персонажи (*Ждун, Философоратор*).

Мемы являются разновидностями прецедентных явлений, т.е. регулярно воспроизводимых, хорошо известных всем представителям культурно-языкового коллектива [3, с.52]. Именно прецедентность является одним из основных факторов межкультурного общения, а социальные сети обеспечивают необходимую для этого коммуникацию. В сжатом виде прецедентный текст передает информацию, содержащую в себе культурные коннотации, а это обеспечивает возможность корректной экспликации прецедентного явления реципиентом. Таким образом, для того, чтобы правильно идентифицировать прецедентный феномен, следует пройти несколько стадий: первая – восприятие формального выражения, вторая – выявление включенности в систему производного текста и определение культурных коннотаций. Это подтверждает идею М. М. Бахтина о том, что текст представляет собой диалог автора не только с читателем, но и со всей современной, предшествующей и последующей культурой [1].

Для достижения нужного коммуникативного эффекта в интернет-пространстве необходимо восстановление культурных коннотаций. С одной стороны, включённость интернет-мема в структуру комических жанров определяет тот или иной жанр, с другой стороны – усложняет интерпретацию полученной информации адресатом, потому что для достижения комического эффекта нужно правильно эксплицировать интернет-мем.

В современном интернет-пространстве функционируют четыре разновидности мема:

- 1) Текстовый мем;
- 2) Медиаем;

- 3) Мем-изображение;
- 4) Креолизованный мем.

Текстовые мемы представлены узнаваемой большим количеством пользователей фразой или словом: *Превед, медвед!*; *Выьем за любовь*; *Афтар эжжот*; *Однако, здравствуйте*; *Ну, давай, расскажи мне*; *Денег нет, но вы держитесь* и др.

Источником подобных мемов становятся фразы известных людей, персонажей или обычных пользователей социальных сетей. Так, мем «*Денег нет, но вы держитесь*» появился в 2016 году благодаря словам премьер-министра России Дмитрия Медведева, сказанным им на встрече с крымскими пенсионерами. Полностью фраза звучит так: «Просто денег нет сейчас. Найдем деньги — сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, всего доброго, хорошего настроения и здоровья». Фраза была быстро растиражирована в Интернете и приобрела характер мема. Подобные текстовые мемы нередко подкрепляются тематическим изображением, которое призвано усилить комический эффект (Рисунок 1).

Рисунок 1

Самым популярным мемом 2014 года в русскоязычном сегменте Интернета стал мем «*Выьем за любовь*» и образ российского певца Игоря Николаева. Фраза из одноименной песни исполнителя, как и изображение полуголого певца с кружкой пива в руке, сделанная в бане, стали шаблонными для многих мемов: текстовых, мемов-изображений (Рисунок 2) и креолизованных мемов (Рисунок 3). Текстовые мемы используются в различных интернет-сообществах, форумах, в чатах, блогах и в качестве текстового компонента различных жанров, например интернет-комиксов, демотиваторов, интернет-анекдотов и др.

Мемы-изображения существуют в двух основных разновидностях: 1) собственно изображение; 2) изображение, обработанное в специальных фоторедакторах («фотожаба»).

Рисунок 2

Рисунок 3

Как отмечалось ранее, мемы можно отнести к прецедентным феноменам, обладающим культурной коннотацией и содержащих в себе информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для его появления. Таким образом, мемы несут в себе определенный скрытый, имплицитный смысл, который адресат может понять не сразу, а в результате некой мыслительной операции, кроме того, интерпретация полученной информации может быть разной.

Имплицитная информация не имеет своего собственного, прямого вербального выражения, её содержание не получает непосредственного словесного воплощения, но оно становится известным, доступным для адресата сообщения благодаря речемыслительной операции импликации (вывода), извлечения невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально-языковой формы единиц речи или их элементов. Этот вывод может зависеть от многих факторов: воспитания реципиента, его культурного уровня, фоновых знаний, общей экстралингвистической информации и др. Поэтому для максимально полного понимания мема крайне важна пресуппозиция: адресат формирует определённый смысл на основе личного опыта и фоновых знаний, только в этом случае коммуникативный эффект будет достигнут. Например, в меме «*Нельзя просто так взять и не выпить за любовь*» (Рисунок 4) объединяются несколько культурных составляющих, прецедентных явлений: образ русского певца Игоря Николаева, его песня «Выпьем за любовь», а также образ американского актёра Шона Бина из популярного сериала «Игра престолов», где была произнесена фраза «*Нельзя просто так взять и...*», которая, получив широкую популярность в Интернете, стала мемом. Таким образом, при совмещении двух смысловых структур, реципиенту необходимо правильно эксплицировать информацию, чтобы комический эффект был достигнут.

Рисунок 4

Рисунок 5

Медиамемы представляют собой комические видеосюжеты, размещенные на личных страницах пользователей, многократно воспроизводимые для повторных просмотров (*Очки надо?*; *Женщина-кандибобер*; *Мистер Трололо*). Текстовая составляющая медиамема может подвергаться лексическим и грамматическим изменениям для достижения комического эффекта (Рисунок 5).

В отдельную группу следует выделить эдвайсы (от англ. advice – совет) – это мемы-изображения с различными животными (реже людьми) на цветном фоне, вверху и внизу изображения размещены остроумные фразы, которые, как мы понимаем, произносит персонаж.

Отличительной чертой мемов-эдвайсов были остроумные фразы, произносимые персонажем. Например, Философораптор выдавал глубокомысленные, иногда парадоксальные изречения о смысле жизни. Чаще всего это была игра слов или каламбуры (Рисунок 6). Структура текстовой части состояла из двух частей: верхняя надпись – завязка, нижняя – неожиданная развязка, на таком контрасте, эффекте обманутого ожидания возникал комический эффект.

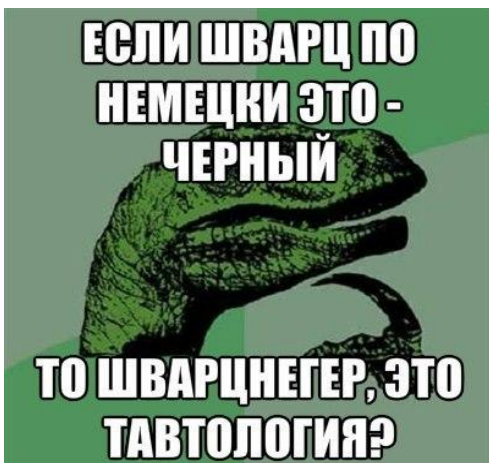

Рисунок 6

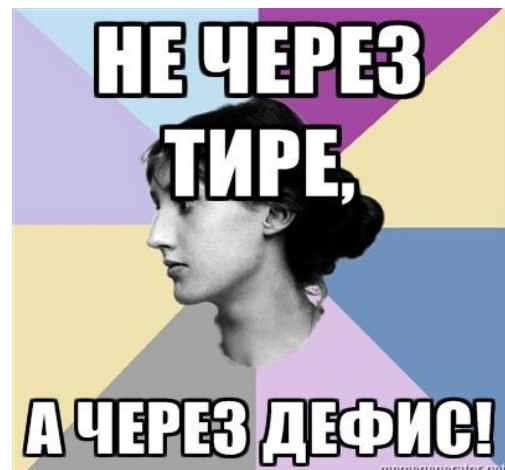

Рисунок 7

В филологической среде популярен образ *Филологической Девы* – изображение Вирджинии Вульф (Рисунок 7). Содержательная часть данных мемов, как правило, связана с филологической или лингвистической тематикой: обыгрываются распространенные языковые или речевые ошибки, стихотворные строки, имена известных писателей, значения слов и т. п.).

Для достижения комизма необходимо соблюдение условия узнаваемости соответствующих прецедентных феноменов. Примечательно, что многие персонажи мемов-эдвайсов становятся самостоятельными персонажами, выходят за пределы интернет-среды и распространяются в бытовом общении, при этом сохраняя целевую направленность.

Примечательно, что смысл мемов-эдвайсов заключается в остроумных фразах, написанных сверху и снизу персонажа в отличие от мемов-фейсов (*Rage Comics – яростный комикс*, серия комиксов, нарисованных в программе Paint), основной замысел которых заключается в выражении какой-либо эмоции.

Возможность достижения комического эффекта при использовании интернет-мемов любого типа связана с включенностью адресата в культурный контекст, наличием у него определенных предварительных, фоновых знаний. Этим обусловлена и недолговечность активности и функционирования мемов. В зависимости от обстоятельств распространение мема занимает от нескольких дней до нескольких лет, после чего процесс репликации замедляется или останавливается. Наступает период пресыщения: устаревший мем заменяется другим, новым. Иногда мем остается известным лишь определенной целевой аудитории пользователей сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз – М.: Мир, 1993. – 318 с.
3. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? / В. В. Красных. – М., 1998. – 362 с.
4. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161–173.
5. Щурина Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии / Ю. В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 6 (59). – С. 85–89.

N. V. Gladkaya

MEMES IN THE SYSTEM OF CREOLIZED INTERNET DISCOURSE TEXTS

The article deals with Internet memes that function on the Internet and are used as a means of intercultural communication. Internet memes are considered as precedent phenomena. Memes are considered as verbal, non-verbal and hybrid formations with high reproducibility and high speed of distribution on the Internet; they can transmit and store cultural information. Memes reflect the cultural, stereotypical phenomena of modern reality that are relevant to Internet users. The possibility of achieving a comic effect when using Internet memes is related to the inclusion of the addressee in the cultural context, the presence of certain preliminary background knowledge.

Keywords: meme, precedence, implicitness, presupposition, Internet communication

**МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В СКАЗКАХ
Х.К. АНДЕРСЕНА**

В данной статье раскрываются речевая агрессия или интолерантность к субъекту речи.

Ключевые слова: *интолерантность, языковые механизмы сказок Х.К. Андерсена*

«Человек с огромным запасом терпения и толерантности идет по жизни с особой долей спокойствия и умиротворенности. Такой человек не только счастлив и эмоционально уравновешен, но он, к тому же, крепче здоровьем и меньше подвержен болезням. У него сильная воля, хороший аппетит, и ему легче заснуть, ведь совесть его чиста»

(Далай-Лама XIV)

Актуальность – подбор использованного материала этой статьи считается важным, так как сказки Х.К. Андерсена считаются объектом исследования в школах и высших учебных заведениях. Кроме того, невозможно никак не отметить, то что сказки Андерсена (к примеру, «Снежная королева», «Аисты», «Дюймовочка», «Нехороший мальчик», «Гадкий утенок» и т.д.) пользуются спросом не только среди детей, но и среди старших.

Предметом данной статьи являются языковые механизмы интолерантности.

Объектом можно считать сказки Х.К. Андерсена.

Методы исследования – наблюдение, сопоставительный анализ.

Цель и задачи – раскрыть понятие «толерантности», «интолерантности», «речевой агрессии».

Научная новизна полученных результатов – проблема языковой интолерантности в сказках Х.К. Андерсена.

Практическое значение – сказки Х.К. Андерсена показывают, насколько общество, в настоящее время, толерантно по отношению друг к другу.

Мы считаем, что наше общество переносит сложный период коммуникативной интолерантности. Кроме этого невозможно не отметить общественные вопросы, затронувшие коммуникативную культуру семьи. Данное приводит к тому, что население никак не в состоянии адаптироваться к новейшим обстоятельствам существования.

Вопросы домашнего нрава постоянно существовали в первоначальном времени. Общество испытывает перемены, а совместно с ним меняются и семейные ценности. В текущий период, поднимаются проблемы, какие прежде не были затронуты.

Как возник термин толерантность?

На рубеже XVIII-XIX веков во Франции жил Талейран-Перигор, князь Беневентский. Он был известен тем, что при разных правительствах (и при революционном, и при Наполеоне, и при короле Людовике XVII) оставался министром иностранных дел. Это был человек, талантливый во многих областях знания, но, несомненно, лучше всего – в умении учитывать настроения окружающих, уважительно к ним относиться, искать решение проблем способом, наименее подавляющим интересы других людей. И при этом сохранять свои собственные принципы, стремиться к тому, чтобы управлять ситуацией, а не слепо подчиняться обстоятельствам [1].

С именем этого человека и относится понятие «толерантность».

Давайте рассмотрим понятие «толерантности» в различных словарях.

Так в «Советском энциклопедическом словаре» «толерантность» определяется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [4].

В «толковом словаре русского языка» В.И. Даля толерантность значит так:

Толерантность – это терпимое отношение к чему-нибудь, умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, характеру [2].

Семашко М.А. в статье «Формирование термина «толерантность» в гуманитарных науках» выполняет сравнительное исследование термина. М. А. Семашко отмечает, что впервые понятие «толерантность» в научный оборот ввел в XVIII в. французский философ, экономист и политический деятель Антуан Луи Клод Дестют де Траси [5].

В отличие от интолерантности толерантность понимается как возможность жизни постороннего, иного, другого, нежели у нас, однако в согласовании с нашими высоконравственными ценностями, в отсутствии принятия данных общепризнанных мерок с себя, в отсутствии пропускания через себя.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что слово «толерантность» рассматривается как способность противостоять или благоприятно (в хорошем смысле этого слова) ссылаться на чужие действия или идеи.

Проявлять толерантность – это значит признавать то, что люди различаются по внешнему виду, положению, интересам, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире, сохраняя при этом свою индивидуальность.

Интолерантность – это неприятие другого человека, неготовность к сосуществованию с другими (иными) людьми; интолерантность проявляется через конфликтное, агрессивное поведение.

Предлагаем проанализировать смежное с интолерантностью понятие – речевую агрессию.

Речевая агрессия – это эмоциональное, звуковое или словесное причинение вреда; выражение негативных чувств и эмоций; негативное отношение к происходящему; желание причинить вред окружающим; серьезное препятствие на пути к взаимодействию друг с другом.

В межличностном общении традиционно выделяют такие типы речевой агрессии:

1. Оскорбление – «это умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме» [6].

2. Угроза – обещание причинить вред адресату, если он не согласится с определенными условиями. В качестве примера давайте проанализируем сказку «Аисты». Итак, приведем песенку автора из этой сказки:

*Аист, аист белый,
Что стоишь день целый,*

*Словно часовой,
На ноге одной?
Или деток хочешь
Уберечь своих?
Попусту хлопочешь, -
Мы изловим их!
Одного повесим
В пруд швырнем другого,
Третьего заколем,
Младшего ж живого
На костер мы бросим*

Итак, мы рассмотрим такие ключевые языковые механизмы: повесить, утопить, заколоть, бросаться.

«Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова приводит подобное разъяснение термину: ИЗЛОВИТЬ изловлю, изловишь, сов. (к излавливать), кого-что (простореч.) [7].

В «новом словаре русского языка» под редакцией Ефремовой Т.Ф. термин повесить обладает 2 ключевыми значениями: ПОВЕСИТЬ, -л, -а, -о. -и. 1. придать чему-л. висячее положение. 2. подвергнуть смертной казни через повешение [3].

В «новом словаре русского языка» Ефремовой Т.Ф. термин утопить имеет 6 смыслов: I сов. перех. 1. Заставить идти ко дну, бросив или силой погрузив в воду. 2. разг. Залить водой; затопить. 3. перен. Глубоко погрузить во что-либо вязкое, сыпучее, рыхлое или мягкое. 4. перен. Спрятать, скрыть что-либо ценное. 5. перен. Подавить в себе тяжёлые, удручающие мысли. 6. перен. Поставить кого-либо в безвыходное положение, сделать чью-либо жизнь невыносимой [3].

«Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова приводит подобное разъяснение термину заколоть, который имеет 4 значения: ЗАКОЛОТЬ заколю, заколешь, сов. (к закалывать). 1. кого-что. Убить колющим или каким-н. заостренным оружием. 2. что. Приколоть, прикрепить, закрепить с помощью чего-н. острого (разг.). 3. (несов. нет) что. Начать колоть (разг.). 4. (несов. нет) безл. Начать колоть (о внутренней боли) [7].

В «новом словаре русского языка» Ефремовой Т.Ф. термин бросаться обладает 6 ключевыми смыслами: 1) Бросать что-л. в кого-л., чего-л. или друг в друга; кидаться. 2) перен. разг. Неумеренно, безрассудно расходовать, тратить в большом количестве. 3) Резко, быстро, порывисто устремляться куда-л., к кому-л., чему-л. 4) разг. Набрасываться, нападать на кого-л. 5) разг. Увлеченно, с большим интересом начинать заниматься какой-л. деятельностью. 6) перен. Говорить, произносить что-л [3].

3. Грубое требование – распоряжение, выраженное в решительной и категорической форме.

4. Грубый отказ – «это выраженный в неподобающей форме отрицательный ответ на просьбу или требование. Эта форма речевой агрессии не содержит необходимых формул вежливости (извините, пожалуйста), сопровождается повышенным тоном и не содержит объяснения причины отказа» [6].

5. Враждебное замечание – это замечание, которое сближается с выражением негативной позиции к адресату.

6. Порицание – суждение, выговор, неодобрение. Иначе, порицание - словесное выражение негативной реакции на то или иное действие.

В качестве примера, давайте проанализируем сказку «**Нехороший мальчик**». Предлагаем рассмотреть небольшой отрывок из сказки:— *Фи, какой нехороший*

мальчик, этот Амур! Я расскажу о нём всем хорошим детям, чтобы они сторонились его и никогда не играли с ним, — он и их обидит! И все добрые дети — и мальчики и девочки, которым он рассказал об этом, стали остерегаться злого Амура. Но он всё-таки обманул их такой плут! Да, злой мальчик этот Амур, никогда не связывайся с ним! Он только и делает, что бегаёт за людьми.

Итак, мы рассмотрим такие ключевые языковые механизмы: злой, нехороший, преследовать, дразнить, сторониться.

Итак, исследуем объяснение данных терминов в словарях русского языка.

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова представляет следующее объяснение:

ЗЛОЙ, -я, -е; -л, -а, -о; -ее; -ий. 1. Заключающий в себе зло. 3. умысел. 3. рок (несчастливая судьба); 2. Полный злобы, злости; 3. мальчик. Злейший враг; 3. взгляд. Зло (нареч.) подшутить; 3. перен. Причиняющий сильную неприятность, боль, жжение; сильный, крайний по степени своего проявления (разг.) [6].

А «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова приводит подобное разъяснение термину: **ЗЛОЙ**, -я, -е; -л, -а, -о. 1. только полн. формы. Прил. к Зло 1 знач. (книжн.). 3. Дурной, недобрый, бедственный (книжн.). 4. перен. Причиняющий боль, вред. Гадкий, острый (разг.). 5. Ядовитый, опасный (обл.). Тяжелый, жестокий, неизлечимый (разг.). 6. Выражающий злобу, злость. 7. Употр. для обозначения высшей степени отрицательного качества определяемого предмета. 8. только кратк. формы, в знач. сказуемого, на кого-что. Сердит, злится, чувствует злость на кого-н [7].

В «новом словаре русского языка» Ефремовой Т.Ф. термин **НЕХОРОШИЙ**, -я, -е; прил. Не обладающий положительными качествами; плохой, дурной.

В «новом словаре русского языка» Ефремовой Т.Ф. термин преследовать обладает 8 значениями: 1. Гнаться за кем-либо, чем-либо. 2. перен. Подвергать гонениям, угнетать кого-либо. 3. Привлекать к суду кого-либо. 4. перен. Беспощадно критиковать. 5. Неотступно следовать, ходить за кем-либо. 6. перен. Постоянно сопутствовать кому-либо, чему-либо, 7. Добиваться, домогаться чьей-либо близости, любви. 8. Стремиться к чему-либо, добиваться осуществления чего-либо [3].

В «новом словаре русского языка» Ефремовой Т.Ф. термин сторониться применяется в 3-х значениях: 1. Отходить в сторону, освобождая дорогу. || Избегать соприкосновения с кем-либо, чем-либо, держаться в стороне от кого-либо, чего-либо. 2. перен. Избегать знакомства, общения с кем-либо. 3. перен. разг. Уклоняться, отказываться от какой-либо деятельности, от выполнения чего-либо [3].

7. Насмешка – насмешка строится на подтексте или ироническом несовпадении сказанного с реальным.

Также, примером может служить сказка «**Снежная королева**».

Где основной персонаж - Кай дразнит свою бабушку: *расскажет ли что-нибудь старая бабушка - придержется к ее словам. А то дойдет даже до того, что начнет передразнивать ее походку, надевать ее очки, говорить ее голосом. Выходило очень похоже, и люди смеялись.*

Итак, мы рассмотрим такие ключевые языковые механизмы: дразнить, придирается, передразнивать.

Приступим к определению слова.

В «новом словаре русского языка» Ефремовой Т.Ф. слово дразнить обладает в 2-х значениях: несов. перех. 1) а) Стараться обидеть или рассердить кого-л. б) Называть кого-л. обидным именем, прозвищем. 2) а) Усиливать какое-л. желание, чувство и т.п. б) Вызывать в ком-л. недовольство, раздражение чем-л [3].

В «новом словаре русского языка» Ефремовой Т.Ф. слово придираться употребляется в 2 значениях: Придираться — 1. Использовать что-л. как повод к замечаниям, упрекам, обвинениям (обычно необоснованным). // Использовать что-л. как повод для каких-л. действий, поступков и т.п.

2. Обвинять, упрекать кого-л. в чем-л. без достаточных оснований.

Слово передразнивать обладает в 2-х значениях: Передразнивать — 1. Подражая в мимике, телодвижениях, манере говорить и т.п., представлять кого-л. в смешном виде. // Повторять чьи-л. слова с интонацией, выражающей неодобрительное, ироническое и т.п. отношение к ним. // Подражать кому-л.. воспроизводить что-л., имитировать.

2. Дразнить, намеренно сердя, раздражая всех или многих [3].

8. Ссора – это сложный речевой жанр межличностного общения, в котором речевая агрессия проявляется в наибольшей степени.

Таким образом, мы пришли к выводу:

Речевая агрессия – это агрессивное вербальное поведение, которое нарушает межличностное общение, приводит к противостоянию между людьми, провоцирует социальные конфликты; однако человеческое общество научилось противостоять речевой агрессии.

На результатах анализа речевой агрессии и путей ее преодоления основываются рекомендации культурно-речевого характера по употреблению языковых средств в современной речевой коммуникации.

Заключение

В данной статье мы осуществили следующее:

1. Определили такие понятия, как «толерантность», «интолерантность», «речевая агрессия».

2. Охарактеризовали языковые механизмы, которые отражают отношение к субъекту речи, разделили их на несколько групп.

3. Продемонстрировали представление о языковых механизмах интолерантности в сказках Х.К. Андерсена.

Важно отметить, что в этой статье мы изучили ключевые слова, которые отразили именно толерантность и интолерантность в обществе, жизни.

В русской речи можно увидеть немало языковых механизмов, которые показывают отношение младшего поколения к старшему, и наоборот, о том, что общество нуждается во взаимопомощи и взаимоуважении. Делая вывод, нужно выделить тот факт, что в нашем, русском обществе очень ярко отразились механизмы языковой интолерантности, которые существуют и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология / Р.Г. Абдулатипов. – СПб. : Питер, 2004. – 314 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. – СПб.: Цитадель, 1998. – 3696 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный/ Т.Ф. Ефремова – М.: Рус. яз. 2000.- в 2-х т. – 1209 с.
4. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь/ А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с.
5. Семашко М.А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках [Электронный ресурс] / М.А. Семашко // Электронный научно-педагогический

журнал. – Электрон. текстовые дан. – 2007. – Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm>, свободный.

6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд. – М. : ООО А Темп, 2006. – 944 с.

7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1940. – 752 с.

S.A. Okley

MECHANISMS OF LANGUAGE INTOLERANTITY IN FAIRY TALES H.K. ANDERSEN

This article reveals speech aggression or intolerance to the subject of speech.

Key words: *intolerance, linguistic mechanisms of fairy tales H.K. Andersen*

УДК 81'42:82-92

А.И. Протазюк

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
(Научн. рук. к. филол. наук, доцент И.А. Соболева)*

ИНВЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИДИСКУРСЕ

В статье разрабатывается иерархия понятий: «инвектива» – «инвективные стратегии» – «дискурс» – «медиадискурс». Рассмотрены история и эволюция такого лингвистического понятия, как «инвектива». Анализируются языковые факты, иллюстрирующие функционирование инвектив в современном медиадискурсе, а также значение и влияние инвективных стратегий в современной языковой ситуации.

Ключевые слова: *инвектива, лексическое значение, коммуникативная ситуация, коммуникативные стратегии.*

Инвектива как лингвистическое явление является неотъемлемой составляющей современного медиапространства. Медиадискурс характеризуется чрезвычайно высокой степенью агрессии, конфликтности, субъективизма. Все это в совокупности влечет за собой полемический накал, который очень часто переходит в брань, прямые оскорбления, уничижительные характеристики участников медиапроцесса.

Именно поэтому чрезвычайно важной задачей для современной дискурсологии является анализ и описание инвективных форм коммуникации, а также тех коммуникативных последствий, которые влечет за собой процесс инвективизации современного медиадискурса.

Термин «инвектива» произошел от латинского слова *invehor* – «брошаюсь, нападаю». Зарождение инвективы по мнению И.В. Шталь связано с фольклорной традицией открытого оскорбления, нередко имеющего ритуальный характер. Элементы бранной риторики обнаруживаются в древнегреческом эпосе Гомера, ранней лирике Архилоха и ранней аттической комедии Аристофана [4, с. 146]. На исходе античности инвектива трансформировалась в жанр ораторской речи, противопоставленный панегирику. Т.Г. Добросклонская трактует инвективу как резкое выступление против кого-либо, чего-либо, как оскорбительную речь, брань, выпад, а также форму литературного

произведения, одну из форм памфлета, осмеивающую или обличающую реальное лицо или группу [1, с. 112].

Инвективные стратегии предполагают содержание оскорбительного контекста, ущемляющего честь, достоинство и наносящего вред деловой репутации характеризуемых лиц. Например: «мошенник», «жулик», «мерзавец» и т.д. Значительный спектр функций инвектив, который реализуется в медиадискурсе, состоит в экспрессивном, а иногда и агрессивном воздействии на сознание адресата в достижении определенной цели высказывания.

Инвектива как тип речи в современном мире охватила абсолютно всю сферу жизнедеятельности человека и имеет возможность реализоваться в нескольких сферах: политической, социальной, бытовой, интимной, сатирической и литературной. Инвективы в своей семантике отражают ценностные представления носителей языка, в центре которых находится человек со всеми возможными недостатками. Такая установка адресата речи позволяет выявить основные группы человеческих пороков, недостатки и несовершенства социально-политической структуры государства и т. д. Возможность свободы слова уже не ограничивает носителя языка для самовыражения без существовавших ещё недавно ограничений, общепринятых рамок культуры, канонов.

Л.П. Крысин пишет об особенностях современной коммуникации следующее: «Вообще, если пользоваться не строго лингвистическими терминами, а оценочными, в наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные образные средства негативной оценки поведения и личности адресата – от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо просторечной и обценной лексики. Все эти особенности современной устной и, отчасти, книжно-письменной речи – следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой деятельности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности» [3, с. 86].

О.С. Иссерс считает, что инвективы – это не только бранные, обценные слова и выражения. Классификация групп инвективной лексики О.С. Иссерс получила широкую известность в современном русском языкознании и представляет большой интерес для всех, кто изучает актуальные для современной языковой ситуации процессы:

1) слова и выражения, понятийно обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность (*мошенник, жулик*);

2) слова с ярко выраженной негативной оценкой, обозначающие деятельность или социально осуждаемую позицию (*расист, предатель*);

3) названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении (*палач, мясник*);

4) зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям отдельных животных или их совокупности (*осел, свинья*);

5) глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой, обозначающие социально-осуждаемые действия и состояния (*надраться, ханнуть*);

6) слова, содержащие экспрессивную негативную оценку, без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: (*подлец, сволочь*);

7) эвфемизмы для слов первого и третьего разряда, сохраняющие, тем не менее, их негативно-оценочный характер (*женщина легкого поведения, заплочных дел мастер*);

8) специальные негативно-оценочные каламбурные образования (*коммуняки, дерьмократы*) [2, с. 179].

Кроме того, к инвективной лексике, без всякого сомнения, следует отнести нецензурную или обсценную лексику при ее использовании в качестве характеристики лиц. Это отдельная и очень значимая по своим масштабам проблема, характеризующая деструктивные процессы в современной языковой ситуации.

На практике в качестве отличительного признака инвективной лексики иногда называется ее несоответствие узусу нормативного общения. О неприличном характере коммуникации можно говорить в тех случаях, когда элементы фамильярного общения – фамильярная лексика, вульгаризмы, сквернословие – переносятся в публичное и формализованное непубличное (деловое, научное, литературное, профессионально-техническое и т.п.) общение.

Исследование такого рода негативных процессов, характеризующих не только современный русский язык, но и современный русскоговорящий социум в целом, имеет огромный культурологический и научный потенциал для социолингвистики, лингвокультурологии и др. наук. Нам представляется важным изучение инвективных моделей поведения в отдельных типах дискурсов, к примеру, в современном интернет-дискурсе, где количество инвективной лексики и инвективных стратегий коммуникации давно требует пристального внимания лингвистов, культурологов и психологов.

Считаю, что сейчас настало время широко популяризировать этические нормы речевого поведения, а где-то и вводить ограничения на использование инвектив в интернете. Иначе интернет из всемирной информационной паутины превратится во всемирную коммуникативную помойку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская Т.Г.* Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. – 2006. – № 2. – С. 19-28.
2. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
3. *Крысин Л.П.* Язык в современном обществе / Л.П. Крысин. – М. : Русское слово, 2012. – 208 с.
4. *Шталь И.В.* Инвектива как источник по истории общественно-политической мысли / И. В. Шталь // ВДИ. – 1963. – № 2. – С. 141-152.

A.I. Protazyuk

INNOVATIVE STRATEGIES IN MODERN MEDIA DISCOURSE

The article develops a hierarchy of concepts: “invective” - “invective strategies” - “discourse” - “media discourse”. The history and evolution of such a linguistic concept as “invective” are considered. The language facts illustrating the functioning of invectives in the modern media discourse, as well as the significance and influence of invective strategies in the modern language situation are analyzed.

Key words: *invective, lexical meaning, communicative situation, communicative strategies.*

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛЕНГА УЧАЩИХСЯ В ГУ ЛНР «ЛОУСОШ № 55 ИМЕНИ К.К.РОКОССОВСКОГО»)

В данной статье молодежный сленг мы рассматриваем как языковое явление, которое развивается как язык внутри языка, с одной стороны упрощая его, а с другой – усложняя.

Рассматривается парадокс речевой агрессии в современном молодежном сленге, ставший в последнее время злободневным объектом идущих в ногу со временем лингвистических исследований. Инсталлируются первопричины зарождения речевой агрессии, ее природа, и еще вполне вероятные пути становления конфликтов, порожденных этой специальной формой речевого поведения.

Ключевые слова: *речевая агрессия, ненормативная лексика, молодежный сленг*

В наше время культура речи молодого поколения претерпевает сильнейший натиск заграничных словечек и сленга. При общении речь прогрессивной молодежи приводит в гнев учителей, опекунов, адептов старшего поколения, остро реагирующих на выражения, которые режут ухо. На самом деле, есть о чем беспокоиться: исследования последних лет утверждают, что в подростковой среде степень жаргонизации речи превосходит 50% т.е. круто, клево, найс ,отпад, зашибись, гуд и сходственные словечки наполовину вытесняют литературные выражения.

В качестве объекта исследования мы для себя обозначили сленг луганской молодёжи.

Предметом исследования - беспристрастные предпосылки выхода в свет и некие отличительные черты становления молодёжного сленга в Луганске.

Актуальность нашей работы в том, что направляет наше внимание на беспокойство загрязнения родного языка, на проблему общения людей разных поколений.

Нами была выдвинута **гипотеза исследования**, которая состоит в том, что:

1) молодёжный сленг, образующийся как знак, симптом приспособления к отличительной общности, - действие в языке самостоятельное, и его вполне возможно и должно рассматривать в современном языкознании как отдельную категорию;

2) со стороны взглядов стилистики – жаргон, сленг – это не вредный паразитический нарост на теле языка, который вульгаризирует устную речь говорящего, а органическая и в которой-то мере важная часть данной системы;

3) стремительные конфигурации, произошедшие за прошедшие десятилетия в содержании и масштабах этого действия, обусловлены, основным образом, высочайшим уровнем становления и доступности средств коммуникации, в связи с чем молодёжный сленг превратился в специфический общероссийский язык молодёжи, имеющий много нарочито изменённых слов.

Таким образом, **целью нашего исследования** стало:

Выявить, что представляет собой молодёжный сленг;

Раскрыть предпосылки появления молодежного сленга, его связь с литературным языком;

Выяснить, как через этот языковедческий пласт отображается сознание молодого поколения, его ценностные и высоконравственные ориентиры;

Выяснить, каким способом формируется молодежный сленг, какова его роль в существовании нынешнего общества.

Задачи нашего исследования:

- продемонстрировать образцы разных конфигураций молодёжного сленга;
- изучить подход молодёжи к различным пластам данного жаргона;
- исследовать литературные источники по данной теме;
- раскрыть пути, ключи и источники пополнения сленга;
- изучить степень употребления сленга в молодежной речи.

Заметим, что молодёжный сленг как феномен не прекращает благополучно появляться, обновляться и постоянно пребывать в вербальной культуре учащихся.

Совершенно в каждом языке имеются такого рода слова и выражения, которые, как правило, не имеют применения в художественной литературе. Мы имеем в виду сейчас не арготическую лексику, а молодежный сленг, самую «нормативную» сторону неформального языка. Обратим внимание на истоки значения слова «сленг». Оно возникает от англоязычного slang – «жаргон». Термин приходит в середине XVIII века в смысле «лексика воров и бродяг»; с XIX века – применяют уже к жаргону различных профессиональных групп или социальных классов. В наше время этимология слова «сленг» по сути подобное тому, что и в XIX веке. В лингвистике сленг зачастую противопоставлен норме литературного языка [1, с. 162-163]

Однако, сленг значительно увлекательнее рассматривать равно как лингвистическое явление, продвижение которого обуславливается разными общественными, возрастными, пространственными рамками. В основном можно утверждать, что сленг популярен среди молодого поколения.

Молодёжный сленг- наиболее открытая и мобильная концепция в нынешней лингвистике и ее считаю особой формой языка. Сленг молодого поколения является орудием общения социума разных возрастов.

Молодежный сленг входит в речь носителей, которым от 12 до 30 лет. Действительно, сленг - явление не устойчивое во времени, оно подвижное и постоянно меняется. Считается, что в начале XXI века литературная речь подвергается активному воздействию со стороны социальных диалектов. Подобная тенденция проявляется и в существенном увеличении использования на страницах печатных средств массовой информации, стилистически сниженных элементов речи, в том числе и широкое применение молодежного сленга. [2,с. 34]

Среди всей лексики, в свою очередь, самым подвижным считается молодежный сленг, он отражает психологические, возрастные, статусные особенности подрастающего поколения. А также важной чертой, которая помогает отличить молодёжный сленг от других видов, является его мгновенная изменчивость, которую можно объяснить сменой поколений. Огромное количество слов, являющихся в данное время сленгом молодых людей, были заимствованы из иностранных языков. Чаще всего заимствования к нам идут из языка английского народа, который, несомненно, самый широко используемый по всему миру. Можно утверждать, что механизм, который формирует сленговую систему речи молодежи основан на заимствованиях.

В отличие от данной ситуации, английский язык непосредственно считается «законодателем мод» и главным поставщиком сленгизмов в большое количество других языков. Нынешний молодежный сленг, совсем не является предназначенным для того, чтобы его целиком осознавала все говорящие люди, он не считается «иностранным» языком, а предполагает собой особый язык в языке, который способен

преобладать в речи говорящего и лишь немного касаться ее. Именно по этой причине есть молодое поколение, речь которых настолько засорена молодежным сленгом, что их совсем трудно понять, а есть такая молодежь, которая лишь немного использует в разговоре сленговые слова и сочетания слов.

В данный период времени на формирование молодёжного сленга оказывает колоссальное воздействие компьютеризация. Передача идей, смысла и образа при возникновении компьютера, приобрела вспомогательные возможности согласно сопоставлению с посланием и печатью. Огромное воздействие оказывают и интернет ресурсы. Доступ к заграничным сайтам, просмотр молодежью иностранных фильмов и расширяет словарный запас новыми выражениями. Подобным способом, полная компьютеризация, формирование интернета и его развитие, свобода слова — всё это оказывает огромное воздействие на сленг молодежи.

По данным исследования речи учащихся ГУ ЛНР «ЛОУСОШ №55 имени К.К. Рокоссовского, 80 % детей, общаясь между собой, каждый день используют в своей речи такие слова как «ок»-хорошо, «геймер»- игрок, «завис», «залагал»- не реагирует на операции, «инет»- интернет, «клава»- клавиатура и т.д.

Молодежный сленг предполагает собой ряд выражений и слов, которые характерны и зачастую употребимы молодым количеством людей, однако не воспринимаемых старшим поколением в качестве положительных, общеупотребимых или литературных. Данные слова и формулировки сленговыми становятся не только лишь из-за их нестандартному написанию либо словообразованию, но, во-первых, потому, что ими пользуются небольшое количество людей, объединенных общими интересами, а во-вторых, потому, что данные слова и выражения в языке оставляют особый смысловой оттенок или «аромат». Но не стоит забывать, что молодежный сленг — это лишь один из уровней языка. [3, с. 167–173]

От будущего общества, происходящих событий и явлений, в которых принимает участие народ - зависит будущее сленга.

Сленг, как неотъемлемая часть языка, сам по себе не развивается, развивает его народ. Поэтому, если народ начнет проявлять больше внимания другим цивилизациям, культурам, то в нашей речи появятся больше заимствований из зарубежных языков. Сленг молодого поколения показывает как развивается наше общество на данном этапе. Таким образом «развитие национального сознания напрямую связано с языковыми проблемами». [4, С.85–99]

Несомненно, молодежный сленг демонстрирует и отражает проблемы общества, подтверждает взаимосвязь «молодежного языка» и жизни общества, его среды.

Молодежный сленг предполагает собою увлекательнейший феномен лингвистики, существование которого ограничивается не только определенными возрастными рамками, но и общественными, скоротечными пространственными рамками. Он бытует в сфере учащихся нашего города и отдельных замкнутых группах.

На примере школьников ГУ ЛНР «ЛОУ СОШ № 55 имени К.К. Рокоссовского» можно утверждать, что учащиеся не замечают как используют в своей речи сленгизмы.

Большинство учеников, на элементарный вопрос «как дела?» ответили не родным языком, а употребив сленгизмы:

- Все ок;
- Найс;
- Окай;

Как фиксируют исследователи агрессии, непосредственно молодежная субкультура представляется одним из ключей усвоения агрессивных моделей взаимодействия: физической, косвенной, словесной. Заключительная чаще всего

видоизменяется в специальные феномены, которые функционируют как часть особого речеповеденческого кодекса.

Речевая агрессия - это метод снятия бешенства, гнева, напряжения, это желание достижения чувства преимущества посредством самоутверждения за счет партнера. Речевая агрессия – способ защиты своего внутреннего пространства, манипулирования и доминирования над другими.

Поэтому, чтобы показать себя модным, не таким как все, ребята включают в свою речь сленгизмы, которые чаще всего не понятны бабушкам, дедушкам, а иногда и родителям.

Можно предположить, что таким способом совсем молодое поколение показывает всплеск эмоций, переходной возраст, специально употребляя неизвестные слова старшему поколению.

Ученица 9 класса школы № 55 города Луганска ответила так: « Я употребляю заимствованные слова потому, что это модно. Все пытаются выучить больше неординарных слов, чаще матерных, не будем же мы материться перед старшими, а сленгизмы они не понимают».

В заключении следует выделить, что сленг достаточно любопытен как языковое явление. Сленг разделяет социум на некие племена, которые иногда не понимают друг друга. Невозможно сказать, это хорошо или плохо. Попросту в языке эти явления возникли давным-давно, а в наше время и в нашем обществе они неминуемы.

Исследование агрессивных состояний человека и выраженность агрессии в различных сферах жизнедеятельности считается одним из важных вопросов языка. Агрессия как одно из базовых качеств поведения человека обретает свое представление именно в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. — М.: Флинта, Наука, 2002. – 384 с.
2. Кочеткова, М. А. Культурологические аспекты сленга: сленг американских студентов. Нижний Новгород. Издательство НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. — 139 с.
3. Левикова С.И. Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия. (Бытие и язык. — Новосибирск, 2004. — С. 167–173)
4. Скворцов Л. И. «Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи» М., 1996, С. 85–99.
5. Орлов Г. А. Современная английская речь. М., 1991.

V.A. Tytyuk

VERBAL AGGRESSION IN MODERN YOUTH SLOPE (ON THE MATERIAL OF SLENG OF STUDENTS IN GU LNR “LOUSH № 55 NAMED AFTER KK ROKOSSOVSKY”)

In this article, we consider youth slang as a linguistic phenomenon that develops as a language within the language, on the one hand simplifying it, and on the other complicating. The paradox of speech aggression in modern youth slang, which has recently become a topical subject of linguistic research, is considered. The root causes of the appearance of speech aggression, its nature, and still quite probable ways of the formation of conflicts generated by this special form of speech behavior are installed.

Key words: verbal aggression, profanity, youth slang

Цуканова В.Ю.

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»
(Научн. рук. канд. филол. наук, доц. И.А. Соболева)*

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЯ

В данной статье раскрывается сущность прагмалингвистики как науки, рассматриваются свойства интернет-общения. Проведен анализ прагмалингвистических особенностей интернет-общения, в частности изучена специфика кооперативного общения и выявлены особенности конфронтационного общения.

Ключевые слова: прагмалингвистика, интернет, кооперативное общение, конфронтационное общение, речевой акт, коммуникация, адресат.

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что в настоящее время интернет-общение как форма коммуникации является неотъемлемой составляющей современной языковой ситуации и современного русского языка.

Цель данной статьи заключается в выявлении и описании прагмалингвистических особенностей интернет-общения.

Теоретической основой работы послужили исследования в области прагмалингвистики В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, П. Грайса, Р. Лакофф, Д. Лича, Д. Уилсон, Дж. Остина, Д. Серля, Д. Томаса, Ю. Хабермаса, и др;

Прагмалингвистика – молодая отрасль знаний, появившаяся на рубеже веков, в рамках которой пересекаются многие логико-философские, социопсихолингвистические, стилистические и этнографические направления изучения языка и коммуникативных процессов [2].

Пока не существует единого исчерпывающего научного определения прагмалингвистики и ее четкого понятийного аппарата, однако понятно, как формировалась эта дисциплина. Толчком для ее возникновения стало понимание того, что в лингвистических исследованиях чрезвычайно важно учитывать так называемый человеческий фактор [4].

Наиболее мощным средством массовой коммуникации в настоящее время является интернет. Глобальная информационная сеть позволяет связывать между собой группы самых различных пользователей вне зависимости от их географического расположения, пола, возраста, семейного положения и других значимых социальных характеристик [1].

Язык, обслуживающий коммуникацию в интернете, подвергается трансформации в самых различных аспектах: на уровне лексики, правил построения высказываний и связного текста, жанрово-стилистических норм, соотношения устной и письменной речи, коммуникативных стратегий и тактик.

О формировании нового стиля – стиля интернет-общения – свидетельствует целый ряд особенностей, на которые обращают внимание даже обычные пользователи интернета, не склонные к новаторскому подходу в использовании языка. Наиболее

значимыми для них является следующее: смешение речевых стратегий, компьютерный сленг, элементы которого переходят в общеупотребительную лексику; возрождение эпистолярного жанра (что четко демонстрирует постоянно растущая популярность живых журналов и всей блогосферы сети в целом); игровые условия коммуникации в виртуальном пространстве; интер- и гипертекстуальность, которые находят отражение в коммуникативной организации сети [5].

Стало понятным, что основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной познавательной и деятельностной области, то есть язык стал больше рассматриваться как система ориентирующего и деятельностного поведения. Значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта в связи с этим существенно возросла. Это общий антропоцентрический сдвиг современной лингвистической парадигмы, и возникновение новых средств и средств, обслуживаемых языком, привел к возникновению новой проблемной области знаний – лингвистики интернета [3].

Практическое исследование построения коммуникации в интернете было реализовано в области анализа кооперативного и конфронтационного общения. Нами было изучено, какими стратегиями и тактиками пользуются участники форумов в процессе построения коммуникации [4].

В рамках изучения данной проблемы мы сосредоточили свое исследовательское внимание на двух базовых стратегиях – стратегии кооперации и конфронтации, поскольку считаем, что в основу классификации речевых стратегий может быть положен тип взаимодействия между коммуникантами.

Если достигнута коммуникативная цель, и при этом участники общения сохранили определенный баланс в отношениях, то можно говорить о том, что их взаимодействие строилось на стратегиях кооперации. Если же коммуникативная задача не выполнена, и при этом наблюдается дисбаланс в отношениях между коммуникантами, то в таком случае можно говорить, что в основе коммуникации лежат стратегии конфронтации. Если говорить о речевых стратегиях и тактиках, которыми пользуются участники интернет-коммуникации (а именно, участники форумов), то здесь стоит отметить, что выбор стратегий и тактик зависит от жанра общения в интернете.

К стратегиям кооперации участников интернет-общения мы относим стратегии установления контакта (Например: *Привет всем! Просто хотела поприветствовать всех* / <http://www.forum-people.ru/>); получения информации (Например: *Думаете, купить одежду хорошего качества трудно?* / <http://www.woman.ru/forum/>);

Стратегия установления контакта представлена в свою очередь тактиками приветствия, приглашения к общению, передачи коммуникативной инициативы. Стратегия получения информации связана с тактиками прямого запроса, косвенного запроса, просьбы. Стратегия информирования со стороны адресата представлена тактиками сжатого ответа, развернутого ответа, совета, солидарности, инструктажа. Стратегия информирования со стороны адресанта сопряжена с тактиками доверия, одобрения, сотрудничества, благодарности.

Анализ фактического материала показал, что среди исследуемых кооперативных стратегий в ходе интернет-общения наибольшую часть составляет стратегия информирования со стороны адресата (35%). Реже используется стратегия получения информации (32%). За ними следуют стратегии информирования со стороны адресанта и стратегия установления контакта (17% и 16% соответственно).

Так же было проведено исследование особенностей конфронтационного общения, которое проявилось в использовании стратегии критики точки зрения адресанта (представлена тактикой несогласия); стратегии сомнения и стратегии иронии. Анализ фактического материала показал, что в ходе интернет-общения среди исследуемых конфронтационных стратегий наибольшую часть составляет стратегия критики противоположной точки зрения (40%). Например: *Не согласна с тем, что вегетарианство полезно, у меня знакомая травоядная похожа на ходячую жесть. Под глазами че-то синее, лицо сероватое и кости без мяса!* / <http://www.woman.ru/forum/>.

Таким образом, в статье были проанализированы речевые стратегии и тактики, которыми пользуются участники интернет-коммуникации в процессе построения общения. На основе анализа речевых стратегий и тактик дискурсов русскоязычных форумов можно сделать вывод о том, что в целом набор стратегий и тактик является универсальным для любого интернет-форума. Мы выделяем две базовые коммуникативные стратегии: кооперации и конфронтации, поскольку считаем, что в основу классификации речевых стратегий может быть положен тип взаимодействия между коммуникантами. Если достигнута коммуникативная цель и при этом участники общения сохранили определенный баланс в отношениях, то можно говорить о том, что их взаимодействие строилось на стратегиях кооперации. Если же коммуникативная задача не выполнена и при этом наблюдается дисбаланс в отношениях между коммуникантами, то в таком случае можно говорить, что в основе коммуникации лежат стратегии конфронтации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов Л.Ю.* Язык Интернета: заметки лингвиста// Словарь и культура русской речи. – М.: Азбуковник, 2000. – 356с.
2. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 324с.
3. *Корытникова Н. В.* Формы и характеристики интернет-коммуникации: социологический анализ / В. Корытникова // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина "Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы» / отв. ред. В. С. Бакиров. – М.: Издательский центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2007. – № 761. – С. 183-190.
4. *Рыженко Е. С.* Виды интертекстуальности в пресс-релизах, размещенных в Интернете / Е. С. Рыженко. – Дисс...канд.филол.н.: 10.02.01. – Волгоград, 2014. – 187с.
5. *Трофимова Г. Н.* К вопросу о специфике функционирования русского языка в интернете (норма и узус) [Электронный ресурс] / А. Н. Трофимова. – Режим доступа: (http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm.)

Tsukanova V.Ju.

PRAGMALINGUISTIC FEATURES INTERNET COMMUNICATIONS

This article reveals the essence of pragmalinguistics as a science, examines the properties of Internet communication. The analysis of pragmalinguistic features of Internet communication has been carried out, in particular, the specificity of cooperative communication has been studied and the features of confrontational communication have been identified.

Keywords: *pragmalinguistics, Internet, cooperative communication, confrontational communication, speech act, communication, addressee*

Дискурсология и генристика

УДК 81-25

Д. В. Черникова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА

В статье представлен анализ особенностей языковой личности студента филологического факультета, описаны тематические группы лексики, характеризующие его тезаурус. Анализ лексикона определил такие тематические поля: «учёба» и «быт и свободное время». Речь индивида не лишена молодёжного сленга, но исключается в общении с преподавателями.

Ключевые слова: языковая личность, тезаурус.

Языковая личность является объектом исследования психологов, лингвистов и философов. Структура языковой личности не тождественна структуре психологической личности, под которой понимается комплекс психофизических свойств конкретного индивида, позволяющий производить ему речевые произведения [3 с. 80]. По мнению Ю. Н. Караулова, языковая личность – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» [4]. Таким образом, можно утверждать – за каждым порождаемым текстом стоит отдельная речевая личность. Т.А. Толмачёва считает, что сознание личности реализуется в речевом поведении, которое определяется коммуникативной ситуацией, языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, мировоззрением и т.д. [6].

Обычно выделяется два типа языковой личности: индивидуальная (характеристики конкретной личности) и типизированная (идеальная языковая личность – совокупность характеристик языковой личности, присущих всем представителям одной социальной или профессиональной группы).

Объектом исследования избран дискурс языковой личности- студента. Актуальность заключается в необходимости дать описание лексического состава языковой личности студента филологического факультета, с помощью составление **тезауруса**.

Тезаурус языковой личности представляет центр ее вербализованной части. «Тезаурус и прагматикон – это то, что в конечном счете интересует читателя. Тезаурус выявляется <...> в процессах восприятия и понимания языковой личностью текстов других персонажей [4 с. 96].

Цель данного исследования: определить особенности языковой личности студента филологического факультета

Поставленная цель определила **задачи:**

1. Описать систему тематических групп лексики, характеризующую словарь студента филологического факультета;
2. Дать описание тематических групп.

Описание тезауруса современной языковой личности в полном объеме – задача неразрешимая в рамках одной работы, она предполагает анализ не только разностилевых и разножанровых письменных текстов, но и устных речевых произведений, поэтому наше исследование ограничивается определенным фрагментом: мы сосредоточили свое внимание на устных текстах, записанных во время общения с информантом. Тезаурус составляют литературные слова и слова из других разновидностей национального языка, употребляемые студентом в процессе общения. В качестве образца и эталона мы берем литературный язык и фиксируем только отклонения от нормы.

Студент выражает содержание общения разнообразными способами, использует в разных ситуациях различные лексические средства, а именно: при общении с преподавателями – литературный язык, при общении с друзьями – сленг, просторечие, молодежный сленг.

Одним из этапов нашего исследования является выделение **тематических полей (ТП)** в речи студента-филолога. В лингвистике сформировалось понимание тематического поля как «совокупности слов разных частей речи по их сопряженности с одной темой на основе экстралингвистических параметров» [2]. И. В. Кременецкая определяет тематическая группа как «объединение лексических единиц, используемых при общении на определенную тему без учета особенностей и условий акта общения» [5, с. 94]. Мы же под **ТП** понимаем «группы слов, включающие как слова одной и той же части речи одинаковой предметной направленности, так и слова других частей речи, необходимые для раскрытия той или иной темы» [2]. Тематические группы формируются по таким значениям, денотативные компоненты которых отражают определенные типы денотатов (например, человек, животное, абстрактные понятия). Тематически, с учётом естественного членения предметов и явлений, отраженных в толковых словарях русского языка, исследуемая нами лексика распределяется по группам, объединяющим существительные, в зависимости от определенных типов денотатов. Заметим, что эти тематические группы одновременно являются лексико-семантическими группами (ЛСГ), поскольку они ограничены принадлежностью к одной части речи – существительному [1, с. 47-51].

Основываясь на частеречном принципе классификации тематических групп, нами была составлена следующая классификация.

Тематическая группа «учёба» представлена именем существительным и аббревиацией; «быт и свободное время» включают такие части речи как существительное, прилагательное, глагол и наречие.

Учёба – тематическая группа слов, обозначающих явления, действия, объекты, связанные с учебной деятельностью. В тезаурусе студента обнаруживаются следующие лексемы из сленга, которые подразделяются на:

1.1. общестуденческие (общие для всех студентов) номинативные единицы:

В подгруппу общестуденческой лексики входят:

- Название людей: **психологиня** «психолог»: *Что на завтра задала психологиня?; читы* «школьники»: *Как на практике вели себя читы?; абитура* «абитуриенты»: *Нужно помочь проверить олимпиадные работы абитуры; козер* «студент первокурсник»: *Эти козеры совсем обнаглели, посмотрим сколько их останется после сессии; свистуны* «двоешники»: *Я надеюсь, что после сессии меня не примут в клуб свистунов;*

- Название объектов: **столовка** «столовая»: *Так есть хочется, так что после звонка сразу бежим в столовку; логово* «аудитория»: *Давай опоздаем, всё равно наше место в логове не займут;*

- Название предметов: **студак** «студенческий»: *Напомни, что нужно не забыть продлить студак; курсач* «курсовая работа»: *Как успеть написать курсач, когда осталась неделя?; сменка* «сменная обувь»: *Ты представляешь, на практике нас заставляли носить с собою сменку.*

- Названия, связанные с интеллектуальной работой: **дэзшика** «домашняя работа»: *Мне нужна твоя помощь с дезшикой, я не понимаю как её делать; контроша* «контрольная работа»: *Ты не забыла, что у нас завтра контроша по лексикологии?; опросец* «самостоятельная работа в виде тестов»: *Нужно подготовиться к опросцу по старославянскому, а то я ничего не знаю; трудяшечка* «пара по охране труда»: *Я так надеюсь, что завтра не будет трудяшечки, так как идти на первую пару – это равно смерти.*

1.2. Специальные, т.е. связанные со специальностью студента. В данную подгруппу входят:

- Название объектов: **русиш** «русский язык»: *Интересно, будет ли в этом семестре экзамен по русишу?; зарубежка* «зарубежная литература»: *Ты видела, сколько нужно писать на зарубежку, я в шоке; логонавтика* «псевдонаучная форма рассуждения»: *Я считаю, что литература как предмет – это сплошная логонавтика; литра* «литература»: *Давай после литры зайдём в магазин, мне нужно купить булочек; СРЯ* «современный русский язык»: *Ты будешь записываться на кафедру СРЯ или языкознания?; ЛАТ* «литературоведческий анализ текста»: *Давай вместе сделаем ЛАТ, потому что я читала критические статьи, и у меня много вопросов. КРЯ* «кафедра русского языка»: *Интересно, наша группа, как и в прошлом году ничего не подготовит на день КРЯ?;*

- Название людей: **историчка, истеричка** «учитель истории»: *Мне говорили, что сдавать экзамен у этой истерички – это хуже, чем три недели не спать; симультант* «о похожем человеке»: *Ты и я, как два симультанта; гидроним* «в оскорбительном в смысле»: *Как же меня бесит этот гидроним, неужели нельзя быть нормальным человеком?;*

Быт и свободное время – тематическая группа слов, описывающая наименования различных явлений, объектов и действий, связанных со свободным времяпровождением и окружающей действительностью студента.

В данной тематической группе выделяются прилагательные, глаголы, наречия и в большинстве – имена существительные. К существительным относятся такие подгруппы слов как:

- игры: **катышки** «снежки»: *Представляешь, в Енакиево люди говорят не снежки, а катышки; футбик* «футбол»: *Я в детстве не в куклы играла, а во дворе с пацанами в футбик; катка* «игра»: *Нужно не пропустить сегодняшнюю катку, а то подставлю друзей; сэт* «набор, серия»: *Ты видела, какой крутой сэт вчера заказали девчонки в нашем любимом кафе?;*

- праздники: **паски** «куличики на Пасху»: *Моя бабушка печёт такие вкусные паски, нужно взять у неё рецепт; яйки* «крашенки на Пасху»: *Давай бить яйки друг о друга, если у тебя разобьётся, а у меня – нет, я победила;*

- свободное время: **мутузка** «драка»: *Под общагой вчера такая мутузка была, думали полицию вызывать; дискач* «дискотека»: *Пойдёшь на дискач на день студента или опять самой, как в прошлом году?; каль, кэль* «кальян»: *Я не понимаю смысла в кальях, особенно, когда их курят с лицами богачей; тусейшн* «вечеринка»: *Завтра будет день рождения, как думаешь, куда пойти на тусейшн?; стерюха* «стереосистема»: *Я экономлю: моя стерюха полетела, нужно купить новую;*

- наименование людей: **баклан** «неприятель»: *Сегодня какой-то баклан в автобусе наступил мне на ногу и не извинился; дауницио* «глупый человек»: *Он невероятный дауницио, ты бы его видела; хахаика* «смешной человек»: *Мы вчера ходили гулять, я всю дорогу смеялась, такого хахаики я ещё не встречала; итрих* «неудачливый человек»: *Я такой итрих, как можно написать курсовую и не сохранить её?; пацык* «парень»: *Спускалась по лестницу с таким красивым пацыком, не передать словами; хорь* «парень»: *Она со своим хорём пошла гулять; ёж* «глупый, непонятливый человек»: *Я себя чувствую ежом на парах по морфологии;*

- части тела: **культяпки** «конечности»: *Убери от меня свои культяпки; чердак, кумпол* «голова»: *Ты хотя бы иногда включай свой чердак; локаторы* «уши»: *Нигде не расскажешь о своих проблемах, все локаторы раскинут и слушают;*

- состояние: **лафа** «удача»: *Мне такая лафа пришла; отходос* «похмелье»: *Я не смогу сегодня прийти на пару, у меня отходос; депресняк* «депрессия»: *Не люблю осень, сразу депресняк подступает.*

Что касается глаголов, то они подразделяются на акциональные и статальные. К акциональным относятся:

- Глаголы движения: **чесать** «идти»: *Мы три часа чесали на стадион, пока не поняли, что не туда свернули; чапать «идти»: *Ты можешь быстрее чапать?; метежиться* «гулять»: *Мы сегодня будем метежиться?;**

- Глаголы физического действия и процесса: **мутузил** «бил»: *Он его вчера так отмутузил, страшно рассказывать; гахнуть, шарандарахнуть* «ударить»: *Зачем так шандарахать по парте?; обломиться* «случайная удача»: *Мне тут ответы на тесты обломились, могу поделиться; оторваться* «хорошо погулять»: *Я очень устала от учёбы, нужно на выходных хорошенько оторваться; шухорить* «прятать»: *Хватит шухорить от меня конфеты; шухерить* «хулиганить»: *Я надеюсь, никто не узнают, что мы вчера нашухерили в столовке;*

- Глаголы социального действия и процесса: **зажигать** «разогревать публику»: *Та она вчера так зажигала, не хватало только камеры, чтоб снять действие;*

- Глаголы речи и интеллектуальных действий: **наезжать** «приставать с вопросами»: *Да ты надоела наезжать, сама разберись.*

Статальные подразделяются на глаголы состояния и отношения. К глаголам состояния относятся:

- Глаголы физического состояния: **колбасит** «мне плохо или возбужденное»: *Я пойду после этой пары в общагу, меня прям колбасит от температуры;*

- Глаголы эмоционального состояния: **тащиться** «быть в восторге»: *Видишь того парня, Лена прям тащится от него;*

Среди глаголов отношения выделяется лишь глаголы межличностных отношений: **обнимохаться** «обниматься»: *Эй, куда ты идешь, а как же обнимохаться?; тискать* «обнимать»: *Ну хватит меня тискать, неприятно.*

Наречие предполагает лишь одну тематическую подгруппу слов – эмоциональное состояние: **фиолетово** «всё равно»: *Не буду ничего учить, вообще как-то фиолетово на этот предмет.*

Тематическая группа «Быт и свободное время» представлена также именем прилагательным:

- Качественные прилагательные: **амбальный** «большой и сильный»: *Если бы ты его видела, он такой амбальный; крезанутый* (от англ. craze) «сумасшедший»: *Мне кажется, она слишком крезанутая для преподавателя; дикий* (от немецкого dick) «толстый»: *Как этот дикий может в двери пролезать? западлярный* «подлый,

дурной поступок»: *Кто тебя просил делать такой западлярный поступок?; четьенький, чипатый* «выражение одобрения, похвалы»: *Нужно съездить в этот магазин, он чётенький;*

• Относительные прилагательные: *голдový* (от англ. gold) «любое изделие из золота»: *У неё такой красивый голдový браслет?; наколотый* «находящийся под действием наркотика»: *Не слушай его, он какой-то наколотый.*

Итак, в центре (нашего) исследования находится языковая личность студента филологического факультета как совокупность речевых способностей. Анализ лексикона определил такие тематические поля в тезаурусе языковой личности студента: «учёба» и «быт и свободное время». Следует отметить, что речь индивида не лишена вкраплений молодёжного сленга. Он проникает во все сферы жизни, не исключая учёбу, но реализуется меньшим образом в общении с преподавателями. В дальнейшем планируется описание тезауруса студента-филолога, включая региональные особенности речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вардзелашвили Ж. Тематические группы метафорических номинаций в русском языке / Ж. Вардзелашвили // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия: филология. – Выпуск I. – СПб-Тб., 2001. – С. 47–51.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010. – 486с.
3. Казьмин С. А. Идеи С. Л. Рубинштейна: деятельностный подход к изучению характера / С. А. Казьмин // Вестник славянских культур. – 2010. – № 1 (XV). – С. 79–85.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов – М., 2002. – 261 с.
5. Кременецкая И. В. Тематическая группа как парадигматическое объединение слов / И. В. Кременецкая // *Lingua mobilis*. – 2009. – № 3(17). – С. 94-98.
6. Толмачева Т. А. Теория языковой личности и процесс обучения межкультурной коммуникации / Т. А. Толмачева. – Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2004/01/19.shtml>.

D. V. Chernikova

LANGUAGE PERSONALITY OF A STUDENT-PHILOLOGIST

The article presents an analysis of the peculiarities of the language personality of the student in the Faculty of Philology, describes the thematic vocabulary groups that characterize his thesaurus. The analysis of the lexicon defined the following thematic fields: “study” and “life and free time”. The speech of the individual is not devoid of youth slang, but is excluded in communication with teachers.

Key words: *language personality, thesaurus.*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГИДРОНИМОВ ЛУГАНЩИНЫ

В статье рассматриваются лексико-семантические аспекты наименований гидронимов луганского края, с целью установления общих признаков семантики собственных и общих названий водных объектов. Актуальность заключается в том, что гидронимы Луганщины непосредственно никем не изучались. Научная работа предполагает описать происхождение, лексико-семантические и структурные виды гидронимов, их региональные особенности.

Ключевые слова: гидронимика, гидроним, топонимика, ономастика, семантика.

Современная наука уделяет особое внимание вопросам топонимики – разделу ономастики, который изучает топонимы как имя собственное, их происхождение, строение и другие проблемы.

Гидронимия как часть топонимии активно изучалась и изучается в настоящее время. Существует описание гидронимии Кубани, Севера и Северо-западной зоны России, Сибири, Урала, бассейна реки Волги и т.д. В этой области работают многие учёные: Воробьёва И.А. «Топонимическая система средней части бассейна Оби»; Гриценко К.Ф. «Названия рек и озёр Якутии»; Топоров В.Н., Трубочёв О.Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья»; Трубочёв О.Н. «Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация»; Отин Е.С. «О принципах составления гидронимических каталогов нового типа: каталог гидронимов бассейна реки Дон»; Смолицкая Г.П. «Гидронимия бассейна Оки» и другие.

На территории Луганска и Луганской области исследованиями гидронимов занимались только бегло в процессе исследования топонимов такие ученые как Высоцкий В.И. «Исторические аспекты топонимов Луганщины», Шевцова В.А. «Топонимия Луганщины».

Жизнь человека тесно связана с местами, которые обозначаются с помощью особенных слов – географических названий или топонимов. Они могут быть случайными, отображать человеческую смекалку, повторять названия предприятий, вокруг которых находятся. Как правило местные жители интерпретировали исторические название географических объектов. Если выбрать топоним с каким-либо значением и нанести его на карту, то можно получить интересный материал о поселении народов, истории местности.

На данный момент необходимо уделить большое внимание семантическому, словообразовательному, фонетическому, графическому, морфологическому аспектам наименований гидронимов луганского края, с целью установления общих признаков семантики собственных и общих названий водных объектов. На карте Луганской области нет ни одного названия канала, колодца, источника, которые так же необходимы на земле как моря, океаны [3, 100].

Целью работы является структурно-семантическое исследование гидронимов. Гидронимы – класс топонимов, который включает в себя названия всех водных объектов – рек, ручьев, источников, колодцев, прудов, озер, океанов и их частей (морей, заливов,

проливов). Для их исследования были взяты названия водных объектов Луганщины. Наименование гидронимов классифицируются по определенным принципам. Нам представилось возможным классифицировать гидронимы по тематическим группам:

1. Характерные особенности (признаки) водных объектов: пруды – *Холодный, Гнилой, Болото*; реки – *Ревуха, Краснянка, Камышеваха, Камянка*.
2. Фамилии бывших собственников земли (территории), угодий или первопоселенца : пруды – *Центр села, Тарасово, Северинский, Софиевский*.
3. Географическое положение к части населения: пруды – *Центр села*.
4. По имени или фамилии собственника: пруды – *Тарасово, Севериновский, Софиевский, Зирчанский, Башичевчанский, Можин, Чеховский, Егорьевский*, водохранилища – *Потоновское, Ясеновский, Иванов, Юлино, бассейны– Вишневецкий*.
5. Название населенного пункта: реки – *Лозовая, Ольховка, Нагольчик, Тарасово*.
6. Названия, связанные с местной флорой : реки – *Березовая, Комишная*, пруд – *Зеленый гай, Куцая гора, Глиняный*.
7. Названия, связанные с местной фауной: реки – *Бычок, Кизык, Селезень, Утка*; пруды – *Гусятник, Питомник*;
8. Названия, связанные с деятельностью человека: пруды – *Совхозный, Колхозный, Охотничий, Бригадный, Почтовый, Сенной, Виноградник*.

По структурному признаку гидронимы Луганщины можно поделить на три вида:

- односоставные (пруды: *Сельский, Башня, Граничный, Юлино, Солнечный, Ганновский, Множин, Глиняный, Отстойник, Чуприна, Иванов, Колхозный, Живановка, Западный, Кутыревой, Зирчанский, Чеховский, Золотой, Болото*, реки: *Миус, Нагольчик, Орехова, Юськина*);

- двусоставные (пруды: *Малочарка, Новоукраинский, Красноармейский*);

- словосочетания (пруды: *Правый Тузов, Старый май, Орлиное гнездо, Зеленый гай, Куцая Гора, Резервный фонд, Верхняя плотина, Желтые воды, Чистые пруды, Старый май*; реки: *Северский Донец, Белая Камянка, Медвежий бассейн, Малая Камянка*).

Мотивирующим гидронимов послужили:

1. Имена существительные – пруды : *Пятачок, Криночки, Виноградник, Болото, Иванов, Отстойник, Башня, Луганчик, Чавтор, Тамара*, река: *Деревечка*.

Некоторые из таких типов образованы от собственно гидронимов (субстантивированных существительных): *Нагольная + суффикс чик – Нагольчик, Лугань + суффикс чик – Луганчик, Ольховая + суффикс -к- Ольховка - река*.

2. Имена прилагательные – пруды : *Ящиковский, Школьный, Больничный, Васильевский, Бубыринный, Сенно, Холодный, Почтовый, Громовой, Колхозный., Золотой, Долгая, Солнечный, Сельский, Центральный, Софиевский, Елизаветовское, Заводской, Золотой, Дачный, Парковы, Тепличный, Уткинский, Шахтерский, Кузино, Фитивитский, водохранилища: Дьяковское, Платоновское, реки: Нагольная, Таловая, озеро: Большое*.

3. Причастия – пруды: *Свяченный*, реки: *Дуванная*.

4. Ономатизированные аппелятивы: *Виноградник, Болото, Башня, Деревечко*.

5. Трансформированные имена собственные пруды: *Тамара, Александровский, Еленовский, Жуковский, Васильевский*.

Причиной названий водных объектов мог быть какой-либо случай, связанный с событиями, произошедшими неподалеку от водного объекта, возможно его форма, время образования также повлияло на образование названия водного объекта.

Например, пруд *Партизанский (Антр.)* получил свое название в связи с перекрытием его части в советское время ;

-пруд *Хрестовый*: на праздник *Крещение*, когда святили воду в реке *Комышиной*, крест со льда вырубали в пруду, который в последствии получил название *Хрестовый*;

- пруд Утиный : размещен возле инкубатора (Перев.);

- пруд Березовский: местные жители связывают название с именем девушки, дочери крепостных, которые убежали от помещика, построили дом возле трех берез, у них родилась дочь, которая впоследствии умерла, когда родилась вторая дочка ее назвали Березкой.

- пруд Холодный : на дне пруда есть большое количество источников, из которых бьет холодная вода;

- пруд Звезда (Сух) : имеет форму звезды;

- пруды Большой, Малый: пруды назвали по их размерам (Перв)

- пруд Новый : был построен позднее остальных (Анрт)

- пруд Плоский: название обусловлено формой (СР)

Многие водные объекты дали название топонимам:

- с. Шульгинка гидронимного происхождения, образовано от названия р. Шульга (название реки пошло от отамана Шульгейко, который якобы уцелел после разгрома восстания И. Болотникова и поселился в здешних местах).

- с. Новобобровое гидронимного происхождения, образованное от названия р. Боровой

- с. Нижнетеплое гидронимного происхождения, образованное от названия р. Теплое, наименование которой апеллятивного происхождения, первая часть названий «Нижний» указывает на географическое положение села по отношению к реке и служит отличаем от Верхнетеплого и Среднетеплого.

Активным мотивом наименований является размещение пруда относительно топонима:

- Пруд Шкльный размещен возле школы (Атр);

- пруд Садовый : возле ставка растет красивый сад (Св.)

- пруд Крюковский – на краю улицы, которая имеет название Крюк (Ант.).

Колодцы названы именами и фамилиями людей, имевших определенное отношение к этому водному объекту:

- колодец Монашкин : возле колодца был дом, в котором жили монахи (Св);

- колодец Кириловский : выкопал дед Кирил (Нр);

- колодец Попова: назван фамилией лесника Попова, который жил в доме в лесу, а возле него – колодец (Сл);

- колодец Бабачок : таким была фамилия помещика (Антр.);

- колодец Дерганова: неподалеку был дом хозяина по фамилии Дерган (СЛ);

- колодец Матвеева: Выкопал колодец мужчина, которого звали Матвеев;

- колодец Бандурчин: построил дед по фамилии Бандурка (НА);

- колодец Фирсов : выкопал Фирс Игоревич Тараканов;

- колодец Оксанин: о мотивах наименования данного гидронима может рассказать легенда. Один юноша по имени Петр полюбил девушку Оксану, которая об этом не знала. Обратился он к гадалке, а та посоветовала: «Пойди вполночь к колодцу и заговори воду. Три ночи не приходи к колодцу, а на четвертый – иди, там будет твоя Оксана». Так и случилось, Петр заговоренную воду вылил в колодец. Три ночи Оксана не спала, ходила к колодцу. На четвертую ночь встретила Петра и полюбила его. С той поры называют колодец Оксанин (СЛ).

- колодец Матвеев: существует легенда о названии гидронима. Жила одна прекрасная девушка Ольга. Носила она воду с далекого колодца. Влюбился в нее простой парень Матвей. Ольга poslала ему условия : «Если хочешь, чтобы я была твоей, выкопай колодец возле моего двора». Долго работал юноша, а воды все не было. Как-то

раз ночью, когда он уже не надеялся, в колодце появилась вода и такая чистая, как любовь Матвея. Выпила Ольга воды и навек полюбила парня.

Мотивом наименований колодцев также послужили случаи, произошедшие в водах колодца, или их особый признак:

- колодец *Лапоть*: так называли деревянный ковш (черпак) на длинной палке, люди пили из него воду (СЛ);

- колодец *Верхний*: расположен на самой высокой улице села Пархоменко(Антр);

- колодец *Попов*: наиболее близкий колодец на пути от церкви, все религиозные праздники, связанные с водой, проходили возле этого колодца (Антр);

Ручьи, источники сберегли мотивы названий прудов, колодцев, озер:

- *Чистый* : ручей с чистой и прозрачной водой (Св.);

- *Совновый* : ручей течет в сосновом боре (Св.);

- *Глухой* : вода в ручье течет тихо, глухо (Кл.) ;

- *Шумок*: в течении ручья много колодцев, поэтому вода течет шумно (КЛ);

- *Гремучий*: источник бьет в лесу Гремучем (Ров.);

- *Кибитка*: возле источника долгое время стояло сооружение, какое-то вспомогательное сооружение, и называлось оно кибиткой (СЛ);

Из обозначенных выше групп наиболее древними являются названия, связанные с различными событиями общественной жизни. Это своего рода отпечаток реальной действительности, который нашел свое отображение не только в гидронимах, но и в географических названиях. Некоторые из них очень древние, например Чумацкая балка – от Чумацкого пути.

Все названия гидронимов Луганщины были мотивированы: сберегли в себе реальные признаки, которые характеризуют названные ими объекты, другие – определенные обстоятельства, приобретенные в процессе существования. Степень реальности этих обстоятельств, как и признаков, можно проверить: река глубокая могла стать мелкой, широкая – узкой, что отразилось на названиях водных объектов. Названия гидронимов помогут выяснить социолингвистические факторы, которые обусловили общие признаки их семантики в целом, будут содействовать достоверному установлению системно-структурной интерпретации.

Можно сделать вывод, что гидронимия Луганской области тесно связана с историей родного края, прежде всего его заселением и для нашего региона, гидронимы которой отображают природно-географические условия края, а также имена их первопоселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.И. «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края» / В.И. Иванов. – 1898 . - с. 349
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская – 1978.- 200 с.
3. Шевцова В.А. Топонімія Луганщини: Матеріали до спецкурсу / В.А. Шевцова – Луганськ, 2000. - с. 74.

Условные обозначения

Анрт. – Антрацит

КЛ – Краснолучский район

НА – Новоайдарский район

Н – Новопсковский район

Перв – Перевальск

Ju. P. B.Brajlovskaya

LEXICAL-SEMANTIC MEANING OF HYDRONYMNS OF LUGANSK REGION

The article deals with the problems of hydronymy, an object-research basis for the semantics of the hydronyms of the Luhansk region for the purposes of their classification and classification. An analysis is made of the toponymic names (hydronyms) of Lugansk region according to the lexical-semantic, word-formation type.

Key words: hydronymics, hydronym, toponymy, onomastics, semantics

УДК 81`33; 81'373.7

М.М. Голикова

*НИУ «Белгородский государственный университет»
(Научн. рук. д.филол.н., проф. Н.Ф. Алефиренко)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ДВУЯЗЫЧНОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ¹

Статья посвящена особенностям создания двуязычного фразеологического словаря с помощью внедрения информационных технологий. Исследование проводится на материале русского и польского языков. В статье рассматриваются не только подходы к изучению фразеологических единиц, но и специфика их обработки в цифровом формате, а также дается обоснование выбранной форме лексикографического пособия. Результатом проведенных работ послужило создание действующего ресурса научной направленности.

Ключевые слова: фразеология, фразеологический словарь, лингвокультурология, междисциплинарный подход.

Использование методов и прием из разных предметных областей в рамках одного исследования сегодня перестало быть редким и уникальным явлением. Ученые успешно совмещают диаметрально противоположные сферы научного знания, что позволяет получить более полные и многогранные результаты. Подобный подход оказывается чрезвычайно продуктивным и в области лингвистики. Если на первый взгляд эта фундаментальная дисциплина кажется далекой от современных технологических веяний, то при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что интеграция с ИТ позволяет решить множество назревших методологических задач и закрыть ряд «белых пятен».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Белгородской области в рамках научного проекта № 18-412-310002.

На наш взгляд, внедрение информационных технологий в филологическую плоскость должно производиться на более глубоком уровне, чем только в плане формы представления материала. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев интеграция «физиков и лириков» подразумевает под собой лишь использование компьютерных презентаций, видеосвязи и иных «поверхностных» технологических решений. В то же время современные технологии дают возможность глубже погрузиться в особенности рассматриваемого материала. Наиболее наглядно это просматривается в филологических дисциплинах прикладного характера, например, психолингвистике, и без того являющейся синтетической. Фундаментальные области пока более сложно взаимодействуют с информационными технологиями.

Подобное «распределение сил», на наш взгляд, является не совсем верным. В подтверждение этого мы обратились к фразеографии. Применительно к сопоставительной фразеологии русского и польского языков эта область имеет множество лакун, часть из которых успешно компенсируется благодаря электронной репрезентации. В результате исследования впервые был разработан полноценный web-ресурс, позволяющий не только выяснить значение искомой фразеологической единицы (далее – ФЕ), но и ознакомиться с развернутым комментарием, касающимся заложенной в нее лингвокультурологической информации, а также воспользоваться мультимедийными дополнениями. Эффективность ресурса определяется возможностью продуктивного использования даже на начальном этапе разработки. Созданная базовая модель дает возможность для активного продолжения исследовательской работы.

Основным средством составления словаря служит традиционный сопоставительный метод, позволяющий выявить общие и отличительные признаки соотносимых ФЕ русского и польского языков. Кроме него, нами использовался метод кросс-культурного менеджмента, адаптированный авторами словаря к лингвокультурной экспозиции сопоставляемых ФЕ. Слово кросс-культурный, происходящее от английского слова *cross* – 'пересекать, перекрещивать', в нашей работе подразумевает переплетение многочисленных, главным образом коннотативных, свойств и признаков соотносительных ФЕ двух лингвокультур и анализ их не только эксплицитного, но и имплицитного взаимодействия, в отличие от слова межкультурный, применимого только для анализа бинарной соотносимости двух лингвокультур.

Авторская адаптация метода кросс-культурного менеджмента к решению фразеографических проблем состоит в выделении трёх основных этапов. Первый из них характеризуется сопоставительным исследованием ФЕ двух языков на лингвокультурном уровне. На первом этапе главной задачей ставилось создание основных типов ценностно-смысловой соотносительности ФЕ русского и польского языков, выработанных в контрастивной лингвистике. Эти системы ценностей требуют сохранения в культурной памяти каждого из народов-носителей автохтонной идиоматики. Их утрата означала бы разрушение этноязыковой идентичности в период глобализации европейской культуры.

Второй этап исследования развития кросс-культурного менеджмента характеризуется разработкой теории, адекватно раскрывающей имплицитные способы влияния национальных лингвокультур на формы речевого поведения политиков и работников СМИ. Укрепление лингвокультурной толерантности, кроме прочих средств, связано с изучением и учетом особенностей национального менталитета народа, его языка, культуры и обычаев.

На третьем этапе применения метода кросс-культурного менеджмента центральное место занимают проблемы исследования разнообразных векторов

проявления культурных особенностей и взаимодействия культур на уровне идиоматики. Выявление таких особенностей важно в период углубления межнациональных конфликтов, усилением настроений ксенофобии.

Глубокое изучение поставленной масштабной проблемы производится за счет использования методов лингвокультурологии. Привлечение современных технологических решений позволяет решить ряд актуальных задач, выходящих за пределы лингвистики.

Словарь разрабатывается в формате веб-ресурса. Это позволяет сохранить классические компоненты стандартной фразеографической статьи. При этом у веб-словаря имеется ряд преимуществ:

- общедоступность: получить доступ к сайту может любой желающий, где бы он ни находился. При этом получение прибыли не предполагается – проект несет в себе исключительно научно-популяризаторские цели;
- возможность редактирования: любую статью можно исправить/дополнить без каких-либо затруднений;
- восполняемость: количество статей всегда можно увеличить;
- масштабность: при грамотном подходе к разработке сайта подобный ресурс может содержать существенное количество статей;
- экономичность: подготовка и ведение сайта, а также содержание хостинга стоят гораздо дешевле, чем выпуск тиража печатных пособий;
- разнообразность контента: специфика веб-формата позволяет сопровождать словарные статьи полезными мультимедийными дополнениями;
- наличие обратной связи: любой зарегистрированный пользователь получает возможность оставить комментарий к статье, дать ее оценку и, возможно, дополнить значимыми пояснениями.

На настоящий момент можно с уверенностью говорить о завершении первого этапа работ по проекту. Это позволило не только создать работающий ресурс, но и подготовить типизированную структуру словарной статьи, а также первую партию контента. Первичные результаты уже были продемонстрированы в ходе конференций.

Наиболее очевидными для посетителей становятся результаты front-end («внешней») разработки сайта. В первую очередь, сюда можно отнести дизайн и интерфейс ресурса. Дизайн – лицо сайта. Он должен не только отвечать актуальным тенденциям, выглядеть современно и стильно, но и делать использование ресурса максимально удобным и продуктивным. Все эти параметры учитывались нами при разработке. Выбранный вариант относится к классическому стилю. Минимализм и строгие формы соответствуют научно-познавательной направленности ресурса. Сайт выполнен в нейтральных тонах. Данная цветовая гамма удобная для зрительного восприятия обеспечивает достаточный уровень контрастности и при этом не перегружает зрение. Фоном главной страницы становится польский пейзаж, что позволяет сформировать отсылку к основной теме ресурса и создать соответствующую атмосферу.

Разработка дизайна подразумевает также выбор положения для его конструктивных элементов. Ведущим на главной странице становится меню. Оно располагается по горизонтали, что дает возможность сразу знакомиться со всеми его пунктами.

Меню сохраняется и в ходе навигации по страницам, что позволяет с легкостью перемещаться по разделам сайта. Кроме того, на главной странице размещаются такие структурные элементы, как краткое описание продукта и его отдельных частей, блок контактов и виджеты для соцсетей.

Страница «Статьи» разработана так, чтобы позволить пользователю не только обзорно увидеть последние добавленные словарные статьи, но и, при необходимости, найти нужный материал. Заголовок каждой статьи включает в себя русское и польское наименования, а также сопровождается иллюстрацией в миниатюре. Справа располагаются блоки для отображения алфавитного списка, а также перечень тематических рубрик. Поиск конкретной словарной единицы осуществляется при помощи специальной кнопки.

Помимо типовой структуры, сайт предусматривает отдельные возможности для специальных условий использования. Так, например, адаптация к мобильным устройствам позволяет комфортно пользоваться сайтом вне зависимости от устройства, с которого осуществляется выход в Интернет. Отдельные возможности предусмотрены для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Так, для слабовидящих пользователей предполагается увеличение шрифта для комфортного чтения.

Структура макета словарной статьи обусловлена спецификой ее содержания (более подробно содержательные особенности статьи будут рассмотрены далее). В целом, макет состоит из следующих структурных элементов:

1. Заголовок статьи (на русском и польском языках).
2. Информация о дате размещения и пользователе, опубликовавшем статью, а также количестве оставленных комментариев.
3. Фото- или видеоиллюстрация.
4. Текст статьи.
5. Аудиосопровождение.
6. Тематические рубрики, к которым относится данная статья (эмоции и чувства, характеристика человека, характеристика событий, деятельность человека, социальный статус и др.).
7. Ссылки на тематически близкие статьи (при наличии).
8. Блок комментариев.

Очевидно, что подобная структура позволяет не только получить максимально полное представление о содержании статьи, но и воспользоваться всеми техническими возможностями, предлагаемыми ресурсом. Кроме того, страница статьи сохраняет навигационные блоки (алфавитный и тематический указатели), что дает возможность оперативно переходить от одного материала к другому.

Для комфортного редактирования размещенных на сайте материалов предусмотрена специальная роль контент-менеджера. Она необходима для того, чтобы наполнением сайта могли заниматься не только разработчики, но и иные лица (например, создатели статей).

Чрезвычайно важным становится мультимедийное сопровождение статей. Оно дает возможность глубже проникнуть во внутреннюю форму каждой ФЕ, наглядно понять ее образность, а также воспользоваться рядом полезных функций. Среди дополнений, функционирующих в пределах ресурса, стоит выделить следующие:

1. Электронный переводчик. Этот элемент напрямую не относится к фразеографии. Его включение в структуру сайта направлено на удобство пользователей. Очевидно, что посетители сайта, заинтересованные в работе с двуязычным материалом, могут нуждаться в машинном переводе. Наличие

подобной возможности прямо на сайте избавляет от необходимости посещения сторонних ресурсов.

На данном этапе работы в качестве источника перевода был выбран ресурс <http://translate.meta.ua>. Этот ресурс позволяет оперативно переводить текст с русского на польский язык и обратно.

2. Звуковое сопровождение словарных статей. Представлено записями произношения фразеологической единицы носителями русского и польского языков. Записываются строго голоса носителей языка, чтобы исключить некорректность произношения и акцент. Для воспроизведения пользователю достаточно кликнуть по соответствующей иконке. Подобный элемент чрезвычайно полезен для пользователей, которые не только интересуются особенностями сопоставительной фразеологии, но и занимаются изучением иностранного языка.
3. Визуальная клавиатура необходима для продуктивного использования строки поиска фразеологизмов. Ее использование обусловлено существенными различиями между русской и польской графикой. Польский алфавит базируется на латинице, тогда как русский – на кириллице. Эта проблема легко преодолевается с помощью переключения раскладки на используемом устройстве ввода (физическая клавиатура, экранная клавиатура смартфона/планшета и т.п.). Однако в польской графике активно используются диакритические знаки (точка, огонек и др.). Штатная российская клавиатура ввод таких знаков по умолчанию не поддерживает, что исключает возможность корректного ввода текста на польском языке. Адаптированная визуальная клавиатура решает проблему: пользователь может ввести нужный ему текст, нажимая виртуальные клавиши.
4. Аудиовизуальный контент. Под аудиовизуальным контентом понимается иллюстративный материал. С технической точки зрения важно не только грамотно разместить его в пределах статьи (так, чтобы он не мешал чтению материала, но при этом не оставался на периферии страницы), но и обеспечить бесперебойное воспроизведение.

Изображения, которыми сопровождаются статьи, представляют собой примеры авторского видения образной сути внутренней формы фразеологизма. Каждое изображение прорисовывается на графическом планшете, а затем обрабатывается при помощи редактора Adobe Photoshop. В результате получаются уникальные изображения, в точности соответствующие ВФ выражения. Для словарных единиц, включающих в себя русские и польские выражения с принципиально различной образной составляющей, используется две иллюстрации, что помогает провести более наглядное сопоставление.

Разрабатывая стилистику видеоконтента, мы приняли решение остановиться на анимационных роликах. Это вызвано рядом факторов:

- съемка полноценного клипа – дорогостоящий и сложный процесс (необходимо наличие специального оборудования и реквизита, участие актеров и т.п.), особенно с учетом оригинальности многих исследуемых фразеологизмов;
- фото- и видеоконтент должен гармонировать друг с другом и иметь единое исполнение. Прорисованные изображения лучше всего коррелируют именно с мультипликацией;

- создаваемый ролик должен быть очень кратким, что также более успешно реализуется за счет мультипликационного формата.

Создание роликов производилось с помощью ресурса Animaker. Он предоставляет широкие возможности даже авторам, не имеющим существенного опыта в разработке анимации. Технических средств, предлагаемых ресурсом, вполне достаточно для создания ряда роликов.

Фундаментальная исследовательская работа во многом связана с правильным выбором источников, используемых при подготовке словарных статей. Подобные источники можно разделить на 2 группы:

1. Собственно фразеографические издания, посвященные изучению, анализу, описанию конкретных ФЕ, а также особенностей их происхождения и функционирования в речи (труды Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых [1], А.К. Бириха [2], В.М. Мокиенко [3], J. Bralczyk [4], S. Bała [5] и др.).

2. Литература, не имеющая прямого отношения к фразеологии, но позволяющая выявить особенности тех или иных образов и сюжетов, функционирующих в фиксируемом фразеологизме (например, словарь W. Kopaliński [6]).

Все пособия, задействованные при создании словаря, фиксируются в специальном разделе. При этом важно заметить, что использование таких материалов не предполагает механическое копирование чужих работ с нарушением авторских прав. Мы анализируем точки зрения всех авторов, знакомим читателей с разными версиями (при наличии) и, в случае расхождения, приводим результаты собственных исследований с аргументацией собственной точки зрения. Таким образом, читатель получает синтетический материал, вобравший в себя всю существующую информацию по конкретной единице.

Подводя итог, стоит заметить, что весь комплекс запланированных работ выполнен в полной мере. Нами был разработан функционирующий ресурс, позволяющий не только отображать контент, но и задействовать дополнительный функционал (публиковать материалы, оставлять комментарии, делиться статьями, использовать электронный переводчик и т.д.). Работа с источниками позволила не только выявить основной круг используемых при исследовании материалов, но и определить общий подход к строению статьи, а также ее разработке.

Текущие результаты работы дают мощную платформу для продолжения работы. С теоретической точки зрения имеется задел, позволяющий готовить фразеографические материалы, исходя из намеченной структуры и на основе собранной информации. С технологической, введен в работу полноценный ресурс, позволяющий делиться информацией в удобном формате. Все это способствует продуктивности на следующих этапах. В частности, появляется возможности расширить функционал ресурса, ввести систему авторизации, упрощающую работу на сайте, а также окончательно доработать дизайн.

Таким образом, подготовка электронного русско-польского фразеологического словаря с лингвокультурологическими комментариями представляет собой масштабную задачу, решение которой предполагает преодоление ряда научно-технологических проблем. Однако ожидаемые результаты представляют существенную значимость для сопоставительной фразеологии и позволяют заполнить имеющиеся лакуны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
2. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
3. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
4. Bralczyk, J. Polak potrafi. – Warszawa, 2006. – 347 p.
5. Bąba, S., Walczak, B. Na końcu języka. – Warszawa, 2008. – 127 p.
6. Kopaliński W. Słownik mitów i tradycji kultury. – Lublin, 1985. – 2646 p.
7. Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / pod red. W. Chlebdy. – Z. 1-8. – 2006-2016.

M.M. Golikova

THE USE OF MODERN TECHNOLOGY IN THE PREPARATION OF A BILINGUAL PHRASEOLOGICAL DICTIONARY

The article is devoted to the peculiarities of creating a bilingual phraseological dictionary through the introduction of information technologies. The research is conducted on the material of Russian and Polish languages. The article considers not only the approaches to the study of phraseological units, but also the specifics of their processing in digital format, as well as the justification of the chosen form of lexicographic manual. The result of the work was the creation of an existing resource of scientific orientation.

Key words: *phraseology, phraseological dictionary, linguoculturology, interdisciplinary approach.*

УДК 811.161.1

А.В. Грицаенко

*ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(Научн. рук. к. филол. н., доцент Е.В. Кузнецова)*

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ: УНИКАЛЬНОЕ И МЕЖДИАЛЕКТНОЕ

Статья посвящена анализу лексики семантической группы «Болезни», функционирующей в донских говорах Волгоградской области. Материал анализируется в структурно-семантическом, лингвогеографическом, историко-этимологическом аспектах.

Ключевые слова: *донские говоры, лексика, болезнь, лексико-семантическая группа, диалект.*

Описание лексики в тематическом аспекте имеет довольно серьезное преимущество. Такое исследование проводится не только по причине методического удобства при изложении разнородного материала, как отметил Ф.П. Филин, но и потому, что имеет огромное значение, поскольку слово при таком подходе анализируется в его связи с обозначаемой реалией и одновременно со словами другой тематической группы.

Следует отметить, что в настоящее время тематический анализ донских говоров Волгоградской области реализован не в полной мере, в этой связи предпринятая в данной статье попытка детального описания лексики, называющей болезни, представляется весьма актуальной.

Как показали современные исследования ученых-диалектологов, диалектная лексика как система в целом не только не отмирает под влиянием литературного языка, но и вновь возрождается путем семантических, функциональных, а также структурных преобразований языковых единиц [4]. Поэтому довольно-таки часто мы можем наблюдать, как диалектная лексема может иметь совершенно разную территорию бытования: от одного говора до целого наречия. Нашей целью является анализ структурно-семантических особенностей и территории бытования диалектизмов, зафиксированных в донских говорах Волгоградской области, выявление единиц уникальных и единиц междиалектных.

Донские говоры Волгоградской области располагаются на западе региона и заслуживают особого внимания современных исследователей. Они отличаются известной общностью фонетической системы, грамматического строя и словаря: им свойственны особенности южновеликорусского наречия, которые были унаследованы от материанских диалектов. Донские говоры отличает важная черта – они являются переселенческими [2]. Нас интересуют социокультурные факторы, способствовавшие хорошему сохранению донской речи: это социальная изоляция донских казаков и их высокая самооценка, которая приводила к снижению влияния соседних говоров русского языка на донские. Однако лексический состав все же разнороден, в нем присутствуют общенародные, интердиалектные, южнорусские и специфические единицы [3]. Неоднородность лексики донского казачества разных районов проживания, как и различия в фонетических и грамматических чертах, объясняется исторически [3, с. 102]. Изначально существовало два центра расселения казачества: верховые казаки (охотники) и низовые (составляли военные отряды). Далее между двумя группами образовались срединные казаки, которые совмещали в себе черты культурно-языковых традиций жителей верховий и низовий Дона [7]. Соответственно, в результате постоянного контактирования, процессов взаимовлияния, смешения черт различных южнорусских говоров на территории донских казаков сформировался массив одного диалекта.

Тема болезней является одной из актуальных, насущных для человека, одновременно являясь в некоторой степени запретной. В то же время эта лексика близка к терминологической. Все это обуславливает особое место рассматриваемого материала в русском языке в целом. Люди на разных территориях страдают от одних и тех же недугов, нам представляется интересным проследить структурно-семантические и функциональные особенности диалектных названий болезней. Интегральный образ болезни можно выявить, обратив внимание на ее специфические черты, которые приписываются ей носителями того или иного диалекта.

Мы рассмотрели более ста лексических единиц, выделенных методом сплошной выборки из «Словаря донских говоров Волгоградской области» (СДГВО) [11], а также из «Большого толкового словаря донского казачества» (БТСДК (только материал,

зафиксированный на территории Волгоградской области)) [1]. В настоящей статье приведены 13 показательных с точки зрения выбранных аспектов исследования, ярких, интересных, на наш взгляд, народных названий болезней: *бешИха* ‘опухоль с нарывом’, *вАсса* ‘зуд, раздражение кожи’, *глОтушина* ‘ангина’, *жевлАк* ‘шишка на теле или под кожей’, *жёлудь* ‘сыпь на руках’, *заеды* ‘язвочки, трещинки в уголках рта’, *курьячка* ‘бородавка’, *мЫт* ‘диарея’, *поганка* ‘сифилис’, *причинка* ‘столбняк’, *сухОтка* ‘туберкулёз; паралич’ *чИчер* ‘чирей’, *щекотУн* ‘мелкие вкрапления в кожу первичного волосяного покрова’.

Выбранный материал был рассмотрен нами в трех аспектах: структурно-семантическом (с определением типа диалектного различия), лингвогеографическом и историко-этимологическом. Тип диалектного различия лексем мы определили путем сопоставления с системой литературного языка, проверив их по «Словарю русского языка» (МАС) [14]. Возможную территорию бытования и структурно-семантические диалектные варианты единиц мы проследили по «Словарю русских народных говоров» (СРНГ) [13], а при анализе происхождения и истории слов мы опирались на данные «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [15] и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [6].

Обратившись к системе русского литературного языка [14], мы установили, что лексемы *жёлудь*, *поганка*, *причинка*, *глотушина*, *жевлак*, *мыт*, *заеды*, *бешиха*, *курьячка*, *васса*, *щекотун* не зафиксированы в МАС в той же форме и с теми же значениями. Тогда как лексема *сухотка* отражена в МАС со значением: «Устар. и обл. Болезнь, ведущая к истощению организма, иссушающая тело [14, IV, с. 312]. Напомним, что в «Словаре донских говоров Волгоградской области» зафиксировано значение: «СухОтка [сухотка], -и, мн. не употр., ж. 1. Инфекционная болезнь — чахотка, туберкулёз. Зем., Слщ. 2. Болезнь, заключающаяся в потере способности произвольных движений какой-л. частью тела; паралич [11, с. 579]. В говорах слово приобретает ассоциативно близкие значения, основанные на метонимии «причина – следствие» (1 значение) и сравнении «сухой – безжизненный» (2 значение), представляя собой, таким образом, семантический тип диалектизма (Какой казак — и ф сухотки мучаицца) [11].

Лексема *курьячка* в значении ‘бородавка’ (*Ня знаю, пычаму курьячки то пыявляюцца, то праходють*), по всей видимости, была образована от лексемы *курья* ‘грыжа’, которая упоминается в словаре Даля как бытующая в псковских и тверских говорах [6, II, с. 228]. Существительное *курья* родственно, как нам кажется, лексеме *курея*, зафиксированной в толковом словаре В.И. Даля как: ‘двуснастный; человек или животное уродливого образования, соединяющее в себе, более или менее, признаки обоих полов’ [6]. Сопоставив лексикографический материал, видим, что лексема *курьячка* в донских говорах наряду с особым словообразованием обрела и собственное значение. Отсюда следует, что тип этого диалектизма собственно лексический.

Существительное в форме мн. числа *заеды* ‘язвочки, трещинки в уголках рта’ встречается в СРНГ, где оно имеет следующие дефиницию: *За’еды* и *зае’ды*, мн. То же, что *заедни* (смотрим: *Заедни*, мн. Язвочки, трещинки в уголках рта, которые воспаляются и болят) Урал. [13, X, с. 76]. Следовательно, форма и семантика лексемы *заеды* не являются уникальными. Этот диалектизм бытует и в других русских говорах.

Сопоставив с системой литературного языка, считаем возможным определить слово, от которого образовалась интересующая нас лексема *заеды*. Вероятно, от глагола *заедать*, т.е. *заеды* – это то, что образуется, когда человек *заедает*, т.е. что-то закусывает ртом. Доказательством наших предположений может служить значение этого слова, бытующее в ставропольских и самарских говорах: ‘заболевание у

животных' [13, X, с. 76], скорее всего, речь идет о лошадях, закусывающих уздечку. Отсюда получаем тип диалектизма – лексико- словообразовательный.

Далее рассмотрим лексему *поганка* 'заразная венерическая болезнь — сифилис': *Вот, дагулялси, таперя паганкай хвараить* (пример взят из БТСДК) [1]. Она зафиксирована в МАС лишь в значении 'несъедобный гриб' [14, III, с. 165] и представляет собой дериват слова поганый, значение которого определяется в МАС как 'скверный, нечистый с религиозной точки зрения'. Так, уже во времена Ивана Грозного существовала некая *поганая болезнь*, лечение которой представляло собой принятие внутрь шариков ртути. Впоследствии *поганая болезнь* была определена учеными как *сифилис*. Таким образом, интересующая нас лексема *поганка* 'заразная венерическая болезнь' представляет семантический тип диалектизма, так как отличается от литературного эквивалента только семантикой.

Лексема *причинка* в значении 'столбняк' (*Иво причинка бьешь, лихаратка*) не зафиксирована в МАС в той же форме и с тем же значением, однако в БТСДК закреплены следующие дефиниции: 'болезнь столбняк; эпилепсия' [1]. У Макса Фасмера наблюдаем: *приИтка* «нечаянный случай, несчастье», также «болезненный припадок, истерия от наваждения, колдовства» (Даль, Мельников), первонач. «то, что приключилось» [15, III, с. 367]. Таким образом, можем проследить развитие значения лексемы *причинка*. Симптомы эпилепсии и столбняка схожи тем, что они проявляются резко и неожиданно. Это подтверждает идентификатор *приИтка* 'припадок'. Как видим, рассматриваемая нами лексема представляет собой собственно лексический тип диалектизма.

Лексема *жёлудь* 'сыпь на руках' являет собой интересный пример приобретения особого, уникального значения именно в донских говорах. В МАС и СРНГ лексема *жёлудь* со значением 'сыпь на руках' не зафиксирована. В МАС находим словарную статью «Шелудивый» и видим следующее значение: имеющий струпья, коросту на коже; паршивый [14, IV, с. 709]

По всей видимости, в данном случае произошло звуковое уподобление формы слов *шелудивый* и *жёлудь*. Такое смешение обусловлено исторически. М. Фасмер упоминает украинскую лексему *шёлуди* 'парша, чесотка, струпья' [15, IV, с. 425]. Итак, произошло смешение *шёлуди* – *жёлуди*, а в дальнейшем появилась форма ед. числа *жёлудь* (Када жолуть, тада руки дюжа балять) [11]. Тип диалектизма этого слова определяем как семантический, поскольку от литературного эквивалента современная диалектная единица отличается только значением.

Лексема *жевлак* (дон. 'шишка на теле или под кожей') зафиксирована также в СРНГ и имеет там следующую дефиницию: опухоль, шишка, желвак. Курск., 1858. Орл. Тул. Моск., Калуж. [13, IX, с. 97].

В МАС наблюдаем: «ЖЕЛІВА́К. Затвердение, опухоль в виде шишки на теле человека, животных.» [14, I, с. 475]. Как видим, в диалектной речи в рассматриваемом слове происходит явление метатезы, отсюда следует, что тип этого диалектизма фонематический. Материалы же СРНГ показывают, что форма с метатезой не является уникальной, а распространена широко в русских говорах как на юге, так и в среднерусских диалектах (Жывлак — шышка пат кожый типа жыравика, у атца жывлак был с кулак) [11].

Глотушина в значении 'ангина', безусловно, словообразовательно связана с общерусскими лексемами *глотать*, *глотка* и со следующими диалектными единицами: субстантиват *глочная* 'горловая болезнь, дифтерит, ангина, скарлатина' (ворон., курск, дон.), *глотница* 'скарлатина' (ряз.), *глочница* 'дифтерит' (ворон.) [11, VI, с. 203] (*Глотушина нарот падушыла*). Как видим из лексикографического материала, все

приведенные названия болезней так или иначе связаны с больным горлом, т.е. значение 'ангина' в донских говорах не является уникальным, можно говорить только о его конкретизации вследствие влияния современного медицинского термина. Носители диалектов современных больше знают слово ангина, нежели их предки 50–100 лет назад. Однако форма слова с суффиксом –ин(а)-, функционирующая в донских говорах является уникальной, не зафиксирована в других диалектах. Мы также можем предположить здесь влияние слова *ангина* на появление такого словообразовательного варианта: *глотушИНА* – как *ангИНА*. Поскольку рассматриваемая лексема отличается от литературных эквивалентов и словообразованием, и семантикой корня, мы определяем типа диалектного различия как собственно-лексический.

Лексема *мыт* 'диарея' встречается в СРНГ в значении 'понос, кровавый понос, дизентерия': «Наверно у Вани дизентерия, третий день его мыт моет» [13, XIX, с. 63]. У Даля же видим: 'понос, особенно у животных; болезнь молодых домашних животных в переходном возрасте' [6, II, с. 373]. В МАС находим близкую, как нам кажется, лексему *мытарство*: 'мучение, страдание' [14, II, с. 318]. Симптоматика рассматриваемого нами заболевания является ярко выраженной и неизменно приносит дискомфорт, вполне сопоставимый с некоей долей *страдания*. Мы также подразумеваем семантическое родство с лексемой *мыть*, которую В.И. Даль определяет, как: «МЫТЬ, мылить что-то, очищать водою, вообще чистить жидкостью; о белье, стирать и полоскать. Новг. безличн. слабить, проносить. Его моет, у него понос». (Скатина мытицца, дитё тожы, гаварять, слаткий сярун (Орл.). Слщ.) [11]. Рассматриваемая лексема родственна, как нам кажется, древнеиндийскому слову *mutram* 'моча' и авестинскому *mūṛgāt* 'нечистота, грязь' [15, III, с. 25] и представляет собой собственно лексический тип диалектизма.

Лексема *бешиха* (дон. 'опухоль с нарывом'), не встречающаяся ни в одном из академических и толковых словарей, по-видимому, является калькированным словом с последующим расширением значения, которое, по нашему мнению, основано на явлении метонимии. М. Фасмер упоминает *бешиха* как пришедшее из румынского *besica* «пузырь, прыщ» [15, I, с. 163], которое ранее было образовано от латинского *vesica* 'мочевой пузырь'. А.В. Миртов, изучая донские говоры, приходит к выводу о том, что *бешиха* представляет собой шишку, опухоль или пузырь [12, с. 20]. Как видим, 'прыщ' и 'опухоль с нарывом' являются семантически близкими значениями. Лексема *бешиха* реализует собственно лексический тип диалектного различия.

Лексема *чичер* в значении болезнь не встречается ни в одном из толковых словарей. Однако в Ярославском областном словаре находим лексему *чИчеры* 'болячки на голове' [16, X, с. 60]. Вслед за Т.В. Горячевой предполагаем, что это осложненное экспрессивным префиксом *чи-* слово *чир* 'чирей', которое в свою очередь претерпело изменения в процессе деэтимологизации и закрепилось как *чИчер*. [5]. М. Фасмер упоминает *чирей* как случайное созвучие с чагатайским *čig* «нарыв» и киргизским *čig* «гнилой», которые в свою очередь, как нам кажется, являются семантически близкими по значению. Лексема *чичер* реализует собственно лексический тип диалектного различия.

Лексема *щекотун* ('мелкие вкрапления в кожу первичного волосяного покрова') представлена лишь в словаре В.И. Даля как 'детская болезнь щетинка'. В работе Т.В. Пашковой «Детская болезнь «щетинка» в языке и культуре карел» подробно описываются симптомы данной болезни и поверья о ее появлении. Так, при образовании щетинки на теле ребенок становится беспокойным, постоянно ворочается, как будто чешет спинку. На всей территории карел лечение данной болезни происходило непосредственно в бане с помощью теста. Однако русское население

Карелии, в отличие от финского, производило магические действия с тестом и пеленанием ребенка [8, с. 82]. Обратимся к СДГВО: «У маво дитя щикатун был, дитё фсё выгнибаица, я павяла яво г бапки. Ана мякиш хлеба на спине катаить с малитвами, этим хлебом и выкатала яво». Действительно, и до настоящего времени дошли заговоры от данного заболевания. В «Большой книге заговоров» находим: «Свинье щетина колючая, волосина болючая, а моему дитятке покой. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь» [10, с.264]. Предполагаем, что данное название болезни появилось в результате наблюдения за больным: симптоматика *щекотуна* напоминает поведение человека, которого щекочут. Так, в толковом словаре В.И. Даля находим: «щекотать, вор. особое чувство раздраженья в теле, в коже, касаясь ее». Изучаемая нами лексема, таким образом, представляет собой собственно лексический тип диалектизма.

Лексема *васса* (дон. 'раздражение кожи') упоминается в «Русском этимологическом словаре» и описывается как: «ощущение болезненно-щекочущего раздражения кожи, вызывающее потребность чесать раздраженное место, зуд» [9, с. 109]. Изучаемая лексема ближе к этимону *восца* 'лишай на руках и ногах, вызывающий зуд' и восходит к прасл. *ob-сьса 'зуд, раздражение кожи' от *ob-сьсати, *сцать* [15, I, с. 357]. В русском языке *в* возник протетически, без данного звука встречаем лексемы *асса* 'кожное заболевание с волдырем', встречающаяся в псковских говорах, и смоленскую *асца* 'болезнь на коже животных и человека, с зудом и чесанием' [9, с. 109]. Лексема *васса* уникальна еще и с акцентологической точки зрения: наблюдаем постановку ударения на первый слог. Определяем тип диалектного различия как собственно лексический.

Проведенное многоаспектное исследование позволяет нам заключить, что донские лексемы волгоградского региона, называющие болезни, имеют разную функциональную нагрузку, типологию диалектных различий, историю появления в народной речи. Приведенные примеры отражают соотношение общерусского, общедиалектного и собственно диалектного в рамках исследуемой лексико-семантической группы. Если говорить о соотношении уникального и междиалектного в нашем материале, то следует отметить, что такие лексемы, как *щекотун*, *бешиха*, *глотушина*, *желудь*, *причинка*, *поганка*, *курьячка*, *сухотка* являются уникальными и встречаются только на территории донских говоров, тогда как *заеды*, *жевлак*, *мыт*, *чичер*, *васса* мы можем обнаружить в других субдиалектах современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18000 слов и устойчив. Сочетаний / Ростов гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с. (БТСДК)
2. Брысина Е.В., Кудряшова Р.И., Кузнецова Е.В. Волгоградская диалектологическая школа: традиции, современное состояние и научный потенциал // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серии «Педагогические науки», «Филологические науки», «Социально-экономические науки и искусство». № 8 (62). – Волгоград, 2011 – С. 124–128.
3. Брысина Е.В., Супрун В.И. Вклад профессора Р.И. Кудряшовой в изучение русской диалектологии // Известия Волгоградского государственного

педагогического университета. Серии «Педагогические науки», «Филологические науки», «Исторические науки и археология». №9-10 (113). – Волгоград, 2016. – С. 100–106

4. Вендина, Т. И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования), 2010 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2010. – С. 6–38

5. Горячева Т.В. К этимологии и семантике восточнославянских метеорологических и астрономических терминов. // Этимология. 1994–1996. М., 1997.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1–4.

7. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): монография / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.

8. Пашкова Татьяна Владимировна Детская болезнь «Щетинка» в языке и культуре карел // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №3 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detskaya-bolezn-schetinka-v-yazyke-i-kulture-karel> (дата обращения: 1.02.2019).

9. Русский этимологический словарь. Вып. 6 (вал I – вершок IV) / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 368 с.

10. Степанова Н.И. Большая книга заговоров. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 1216 с.

11. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. – Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с. (СДГВО)

12. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Изд.: б.и., 1929. – 223 с.

13. Словарь русских народных говоров /Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука, 1965 – 2016. Вып. 1 – 49. (СРНГ)

14. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. – Т.1–4. (МАС)

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 1–4.

16. Ярославский областной словарь: Учебное пособие. - Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1991. – 108 с.

A.V. Gritsaenko

NOMINATION OF DISEASES IN THE DON DIALECTS: UNIQUE AND INTERDIALECT

This article deals with the analysis of lexicon referring to the semantic field “Disease” used in Russian spoken dialects of Volgograd region. The material is analyzed in the structural-semantic, lingo-geographical, historical and etymological aspects.

Keywords: *Don’s dialects, disease, dialect, lexis, lexical and semantic group.*

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ УРБАНОНИМИИ ГОРОДА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается анализ неофициальных названий городских реалий, которые представляют особый именной пласт разговорной лексики, создаваемый горожанами вне официальной городской ономастики. Исследование проводится на базе крупного индустриального, культурного и туристского города Донецка.

Ключевые слова: неофициальная урбанонимия, городские реалии, ономастические реалии, словарь неофициальных урбанонимов города.

На протяжении многих лет не ослабевает исследовательский интерес к собственному имени, так как ономастические реалии представляют собой важнейший источник информации о речевой и духовной культуре города. Язык современного города, как составная часть культуры, – это сложный лингвистический, лингвосоциальный и лингвокультурный феномен, изучаемый в самых разных аспектах.

Актуальность темы исследования заключается в том, что вопрос изучения неофициальных городских наименований требует особого внимания потому, что в этом речевом пласте отражён не только «языковой облик» современного города, но и факты истории и культуры народа и др. [9]. Однако проблема состоит в том, что нет ни одного специального комплексного исследования, посвященного детальному изучению неофициальной урбанонимии города Донецка: нет определения неофициальных городских наименований, нет классификации, не выделены характерные свойства данной лексики.

Объектом исследования является неофициальная урбанонимия города Донецка.

Предметом исследования определены урбанонимы – собственные имена внутригородских топографических объектов, географические названия в пределах современного Донецка.

Донецкая урбанонимия рассматривается как сложившаяся в основных своих чертах топонимическая система, которая включает в себя как русские, украинские, так и адаптированные иноязычные топоосновы.

Цель работы – разработать принципы словарной статьи для словаря неофициальных урбанонимов города Донецка.

В соответствии с этой целью необходимо решить следующие исследовательские **задачи:**

1. Уточнить содержание терминов «урбаноним», «неофициальный урбаноним»;
2. Рассмотреть неофициальную урбанонимию современного города, а также представить способ лексикографирования анализируемых ономастических единиц.

Вопросами топонимики и урбанонимии учёные занимались с давних пор. Проблемы урбанонимии рассматривались в работах В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Г.П. Смолицкой, Э.М. Мурзаева, В.А. Жучкевича, Б.А. Серебренникова и др. Изданы словари: «Региональный словарь сленга» Т. Никитиной, Е. Рогалёвой (Псков и Псковская область), «Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова (Омск), «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» Л. А. Климковой, «Словарь Петербуржца» Н. А.

Синдаловского (Санкт-Петербург), словарь «Регионализмы г. Екатеринбурга» Поповой Т. В. и др. [9].

А.М. Мезенко понимает под урбанонимией «совокупность всех названий внутригородских объектов, как ныне существующих, так и использовавшихся в предшествующие эпохи [5, с. 52].

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, среди неофициальных наименований выделяем следующие группы:

1. Агороним (название городской площади; рынка): Овощная база, Гвардейка, Червоногвардейка, Калининский, Мясокомбинат.

2. Годоним (название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной): Привольный, Лабутенко, Зелёный гай, Голубой.

3. Ойкодомоним (имя собственное здания): Трампарковый, Офицерский Анклав посёлка Октябрьский, Ларинка, Трест.

4. Хороним (собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка): Железнодорожный квартал, Ничейная земля, Больничный городок, Макаронка, Фильтровый, Красный фронт, Птичья Балка, Аэропорт, Соцгородок, Таймырка, Троллейбусный парк, Стройдеталь, Красный пахарь.

5. Экклезионим (собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря): Щегловка, Будёновка, Щетинка, Лесная, Григорьевка.

В работе Н. В. Подольской все термины изложены в системе, основанной на иерархии именуемых объектов, с большим количеством пояснений и примеров. Ко многим терминам даны иноязычные эквиваленты. Проведена классификация и систематизация терминов.

Следует отметить, что по мнению В. И. Супруна, при любом подходе к созданию терминологического словаря словник должен быть составлен с учётом разработок Н. В. Подольской, другое изложение материала внесёт неразбериху в ономастическую терминологию. Только бережное отношение к этому известному во всём мире справочнику обеспечит преемственность в развитии науки [9, с. 132].

Е.С. Отин в «Происхождении географических названий Донбасса» выделяет такую структуру словарной статьи:

1. слово с ударением;
2. подробное пояснение-описание;
3. образование.

Абаку'мова. Неофициальное название одного из концов Донецка (на северо-западе Кировского р-на). Здесь находится посёлок им. Е.Т. Абакумова, названный так в честь управляющего Рутченского шахтоуправления, бывшего коногона, выдвинутого в 20-е годы прошлого века на руководящую работу. Прежнее название посёлка (до 1958 года) – «Гинант», вероятно, по одноименной шахте, находившейся на его территории [6, с. 9].

Е.Н. Клименко в работе «Неофициальная ономастика современного города (на примере города Екатеринбургa)» приводит следующую модель словарной статьи:

1. слово с ударением;
2. морфологические особенности (род, число, падеж);
3. значение;
4. контекст.

МУ'ХА, -и, ж. Маленький пруд, расположенный на окраине небольшого парка на Вторчермете, в районе улиц Ферганской и Аптекарской. В 50-х годах в Мухе даже купались и ловили рыбу. [3 с. 9].

Заметим, что исследовательница рассматривает тематические классы тех реалий города, из названий которых, на наш взгляд, может состоять языковой пласт народных городских наименований Екатеринбурга [3].

Таким образом, важной особенностью городских названий является их способность схватывать культурные, социальные, экономические и прочие характерные черты эпохи.

Здесь имеет место «наложение на некую картину мира определённого типа мировосприятия», культурных установок личности, позволяющих соединить разные языковые подсистемы в речи одного говорящего.

Об особенностях функционирования урбанонимов в Донцке свидетельствуют следующие языковые и внеязыковые факторы: экспансия заимствованной лексики, искажение графического облика номинации, внесение несвойственных ей знаков, использование средств креолизации, десемантизация устойчивых языковых структур, лингвистических конструкций, присутствие языковой игры, использование средств языковой выразительности, использование прецедентных имён, актуализация регионального компонента.

Анализируя неофициальную ономастику современного города, можно с уверенностью сказать, что ономастические реалии – это особая знаковая подсистема, динамично реализующаяся в различных лингвоэстетических и лингвостилистических подсистемах.

Предлагаем следующую структуру словарной статьи для словаря неофициальных урбанонимов города:

1. обязательные компоненты:

- слово,
- ударение
- грамматические характеристики (род, число, падеж),
- статус (официальный или неофициальный тип).

2) необязательные компоненты:

- история возникновения,
- коннотонимия
- контекст.

1. Кали'новка –и, ж. Южная часть Калининского района. В 1930-е годы Рыковка вначале переименовалась в Калининку, однако название быстро трансформировалось в Калиновку, в честь российского революционера, советского государственного и партийного деятеля М.И. Калинина.

2. Ла'ринка –и, ж. Часть Ленинского района, название возникло от рудника «Ларинский» в конце 19 века, назван в честь семейства Лариных (Гаврилы, Степана и Ивана), которые владели землями в этом районе в 1870-х годах.

3. Ма'словка –и, ж. Часть Ленинского района, в 1779 году называлась Екатериновкой в честь Екатерины Алексеевны Маслянниковой, которая основала здесь поселение Екатериновка, затем в честь ее же фамилии название трансформировалось в Масловку.

4. Пути'ловка –и, ж. Часть Киевского район, поселок, возникший благодаря появлению завода "Русского общества". Завод сразу стал известен как "Путиловский" (по родству с главным предприятием "Русского общества" в Петрограде), а поселок,

построенный для его персонала, тут же получил название Путиловки. В 1926 году был включен в черту города, став его безнадежной северной окраиной.

5. 12/18 – числ. Часть Пролетарского района, название появилось в честь шахты 12/18, открытой 5 сентября 1931 года, часть Чулковского рудника.

6. Фибра́лки (Февра́лки) – ек. Поселок в Буденновском районе, название возникло от слова «фибра». Поселок начали строить после Великой Отечественной Войны. Стены домов состояли из деревянного бруса, установленного вертикально. Заполнением между ним служила глина с древесными опилками и соломой. Так называемая «фибра».

7. Грабари́ - ей. Поселок в Киевском районе, в начале состоял из бараков, в которых проживали рабочие люди, выполняющие самую тяжелую работу, их называли – грабарями, отсюда и пошло название.

8. Люби́мовка - и, ж. Поселок в Ленинском районе, название осталось от названия деревни Любимовка, возникшей еще при императрице Екатерине как одно из любимых мест прогулок, когда она проезжала мимо.

9. Со́кол –а, м. Жилой и торговый сектор в Ворошиловском районе, название осталось от рынка «Сокол», который был популярен в 90-е годы, в 2010-х был снесен.

10. Мона́хи – нулевое окончание. Поселок в Буденновском районе, название произошло от того, что он находился обособленно и люди обозвали его отшельником-монахом.

11. Пожарка –и, ж. Территория в Ворошиловском районе, название получила от ее бывшего названия – Пожарная площадь, названной так в честь того, что там располагалась пожарная часть.

Таким образом, анализируя неофициальную ономастику современного города, можно с уверенностью сказать, что ономастические реалии – это особая знаковая подсистема, динамично реализующаяся в различных лингвоэстетических и лингвостилистических подсистемах. Основным параметром этой подсистемы является зависимость от социокультурных обстоятельств. Неофициальные онимы – это целиком и полностью коннотативная лексика, содержащая дополнительные экспрессивные, стилистические, оценочные характеристики семантики слова. Здесь имеет место «наложение на некую картину мира определённого типа мировосприятия» [4, с. 8], культурных установок личности, позволяющих соединить разные языковые подсистемы в речи одного говорящего. Онимическая единица отражает речевые особенности языкового коллектива города, являя собой элемент неформального речевого творчества горожан.

Перспективы исследования состоят в составлении полного словаря неофициальных урбанонимов города Донецка в диахронном и синхронном освещении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев И.А. Естественная и искусственная номинация в территориальной топонимической системе [Текст] / Воробьев И.А. // Исторические названия памятники культуры: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. – М., 1989. – С. 16–17.
2. Горбаневский М.В. Методические указания по изучению русской ономастики [Текст] / Горбаневский М.В. – М.: Издательство УДН, 1984. 47 с.
3. Клименко Е.Н. Неофициальная ономастика современного города (на примере города Екатеринбург) // Научные ведомости: Сб. науч. тр. – Урал, 2011. –Выпуск № 6. – с. 5-12

4. Красильникова Е. В. Язык и культура // Языковой облик уральского города: Сб. науч. тр. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1990. – С. 4 – 8.
5. Мезенко А.М. Из истории переименования улиц городов Беларуси /Исторические названия: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. – М., 1989. – С. 52-53
6. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978.–200 с.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного: [учебное пособие] [Текст] / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
9. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией. — Волгоград: Известия Волгоградского педагогического университета, 2011. — Т. 62. №8. — С. 133—138
10. Шишкина Т. А. Интерпретационный потенциал номинативной модели // Материалы Второй научной конференции. – Новосибирск, 2001. – С. 42.

A.E. Zhukov

PRINCIPLES OF DESCRIBING THE INFORMAL URBANISM OF THE CITY: THE LEXICOGRAPHIC ASPECT

The article considers the analysis of the informal names of urban realities, which represent a special nominal layer of colloquial vocabulary created by citizens outside the official urban onomastics. The study is conducted on the basis of a large industrial, cultural and tourist city of Donetsk.

Key words: *unofficial urbanonymy, urban realities, onomastic realities, dictionary of unofficial urbanonymyms of the city.*

УДК 81'373

Е. А. Дмитрова

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. канд филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГОДОНИМОВ БУДЕННОВСКОГО РАЙОНА ГОРОДА ДОНЕЦКА

В статье представлена структурно-типологическая классификация годонимов Буденновского района города Донецка, проанализирована продуктивность основных словообразовательных типов. Выявлены наиболее распространенные модели наименований линейных объектов.

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, годоним, улица, структурный тип.*

Комплексное изучение урбанонимов как неотъемлемого компонента языкового ландшафта города относится к числу актуальных проблем как лингвистического краеведения в целом, так и региональной ономастики в частности.

Урбанонимика (от лат. *urbanus* 'городской'), представляющая собой раздел топонимики, как известно, занимается изучением собственного имени любого внутригородского топографического объекта, в том числе годонима, агоронима,

хоронима, экклезионима, ойкодомонима [7, с. 139]. В свою очередь годоним (гр. 'путь, дорога, улица, русло' + *оним*), рассматриваемый как вид урбанонима, представляет собой «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [7, с. 174].

В работе следом за Н. В. Подольской, Т. В. Шмелёвой, А. Ю. Асановым, Ю. Г. Пушкарёвой и др. под годонимом понимаем вид урбанонима, т. е. годоним — это имя улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной, в то время как агороним — это имя площади [6; 7; 10; 1; 8 и др.]. По словам А. В. Суперанской, «названия улиц, площадей, зданий и иных внутригородских объектов составляют своеобразную и очень сложную систему» [9, с. 176].

Годонимы как разновидность топонимов выполняют следующие функции: 1) адресную (номинативную); 2) дескриптивную (описательную); 3) идеологическую [5, с. 62]. А. М. Мезенко в монографии «Урбанонимия Белоруссии» обращает внимание на коммуникативную роль годонима, которая, по мнению исследователя, заключается в выполнении следующих функций: 1) функции хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры; 2) функции воспроизведения; 3) функции сообщения; 4) функции обобщения информации; 5) оценочной функции; 6) отсылочной функции [4]. При этом, как отмечает Л. В. Егорова, важнейшим условием осуществления топонимических исследований является структурно-типологическая классификация [2, с. 231].

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы определить и проанализировать структурные типы годонимов Буденновского района города Донецка, а также установить модели образования годонимов и выявить степень их продуктивности.

Объектом исследования выступает структура рассматриваемых годонимов Буденновского района города Донецка, в то время как **предмет анализа** составляют морфемные и словообразовательные особенности названных годонимов, продуктивность моделей, по которым они образуются.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований улиц Буденновского района города Донецка, а также при подборе фактического материала использовались справочники и карты города. **Авторская картотека** включает 231 годоним, при этом на территории Буденновского района реализуются годонимы с такими классификаторами, как *улица* (226 единиц) и *переулок* (5 единиц). На территории Буденновского района также представлен такой агороним, т. е. имя площади, как *пл. Буденного*.

При рассмотрении структурных параметров годонимов Буденновского района города Донецка мы опираемся на классификацию Н. Ю. Забелина [3] и Л. В. Егоровой [3].

Как свидетельствует анализ, среди годонимов Буденновского района города Донецка в первую очередь можно выделить следующие структурные типы:

1. Однословные годонимы, которые наиболее многочисленны (211 единиц, или 91,3 %). Например: ул. *Абрикосовая*, ул. *Автомобилистов*, ул. *Баженова*, ул. *Баратынского*, ул. *Водителей*, ул. *Довженко*, пер. *Поленова* и др. Понятно, что по отношению к годонимам использование таких терминов, как *односоставный/однословный* условно, поскольку в состав годонима в обязательном порядке входят такие термины-классификаторы, как *улица*, *переулок*, *проспект* и под.

2. Двухсловные годонимы (18 единиц, или 7,8 %): ул. *10-го Февраля*, ул. *XIX Партсъезда*, ул. *Академика Губкина*, ул. *Андрея Малышко*, ул. *Георгия Димитрова*, ул. *Диктатуры Пролетариата*, ул. *Заветы Ильича*, ул. *Карла Либкнехта*, ул. *Красный Коммунар*, ул. *Майора Мицулы*, ул. *Немировича-Данченко*, ул. *Новикова-Прибоя*, ул.

Новый Шахтер, ул. *Парижской Коммуны*, ул. *Римского-Корсакова*, ул. *Светлого Пути*, ул. *Татьяны Соломахи*, ул. *Эжена Потье*.

3. Трёхсловные годонимы (2 единицы, или 0,9 %): ул. *40 лет Октября*, ул. *230-й Стрелковой Дивизии*. К этому типу композитных годонимов в нашем материале относится название улицы *230-й Гвардейской Дивизии*, одним из компонентов которого является порядковое числительное, а два других — это относительное имя прилагательное и имя существительное в форме Р. п. ед. числа. В целом же данный годоним образован на базе номинации одной из дивизий, освобождавших города Донбасса от фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Что касается трёхсловного годонима ул. *40 лет Октября*, выполняющего мемориальную и идеологическую функции, то структурно он представляет собой сочетание количественного числительного и двух существительных в форме Р. п. мн. и ед. числа. При этом в состав годонима ул. *40 лет Октября* входит хрононим *Октябрь* как имя собственное исторически важного временного отрезка (ср. представленное в нашем материале название ул. *Октября*).

Систематизация фактического материала свидетельствует о том, что двухсоставные названия отличаются большим разнообразием моделей:

1. «Существительное в форме Р. п. ед. или мн. числа + существительное Р. п. ед. или мн. числа»:

а) первый компонент — официальное мужское личное имя в форме Р. п. ед. числа, а второй компонент — мужская фамилия в форме Р. п. ед. числа (ул. *Андрея Малышко*, ул. *Георгия Димитрова*, ул. *Карла Либкнехта*, ул. *Эжена Потье*);

б) первый компонент — женское личное имя в форме Р. п. ед. числа, а второй компонент — женская фамилия в форме Р. п. ед. числа (ул. *Татьяны Соломахи*);

в) двойная мужская фамилия в форме Р. п. ед. числа (ул. *Немировича-Данченко*, ул. *Новикова-Прибоя*, ул. *Римского-Корсакова*);

г) первый компонент указывает на звание, а второй компонент называет фамилию лица, в честь которого названа улица (ул. *Академика Губкина*, ул. *Майора Мишулы*);

д) первый и второй компоненты представляют собой абстрактные существительные в форме Р. п. ед. числа (ул. *Диктатуры Пролетариата*);

е) первый компонент представляет собой абстрактное существительное в форме Р. п. мн. числа, а второй — имя собственное в форме Р. п. ед. числа (ул. *Заветы Ильича*).

2. «Прилагательное в форме Р. п. ед. или мн. числа + существительное в форме Р. п. ед. или мн. числа»:

а) первый компонент — относительное или качественное прилагательное в форме И. п. м. рода, а второй компонент — номинация лица в форме И. п. м. рода ед. числа (ул. *Красный Коммунар*, ул. *Новый Шахтёр*);

б) первый компонент — относительное прилагательное в форме Р. п. ж. рода, а второй компонент — существительное как обозначение коллектива людей в форме Р. п. ед. числа (ул. *Парижской Коммуны*);

в) первый компонент — относительное прилагательное в форме Р. п. м. рода, а второй компонент — абстрактное существительное в форме Р. п. м. рода ед. числа (ул. *Светлого Пути*).

3. «Числительное в форме Р. п. ед. + существительное Р. п. ед.»: ул. *10-го Февраля*, ул. *XIX Партсъезда*. При этом названия типа ул. *10-го Февраля*, ул. *XIX Партсъезда* восходят к соответствующим хрононимам как к номинациям исторически важных событий.

Особого внимания среди рассматриваемых двухсловных номинаций заслуживает годоним ул. *Парижской Коммуны*. Отметим, что улицы с таким названием есть во многих городах бывшего Советского Союза. В различных источниках отмечается, что своё название такие улицы получили в честь Парижской коммуны (фр. *Commune de Paris*) — революционного правительства Парижа во время событий 1871 года, когда вскоре после заключения перемирия с Пруссией во время Франко-прусской войны в Париже начались волнения, вылившиеся в революцию и установление самоуправления, длившегося 72 дня (с 18 марта по 28 мая).

Тот факт, что среди наименований улиц Буденновского района города Донецка значительно преобладают однословные годонимы, является проявлением такой универсальной тенденции номинации, как экономия языковых средств. Другими словами, носители языка в процессе коммуникации стремятся к тому, чтобы как можно более лаконично передать информацию.

В числе рассматриваемых однословных годонимов реализованы как годонимы, образованные на базе имён собственных (ул. *Антропова*, ул. *Баратынского*, ул. *Бессарабская*, ул. *Енисейская*, ул. *Иркутская*, ул. *Покофьева* и др.), так и отапеллятивные годонимы (ул. *Абрикосовая*, ул. *Антрацитная*, ул. *Арктики*, ул. *Благодатная*, ул. *Вековая*, ул. *Водителей*, ул. *Земледельческая*, ул. *Отчизны*, ул. *Танкерная*, ул. *Угольщиков* и др.).

Однословные годонимы Буденновского района города Донецка представлены двумя основными разновидностями:

1. Адъективные однословные годонимы, состоящие из имени прилагательного в сочетании с номенклатурным термином (118 единиц, или 51,1 %, от общего числа анализируемых годонимов и 55,9 % от числа однословных годонимов):

а) адъективная модель с суффиксами *-ск-*, *-овск-*, *-к-*: ул. *Августовская*, ул. *Ангарская*, ул. *Бессарабская*, ул. *Владивостокская*, ул. *Вологодская*, ул. *Горностаевская*, ул. *Енисейская*, ул. *Заводская*, ул. *Пролетарская* и др.;

б) адъективная модель с флексией *-ая*, в рамках которой годонимы образуются от топонимов или апеллятивов, уже содержащих в своей структуре суффикс *-ск-*: ул. *Бобруйская*, ул. *Верхнекурганская*, ул. *Красноуфимская*, ул. *Соликамская*, ул. *Сестрорецкая*, ул. *Героическая*, ул. *Динамическая* и др.;

в) адъективная модель с суффиксами *-н/-енн-*: ул. *Авангардная*, ул. *Антрацитная*, ул. *Благодатная*, ул. *Благоустроенная*, ул. *Высокогорная*, ул. *Генераторная*, ул. *Заперевальная*, ул. *Линейная*, ул. *Мельничная*, ул. *Миражная*, ул. *Пасечная* и др.;

г) адъективная модель с суффиксами *-ов-/-ев-*: ул. *Абрикосовая*, ул. *Буровая*, ул. *Вековая*, ул. *Лавровая*, ул. *Меловая*, ул. *Полевая*, ул. *Тополевая*;

д) первообразная адъективная модель: ул. *Глубокая*, ул. *Рабочая*.

2. Субстантивные однословные годонимы, включающие имя существительное (оним или апеллятив) в сочетании с номенклатурным термином (93 единицы, или 40,3 %, от общего числа анализируемых годонимов и 44,1 % от числа однословных годонимов):

а) субстантивная мемориальная генитивная модель: ул. *Александрова*, ул. *Антропова*, ул. *Баратынского*, ул. *Барбюса*, ул. *Глинки*, ул. *Даля*, ул. *Засулич*, ул. *Искры*, ул. *Кравченко*, ул. *Пашковой* и др.;

б) субстантивная генитивная модель: ул. *Автомобилистов*, ул. *Арктики*, ул. *Большевиков*, ул. *Водителей*, ул. *Волховстроя*, ул. *Горняков*, ул. *Донэнерго*, ул. *Индустрии*, ул. *Крепильщиков*, ул. *Лейтенантов*, ул. *Независимости*, ул. *Октября*, ул. *Отважных*, ул. *Отчизны*, ул. *Просвещения*, ул. *Пятилеток*, ул. *Ракетчиков*,

ул. Сталеваров, ул. Строителей, ул. Тружеников, ул. Угольщиков, ул. Южэнерго-строя.

Осуществить более детальную классификацию структурно-семантических типов адъективных и субстантивных однословных годонимов Буденновского района города Донецка — следующая задача нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : Дисс. ... канд. филол. наук / Алексей Юрьевич Асанов. — Тамбов, 2014. — 185 с.
2. Егорова Л. В. Структурные типы годонимов Чувашской Республики / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. — 2012. — № 4. — С. 231–235.
3. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Забелин. — М., 2007. — 23 с.
4. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. — Минск : Университетское изд-во, 1991. — 167 с.
5. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. — 2-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2011. — 184 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М. : Наука, 1978. — 198 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
8. Пушкарева Ю. Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 116–121.
9. Суперанская А. В. Что такое топонимика / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1985. — 176 с.
10. Шмелёва Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. — Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. — 137 с.

E. A. Dmitrova

STRUCTURAL AND SEMANTIC CLASSIFICATION OF GODONYMS OF BUDENNOVSKY DISTRICT OF DONETSK

The article puts up the structural and semantic classification of the Budennovsky district of Donetsk godonyms. The productivity of basic world-building types had been analyzed. The most frequency models of street names had been established.

Keywords: toponym, urbanonym, godonym, structural type, street.

**ПРИМЕНЕНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ КУЛИНАРНЫХ
РЕЦЕПТОВ)**

Применение аутентичных текстов в качестве учебного материала на занятиях по русскому языку как иностранному помогает учащимся погрузиться в естественную языковую среду и способствует формированию у них культурной компетенции. Предлагаются задания и вопросы для организации предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работы с кулинарным рецептом.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; аутентичные тексты; коммуникативные навыки; креолизованный текст

При изучении русского языка как иностранного представляется важным развивать не только коммуникативную, но и культурную компетенцию, для чего целесообразно в процессе обучения обращаться к аутентичным текстам, создаваемым носителями языка для других носителей языка не с учебной целью. Такие тексты позволяют погрузить учащихся в естественную речевую среду и помогают им ознакомиться с культурой страны изучаемого языка, демонстрируют привычное носителям языка функционирование языковых единиц. Говоря об аутентичных текстах, исследователи Е.В. Носонович, Р.П. Мильруд вводят понятие *дискурсивной аутентичности текста*: «Дискурсивная аутентичность текста предполагает его связь с аутентичной прагматической ситуацией, определяющей его связность, выбор языковых средств для решения задачи общения, структурные особенности, возможности интерпретации. Дискурсивно аутентичный текст характеризуется естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью используемых языковых средств, иллюстрирует случаи аутентичного словоупотребления» [5, с. 18].

Дискурсивной аутентичностью обладают тексты кулинарных рецептов, фиксирующие элементы важной сферы жизни народа. Рецепты национальной кухни и лексика со значением приготовления пищи несут в себе культурные особенности народа, следы его исторического развития, отражают ценности, традиции и обычаи. Не случайно многие люди знакомство с культурой другой страны или народа начинают именно с национальной кухни. Е.В. Беленко указывает на важность данной сферы: «Продукты питания – это один из древнейших пластов материальной культуры и быта, представляющий собой исторически первую сферу возникновения и существования культурных ценностей, человек оперирует этим понятием ежедневно, поскольку продукты питания являются первоосновой физического существования» [1, с. 5-6].

Полагаем, что использование кулинарных рецептов в качестве материала для работы на занятиях по русскому языку как иностранному будет способствовать развитию как языковой и коммуникативной, так и культурной компетенции учащихся, созданию у них представлений о русской культуре. На наш взгляд, важно сформировать у учащихся представление о России как многонациональной, поликультурной стране, поэтому мы рекомендуем не игнорировать культуры других народов, особенно если обучение русскому языку как иностранному осуществляется в

региональном вузе. Работа с текстами рецептов позволяет осуществить знакомство с особенностями этнических культур народов России, провести сравнительный анализ разных культур, обсудить традиции разных народов.

В связи с чем одной из задач дальнейшего исследования является разработка на материале лексики со значением приготовления пищи комплекса заданий и упражнений для обучения русскому языку как иностранному учащихся разных уровней.

Указанный материал полезен тем, что в текстах рецептов присутствуют глаголы, входящие в активный лексикон. Данные тексты дают возможность закрепить грамматические правила глагольного управления, сочетаемости слов, расширить лексический запас учащихся. Кроме того, в процессе работы с текстами рецептов происходит знакомство с особенностями этнических культур народов России, сравнительный анализ разных культур, обсуждение традиций разных народов, что способствует формированию как коммуникативных навыков, так и культурной компетенции.

В настоящее время нами разрабатываются упражнения для работы с разнообразным материалом: лексикой, словосочетаниями, идиомами, текстами художественных произведений, публицистическими текстами, содержащими лексику со значением приготовления пищи. Предполагается разработать упражнения, направленные на формирование всех коммуникативных навыков (чтение, письмо, говорение, аудирование) для учащихся разных уровней. В качестве примера ниже приводится описание работы со студентами с привлечением аутентичных текстов. Одним из примеров таких текстов являются кулинарные рецепты, которые можно активно использовать уже на начальных этапах обучения. Для работы со студентами разных уровней мы предлагаем задания и упражнения, разработанные на материале рецептов русской кухни и кухни других народов России. На наш взгляд, важно сформировать у учащихся представление о России как многонациональной, поликультурной стране, поэтому мы рекомендуем не игнорировать культуры других народов, особенно если обучение русскому языку как иностранному осуществляется в региональном вузе.

В процессе учебной деятельности целесообразно привлекать тексты рецептов, размещенные на популярных сайтах (www.russianfood.com, www.povarenok.ru и др.), сопровождающиеся иллюстрациями и подробным описанием, а также видеорецепты, выложенные на видеохостинге «Youtube», в социальных сетях и др. Соединение в рецепте вербальных и невербальных элементов делает его креолизированным текстом, использование таких текстов на занятиях способствует формированию интереса у учащихся и эффективному усвоению ими языкового материала. Иллюстрированные рецепты позволяют провести интересный вид учебной работы: можно сначала предъявить изображение и предложить описать ингредиенты или действия с продуктами, а потом показать соответствующий текстовый фрагмент рецепта. Данное задание помогает повторить ранее изученную лексику и узнать новые слова.

Тексты кулинарных рецептов можно использовать в качестве дидактического материала для учащихся любого уровня, например, при работе с учащимися уровня А1 можно предъявить им рецепт в виде инфографики с минимумом лексики и текста, например, рецепт салата «Сельдь под шубой», размещенный на сайте «РИА Новости» [2], см. Рисунок 1. Изучение учащимися изображений основных ингредиентов салата с подписями позволит выучить названия продуктов питания, инструментов и посуды, типичных для русской кухни.

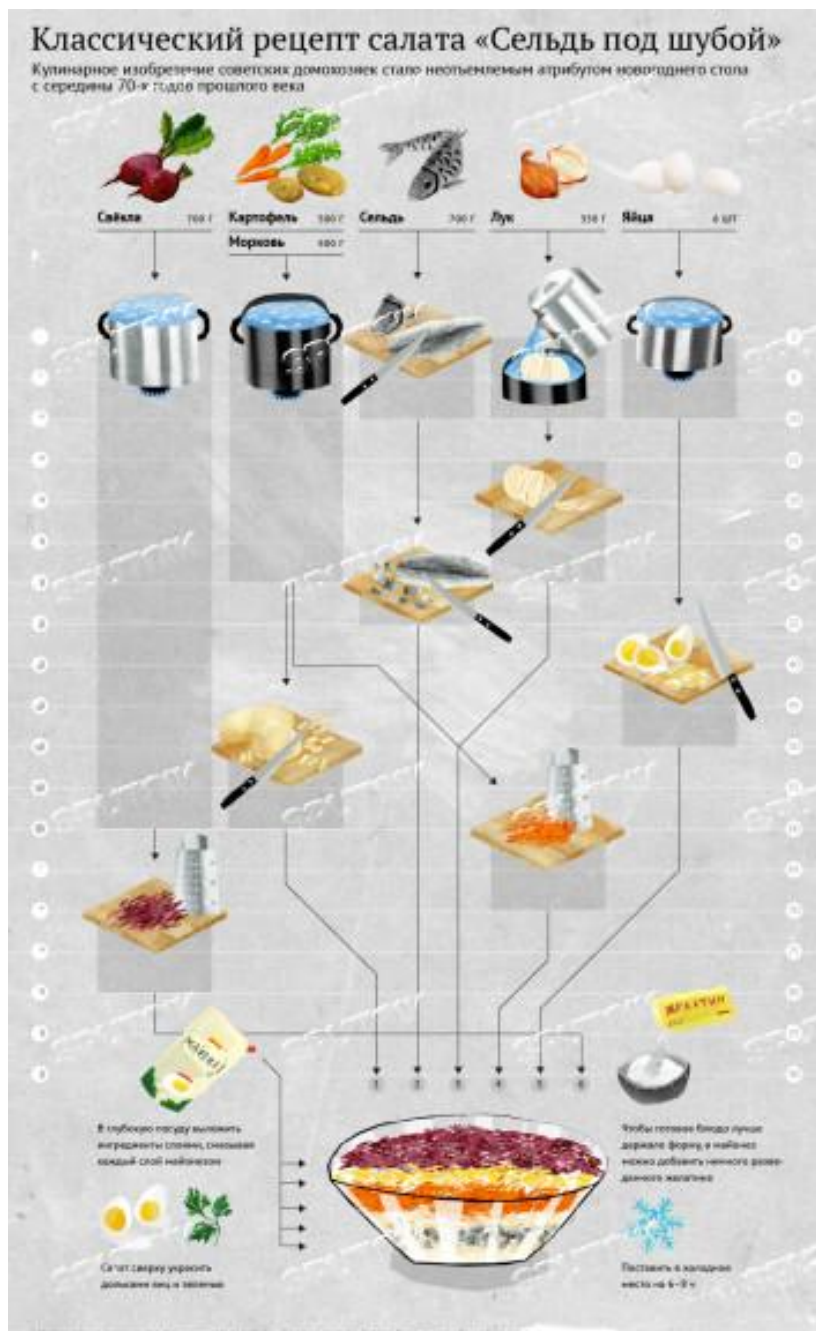

Рисунок 1. Инфографика рецепта салата «Сельдь под шубой» (изображение с сайта «РИА Новости» [2])

Учащимся уровня А2 и В1 можно предъявить более сложный текст рецепта этого же блюда [3] и провести на его материале предтекстовую, притекстовую и послетекстовую работу.

Предтекстовая работа с кулинарным рецептом предполагает проведение опроса, на данном этапе можно побеседовать с учащимися о национальных традициях празднования каких-либо событий, в данном случае, встречи Нового года, предлагая им ответить на вопросы, например,

- Знакомы ли вы с русской кухней?

- *Какие блюда русской кухни вы уже пробовали?*
- *Приходилось ли вам пробовать в России блюдо, похожее на блюдо вашей национальной кухни?*
- *Умеете ли вы готовить?*
- *Приходилось ли вам готовить какое-либо блюдо русской кухни?*
- *Любите ли вы салаты?*
- *Какие салаты обычно готовят в вашей стране?*
- *Знакомы ли вы с традициями встречи Нового года в России?*
- *Какие блюда ставят на праздничный стол в России?*

Содержание предтекстовой работы зависит от изученной лексики и рассмотренных ранее тем, так она может отсылать к темам «Праздники», «Здоровый образ жизни», «Профессии», «Еда» и т.д. При необходимости к тексту рецепта следует приложить лингвокультурологический комментарий о традициях народа, связанных с встречей Нового года, об особенностях русской национальной кухни, об истории появления блюда, о приспособлениях и посуде, с помощью которых готовится блюдо (*плита, кастрюля, салатник*), о продуктах и приправах, используемых при готовке, способе приготовления блюда и т.д.

Для **притекстовой работы** предлагаются упражнения, составленные с учетом уровня подготовки учащихся, например:

1. Подберите слово к изображению (учащимся предлагаются в произвольном порядке карточки двух видов: на одних написаны названия продуктов питания, посуды, приборов, на других приводятся соответствующие изображения; учащимся следует распределить карточки по парам).

2. Заполните пропуски, выбирая нужное окончание: *кроме сельд..., свёкл... и картофел...; отварить свёкл..., картофел... и морков....*

3. От каких глаголов образованы слова *маринованный, подготовленные*? С помощью каких суффиксов?

Послетекстовая работа с кулинарным рецептом может включать сравнительный анализ рассматриваемого блюда и похожего блюда из национальной кухни студента.

В качестве письменной работы можно предложить учащимся написать рецепт блюда с инфографики в виде текста с глаголами в форме повелительного наклонения, в форме третьего лица множественного числа, используя страдательные конструкции – в зависимости от уровня учащихся и изученных ранее грамматических тем.

Интересным и полезным видом работы может сравнительный анализ описания процесса приготовления блюда в научном тексте, например, учебнике [4], и на странице блога или социальной сети. Подобное задание способствует усвоению стилистических особенностей русского литературного языка, расширению лексического запаса, развитию коммуникативных навыков чтения, письма и говорения.

Важную роль играет привлечение для занятий с учащимися текстов рецептов национальной кухни разных народов Российской Федерации, что будет способствовать формированию представления о России как о многонациональной, поликультурной стране. Примеры рецептов можно выбирать в зависимости от региона, в котором осуществляется обучение, или от особенностей самих учащихся: для организации эффективного обучения полезным станет знакомство иностранных студентов с национальной культурой, имеющей значительное сходство с культурой их страны.

Рассмотрим задания, которые можно предложить учащимся, разработанные на материале рецепта блюда татарской кухни «Перемячи с мясом» [6].

Предтекстовая работа с кулинарным рецептом предполагает проведение опроса:

- Умеете ли вы готовить?
- Любите ли вы выпечку?
- Есть ли в вашей культуре блюда из теста с мясом?
- Приходилось ли вам пробовать в России блюдо, похожее на блюдо вашей национальной кухни?
- Знакомы ли вы с татарской культурой?
- Где живут татары?
- Что вы знаете о татарских традициях?
- Знакомы ли вы с татарской кухней?
- Какие татарские блюда вы уже пробовали?
- Приходилось ли вам готовить какое-либо блюдо татарской кухни?

Лингвокультурологический комментарий к тексту рецепта содержит информацию о традициях народа, об особенностях его национальной кухни, об истории появления блюда, о приспособлениях и посуде, с помощью которых готовится блюдо (*тандыр, казан, мангал, шампур, утятница*), о продуктах и приправах, используемых при готовке, способе приготовления блюда и т.д.

В рамках **притекстовой работы** можно сначала предъявить изображение (см. Рисунок 2, Рисунок 3) и предложить описать ингредиенты или описываемые действия с продуктами, а потом показать соответствующий текстовый фрагмент рецепта, что будет способствовать закреплению навыка владения лексикой.

Рисунок 2. Фрагмент рецепта «Перемячи с мясом» (изображение с сайта www.russianfood.com [])

Рисунок 3. Фрагмент рецепта «Перемячи с мясом» (изображение с сайта www.russianfood.com [1])

Также к текстам рецептов предлагаются следующие упражнения:

1. Выпишите из текста незнакомые слова и определите их значение по словарю.
2. Найдите в тексте глаголы. Определите, в форме какого падежа употребляется существительные при этих глаголах.
3. От каких слов образованы глаголы *замесить*, *подогреть*, *подсыпать*, *вбить*, *просеять*, *очистить*, *поджарить*, *разогреть*? С помощью каких приставок?
4. Заполните пропуски, выбирая нужное окончание: *края тест... приподнимаем вверх, готовый перемяч разравниваем пальц...*

Послетекстовая работа с кулинарным рецептом может включать сравнительный анализ рассматриваемого блюда и похожего блюда из национальной кухни студента. Учащиеся, как правило, демонстрируют положительные эмоции, обнаружив в традициях народов России блюдо, сходное с блюдом из их родной культуры.

В качестве письменной работы можно предложить учащимся написать рецепт блюда из их национальной кухни, описать традиционный для нее способ приготовления пищи (*вок*, *тандыр*), сделать сравнительный анализ кухни разных народов и т.д.

Мы полагаем, что включение вышеописанного материала в курс русского языка как иностранного вызывает у учащихся интерес к изучению традиций народов России, формирует представление о русской культуре как полиэтнической, способствует дальнейшему развитию коммуникативных навыков говорения, письма, аудирования и чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленко Е.В. Концептосфера продукты питания в национальной языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2006. – 19 с.
2. Классический рецепт салата «Сельдь под шубой». Инфографика № 1004807 / Библиотека изображений «РИА Новости». URL.: <http://www.visualrian.ru/search/20/1004807.html?query=рецепт&area=all&types%5B%5D=infnographics> (дата обращения: 24.01.2019).
3. Классический рецепт салата «Сельдь под шубой». Инфографика № 2347623 / Библиотека изображений «РИА Новости». URL.: <http://www.visualrian.ru/search/0/2347623.html?query=рецепт&area=all&types%5B%5D=infnographics> (дата обращения: 24.01.2019).
4. Ковалев Н.И. Технология приготовления пищи: учебник для технологических отделений техникумов обществ, питания / Н.И. Ковалев, Л.К. Сальникова. – М.: Экономика, 2008. – 319 с.
5. Носонович Е.В., Мильруд Р.П. Параметры аутентичного учебного текста [Текст] / Е.В. Носонович, Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 1. – С.18-23.
6. Рецепт: Перемячи с мясом на RussianFood.com [Электронный ресурс] // сайт RussianFood.com. URL: <https://www.russianfood.com/recipes/recipe.php?rid=137659> (дата обращения 10.11.2018).

T.A. Kadolo

THE USE OF AUTHENTIC TEXTS AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (ON THE MATERIAL COOKING RECIPES)

The using of authentic texts in Russian as a foreign language classes helps students to immerse themselves in the natural language environment and contributes to the formation of their cultural competence. The author has developed the tasks for pretextual, textual and posttextual working with the recipes.

Keywords: Russian as a foreign language; authentic texts; communication skills; creolized text.

УДК 811.161.1'37'42

А.Ю. Ожедрянова

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Т.Г.Шевченко»
(Научн. рук. к.филол.н., доц. Соболева И.А.)*

КОНЦЕПТ «РОССИЯ» КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ «РУССКОГО МИРА»

Настоящая работа посвящена описанию средств объективизации образа России на основе свободного ассоциативного эксперимента для понимания концепта «Россия» в языковом сознании жителей города Луганска.

Образ страны является одним из важнейших составляющих собственной самоидентификации, а также развития отношений между странами.

Показателем значимости концепта «Россия» в сознании жителей нашего региона является его безусловная связь с формированием системы ценностей и жизненных приоритетов: оценка процессов собственной жизни и деятельности, собственного места в геополитическом пространстве способствует определению луганским этносом своего места в рамках русского мира. В связи с произошедшими за последние 10 лет событиями социально-политического, социально-духовного характера существенным изменениям подверглись и индивидуальная, и национальная картины мира молодых луганчан.

Анализируемый в содержательной, когнитивно-оценочной динамике концепт «Россия» как ключевой концепт дискурса города Луганска даёт важные представления не только о лингвокультурологическом статусе лексемы «Россия», но и о характере духовно-нравственной самоидентификации луганского социума, осознании молодыми луганчанами своей цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: Россия, метод ассоциативного эксперимента, концепт, дискурс, самоидентификация.

В истории любого общества выделяются периоды, когда тот или иной культурно-социальный смысл по разным причинам обретает особую значимость, «втягиваясь» в смысловое, интеллектуально-прагматическое пространство масс-медиа и получая, таким образом, интенсивную когнитивную и языковую разработку. Центральной категорией «жизни человека в языке», «вписывающей» многообразную социально-когнитивную практику человека в тексты культуры, является дискурс [4, с.43].

Дискурс, по определению Н.Д. Арутюновой, представляет собой «целенаправленное социальное действие», «речь, погружённую в жизнь» [2, с.84], то есть в «творческую динамику социального бытия, социальной практики человека, одновременно формирующей и отражающей его когнитивный и коммуникативный опыт, его волю и характер притязаний» [5, с.26].

История употребления термина «концепт» в разных языковых ареалах демонстрирует сохранение исходной мотивации, метафоры, исходно лежавшей в образе – идею «зачаточной истины». Эта метафора, как справедливо указывает Н.Ю. Шведова [6, с.138], сохраняется в той трактовке, при которой концепты рассматриваются как «эмбрионы» мысленных операций, «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» [3, с.92].

С.А. Аскольдов считает, что концепты реализуются в понятиях, то есть, если концепты заботливо «поливать», из них «вырастут обильные понятия». А в иных культурах одни концепты могут «зачахнуть», давая место другим, более «живучим» или более «заботливо поливаемым». На некоторых почвах определенные концепты могут так и не «взойти». Когда же концепт «принялся» и «взошел», мы наблюдаем понятия, реализуемые в речи [3, с.105].

Основным инструментом для изучения языкового сознания выступает метод *свободного ассоциативного эксперимента*. Немаловажное значение имеет возможность при помощи ассоциативного эксперимента отображать реальное языковое сознание в его зафиксированном времени и условиях состояния.

Следует отметить, что в результате базового образования, влияния радио, телевидения и других средств массовой коммуникации стереотипность речевых реакций увеличивается, а сами люди осуществляют свои речевые поступки более однотипно.

С целью выявления специфики содержания концепта России как части языковой картины «Русского мира» в сознании жителей города Луганска был проведен свободный ассоциативный эксперимент, поскольку через ассоциации носителей языка мы получаем

представление о концептуальных образах мира данного социума, его ценностных ориентирах.

Считаем, что благодаря такому опыту опрашиваемые в какой-то мере способны вербализовать образ России, который не навязан западными или украинскими СМИ. Респондентам было предложено написать первые пришедшие на ум ассоциации к слову «Россия».

В ходе эксперимента было выявлено 354 реакции, которые в свою очередь были распределены по 11 тематическим группам: **«Культура»**, **«Географические характеристики»**, **«Кухня, Кулинария»**, **«Климат»**, **«Политические вопросы»**, **«Народ»**, **«Одежда»**, **«Природа»**, **«Жилище»**, **«Атипичные ассоциации»**, **«Наука и Вера, Космическая сфера и Математика»**.

Если рассмотреть ассоциативное поле концепта «Россия», то наиболее обширную группу его элементов составляют ассоциаты, характеризующие **культуру** современного российского общества. Для наших респондентов русская культура представляется *«великой»*, *«богатой»*, *«старинной»* и *«разнообразной»*, *«святой»*, *«Русью-матушкой»*. Большинство опрошенных связывают Россию с такими символами русской культуры как *«русский балет»*, *«русская классика»*, *«яйца Фаберже»*, *«иконы»*, *«матрешка»*, *«бирюльки»*, *«балалайка»*, *«гармонь»* и *«чебурашка»*. Респонденты отмечают такие характеристики русского языка – *«великий, могучий русский язык»*, *«многоликий»*, *«богатый»*, *«образный»*, *«трудный»*. Русские праздники *«Масленица»*, *«День Победы»*, *«Новый год»*, *«Старый Новый год»*, *«Крещение»* и деятели искусства также вошли в данную группу. На вопрос *«Самые известные представители русской культуры»* единогласно были названы писатели и поэты: *Пушкин, Лермонтов, Толстой, Есенин, Твардовский, Карамзин, Достоевский*. Также были указаны артисты эстрады (*«группа Любе»*, *«Сергей Шнуров»*, *«Земфира»*, *«Филипп Киркоров»*, *«Алла Пугачева»*, *«Николай Басков»*, *«Надежда Бабкина»*, *«Олег Газманов»*).

Следующая по частотности группа – **«географические характеристики»**. Образ России у студентов города Луганска в первую очередь ассоциируется с обширной территорией (*«великая»*, *«держава»*, *«огромная»*, *«широкая»*, *«простор»*, *«богатство»*, *«необозримая»*). Респонденты также отмечали российские дороги, подчеркивая их особенности (*«разбитые дороги»*, *«пробки»*), транспорт и огромную численность населения (*«русские везде»*), здания (*«Красная Площадь»*, *«Кремль»*) и т.д.

Кухня, кулинария также оказалась неразрывно связанной с восприятием России. Так, для большинства опрошенных русская кухня состоит из *«водки»*, *«блинов»* и прочих блюд (*«грибы»*, *«окрошка»*, *«пельмени»*, *«оливье»*, *«конфетки-бараночки»*), напитков (*«Советское шампанское»*, *«узвар»*, *«чай с плюшками»*, *«квас»*, *«водка»*). Кроме еды и напитков встречаются ассоциации, связанные с самим приемом пищи *«обед по-русски»* и *«самоваром»* – символом русской кухни.

Особенно значимым представляется четвертая тематическая группа **«климат»**, что, вероятно, отражает также стереотипную специфику восприятия образа России. Для большинства респондентов страна ассоциируется с *«холодом»*, *«дымом»*, *«экстремальными температурами»*, *«снегом»*, *«холодной зимой»* и восхищением *«красотой русского зимнего леса»*, *«тайгой»*.

Актуальные в наше время **политические вопросы** также встречаются среди ассоциаций, связанных с образом России. С одной стороны, жители Луганска характеризуют положительные стороны внешних взаимоотношений России с другими государствами (*«мир»*, *«друг»*, *«поддержка»*, *«спасительница»*), а с другой стороны, отмечают ощущение угрозы, исходящей от политической тактики России – *«агрессор»*, *«диктатура»*, *«война»*. Данное впечатление создают ассоциаты, связанные с *«холодной*

войной», ядерным оружием, революцией, междоусобными войнами, межнациональными конфликтами («Украина», «Вторая Мировая война», «Крым», «Сирия»), оружием («автомат Калашникова», «БМ-13 Катюша» – советская боевая машина реактивной артиллерии»). Кроме того, немаловажную роль играют персоналии, которые относятся к разным политическим формам правления: монархии («цари», «русские князья», «династия Романовых») и федерации («Медведев», «Путин», «Ленин»). В рамках представленной группы были выявлены единичные ассоциации, связанные с Советским союзом («коммунизм», «коммунист», «СССР»), «красным цветом» и «триколором».

Образ страны не может быть не связан с **народом**, населяющим его («русичи», «россияне», «русские»). Респонденты выделяют у россиян такие положительные качества, как «страсть», «душевность», «сильную волю», «отзывчивость», «гостеприимность», «изобретательность». Были выявлены и отрицательные характеристики россиян: «мафия», «зависимость от алкоголя и никотина», «духовный упадок», «страна дураков», «декадентство». Следует заметить, что также выделяются внешние характеристики («красивые, умные и сильные девушки»), способности («олимпийцы») и материальная обеспеченность россиян, выезжающих за рубеж («богатые туристы»).

Тематическая группа **«одежда»** состоит из наименований зимней и традиционной русской одежды: «валенки», «лапти», «кокошник», «шапка-ушанка», «рубаша».

Надо заметить, что представление о России связано с впечатлениями о русской **природе** («красивая», «богатая»); флорой: («берёза», «чертополох», «одуванчик») и фауной – («медведь», «снегирь»). Столь обширная страна, безусловно, является источником многих ресурсов – водных («Байкал», «вода», «реки и озёра», «болота», «река Волга») и природных («газ», «масло», «нефть»).

Тематическая группа **«жилище»** состоит из ассоциаций, связанных с типом жилья («коммуналка», «дача», «общага»), особенностями построек («баня», «деревянные дома», «крыльцо»).

Также люди ассоциируют Россию с **наукой и верой** («православие», «Крещение», «Князь Владимир»). Были выявлены ассоциации, отражающие достижения в **космической сфере и математике** («спутник», «космос», «Гагарин», «Белка и Стрелка»).

Таким образом, указанные реакции позволяют определить собирательный образ России, сформировавшийся в сознании жителей города Луганска, создать своеобразный ассоциативный прототип образа России в языковом сознании молодых луганчан на современном этапе.

Можно сделать вывод о том, что концепт «Россия» обладает очень сложной многоплановой структурой. В нем можно выделить как конкретное, так и абстрактное, как рациональное, так и эмоциональное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное. Этим и объясняется отсутствие единого определения. Исследование концептов позволяет провести не просто лингвистический, а филологический анализ, что, несомненно, ведет к более глубокому пониманию текстов и национальной культуры.

Концепт «Россия» – это базовый концепт Русского мира и современного общественного сознания молодых луганчан. Многие жители Луганска указывают на позитивные и тёплые ассоциаты, связанные с этим именем («помощь», «гумконвой», «добро», «гордость», «сестра», «будущее»). Образ страны – важная структурная часть субъективной картины мира, точно так же, как образ себя есть важная структурная часть самосознания человека. Без положительного образа России сформировать чувство патриотизма у молодых луганчан не представляется возможным.

Поскольку язык способен отражать глубинный уровень ценностного сознания, связанный с базовыми ценностями любой национальной культуры, то показательным является и характер оценки, заключенной в реакциях, содержащихся в ассоциативно-вербальных полях концепта «Россия».

Концепт «Россия», как и всякое ментальное образование, является потенциально динамичной структурой: в зависимости от внешних обстоятельств жизни человека, от объема его личного опыта концептуальные знания могут пополняться, прирастать значимыми дополнительными признаками, что приводит к обогащению, трансформации или к полной деформации концептуальной сути.

Следовательно, научное осмысление концепта невозможно только в «застывшей картинке», следует учитывать все влияющие на концептуальную сущность факторы в диахроническом аспекте.

Известно, что имя собственное существенно отличается от имен нарицательных по совокупности семантических характеристик. Специфика концепта «Россия» проявляется и на уровне структуры лексического значения, и на собственно содержательном уровне.

«Россия» – один из наиболее значимых и динамичных концептов, о чем свидетельствуют его многочисленные когнитивные признаки и высокая номинативная плотность.

Концепт «Россия» отражает не только повышенную социальную чувствительность к духовно-нравственному контексту исторического прошлого русского народа, но и настойчивую потребность в реабилитации ценностного подхода к прошлому и современному опыту русского народа.

В ходе работы было установлено, что концепт «Россия» – это опорный концепт современного общественного сознания жителей города Луганска, о чём свидетельствуют его интенсивная когнитивная и языковая разработка, а также высокая номинативная плотность и многочисленные метафорические модели, являющиеся показателем важности концепта.

Понятие «**Русский мир**» также включает в себя различные аспекты: общая и историческая память; язык; наука; литература; культура; традиции; православная вера; соотечественники за рубежом.

«**Русский мир**» – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники, выходцы из России и их потомки, это еще и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто интересуется Россией, кого волнует её будущее.

Важным является вывод о том, что концепт «**Россия**» в понимании жителей города Луганска репрезентирует дискурс «**Интеграция в Россию**».

Разработка когнитивных признаков концепта «Россия» и их языковая объективация позволяет сделать вывод о том, что анализ каждой из выделенных когнем может стать предметом отдельного лингвокультурологического исследования. Изучение других метафорических моделей представляется также перспективным.

Такие исследования позволят получить новые данные об особенностях современного общественного сознания и современной культуры. Выявленные когнитивные признаки данного концепта дают востребованные знания не только о его лингвистическом статусе, но и о характере духовно-нравственной самоидентификации молодых луганчан, осознания ими своей цивилизационной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Е.С. Номинативное поле концепта «Россия»/ Е.С. Абрамова // «Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина». – 2010. – № 3. – Т.1. Филология. – СПб., 2010. – 121 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). – М.: Наука, 1988. – 338 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под ред. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 279 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С.Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
5. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Русский язык, 1997. – 245 с.
6. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997. – 39 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология: Уч.пос. – М.: Наука, 1997. – 162 с.
9. Полонский А.В. Современный медиадискурс: ключевые идеи слова/ А.В.Полонский // Русский язык в современном медиапространстве: Сб.научных трудов /отв. ред. А.В.Полонский. – Белгород: Политерра, 2009. – 160 с.
10. Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. – М., 2005. – 639 с.
11. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (На материале русского языка). – М.: Наука, 1977. – 335 с.
12. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

A.Y.Ozhedryanova

THE CONCEPT OF “RUSSIA” AS A PART OF THE LINGUISTIC WORLD IMAGE OF “RUSSIAN WORLD”

This research is devoted to description of means of objectification of an image of Russia on the basis of a free associative experiment for understanding of a concept “Russia” in language consciousness of citizens of Luhansk.

The image of the country is one of the most important components of own self-identification and also development of the relations between the countries.

Russia in consciousness of inhabitants of our region is an indicator of the importance of a concept its unconditional connection with formation of a system of values and life priorities: assessment of processes of life and activity, place in geopolitical space promotes definition by the Luhansk ethnos its place within the Russian world. Due to the events of socio-political, socio-spiritual character which took place for the last 10 years both individual, and national world image of young citizens of Lugansk have exposed some significant changes.

The concept analyzed in substantial, cognitive and estimated dynamics concept “Russia” as a key concept of a discourse of the city of Luhansk gives important ideas not only about the linguoculturological status of a lexeme “Russia”, but also about the nature of spiritual and moral self-identification of the Luhansk society, awareness of the civilization identity by young citizens of Lugansk.

Keywords: *Russia, method of an associative experiment, concept, discourse, self-identification.*

Т. Д. Лучинская
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. канд филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)

**АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ЛЮБИТЬ, ПРОЯВЛЯТЬ, ЗНАКОМИТЬСЯ И ПРИРУЧАТЬ
(по результатам направленного ассоциативного эксперимента
в разных возрастных группах)**

В статье представлен анализ ассоциативных реакций на ряд слов из лексико-семантической группы глаголов межличностных отношений в современном русском языке, полученных в результате проведённого направленного ассоциативного эксперимента. Осуществлён сопоставительный анализ смоделированных ассоциативных полей в рамках двух возрастных групп.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, слова-стимулы, типы реакций, ассоциативное поле, лексико-семантическая группа.

Одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение значения слова как живого знания, уточнение роли и статуса обыденного знания, рассмотрение значения в контексте взаимодействия индивидуального и коллективного знания (см., например, [6; 8; 9 и др.]). Под обыденным метаязыковым сознанием следом за Н. Д. Голевым понимаем «часть языкового сознания, включающую в себя представления рядовых носителей языка о самом языке и формах его реализации» [3, с. 8].

При этом в качестве действенного метода исследования индивидуального и группового сознания человека выступает ассоциативный эксперимент (от лат. *associatio* ‘соединение’ и *experimentum* ‘опыт’), представленный несколькими разновидностями (см. [11]). Как отмечают исследователи, применение психолингвистического эксперимента изменяет роль носителя языка, который из пассивного информанта — объекта исследования его речевой деятельности — превращается в активного информанта — субъекта исследования (см. [2, с. 3]).

По словам Н. В. Уфимцевой, ассоциативный эксперимент является одним из способов овнешнения языкового сознания, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания (см. [10]). Как указывает А. А. Залевская, ассоциативный эксперимент может стать полезным источником информации о степени актуальности различных лексико-семантических вариантов одного и того же слова для исследуемой группы людей [5].

Результаты, представленные в данной статье, являются частью проводимого нами анализа ассоциативных реакций на лексические единицы ЛСГ глаголов межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться и приручать*. Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент с уточняющим, т. е. направляющим, заданием с использованием названных глаголов. Эксперимент проводился среди обучающихся разных возрастных категорий: 1) ученики 5 класса СШ № 45 г. Донецка; 2) ученики 10–11 классов СШ № 45 г. Донецка; 3) студенты первого курса филологического факультета и факультета иностранных языков Донецкого национального университета и 4) студенты второго, третьего и четвертого курсов филологического факультета ДонНУ. Всего в эксперименте было задействовано 233 респондента.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы осуществить сопоставительный анализ ассоциативных реакций на лексические единицы ЛСГ глаголов межличностных отношений *любить*, *проявлять*, *знакомиться* и *приручать*, полученных у респондентов разных возрастных категорий: 1) у учащихся 10–11 классов СШ № 45 г. Донецка и 2) у студентов первого курса профиля «Русский язык и литература» филологического факультета ДонНУ.

Таким образом, в статье анализируются данные, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента, проведённого среди следующего числа респондентов:

- 1) 32 обучающихся 10-11 классов названной школы в возрасте 15-16 лет;
- 2) 37 студентов первого курса названной специальности филфака ДонНУ в возрасте 16–18 лет.

В первую очередь следует отметить, что, как свидетельствуют данные идеографического словаря Л. Г. Бабенко, рассматриваемые глаголы относятся к разным подгруппам глаголов межличностных отношений: 1) *любить* — глагол эмоционально-оценочного отношения; 2) *проявлять* — глагол внешнего проявления отношения; 3) *знакомиться* — глагол согласованного действия; 4) *приручать* — глагол расположения к контакту (см. [1]).

Испытуемым письменно предъявлялась инструкция: «Дорогой друг, спасибо за участие в лингвистическом эксперименте! Твои ответы помогут провести научное исследование. Задание. Составьте по три словосочетания «глагол + существительное» с каждым из глаголов». Перед тем, как перейти к непосредственным ответам на вопросы, испытуемым предлагалось указать свой возраст и пол. Далее приводился перечень четырёх рассматриваемых глаголов. Как видим, нами было изначально наложено ограничение на выбор категории слова-реакции.

Алгоритм обработки результатов направленного ассоциативного эксперимента сводится к следующему:

1. На первом этапе обрабатываются ответы на вопросы по каждому из предложенных слов-стимулов, при этом подсчитывается частотность каждой реакции, т. е. каждая отличающаяся реакция записывается и учитывается отдельно.

2. Далее осуществляется обработка результатов, полученных в ходе ассоциативного эксперимента с направляющими вопросами-стимулами. Результаты обобщаются в виде ассоциативных полей исследуемых языковых единиц. При формировании ассоциативного поля каждой рассматриваемой единицы все реакции на вопросы-стимулы записываются в иерархическом порядке от более частотной реакции к менее частотной. Если разные реакции имеют при этом одинаковые показатели частотности, то в таких случаях реакции с одинаковой частотностью даются по алфавиту.

3. На следующем этапе анализа подсчитывается совокупный индекс яркости значения (далее — СИЯ) как отношение совокупной частотности реакций, актуализирующих данное значение, к общему количеству участников эксперимента.

В ходе проведённого направленного ассоциативного эксперимента нами были получены следующие реакции:

1. Среди учащихся 10-11 классов (см. также таблицу 1):

Любить — жизнь 16, животных 11, семью 8, маму 7, Родину 6, себя 5, еду 4, родителей 4, людей 3, природу 3, путешествия 3, цветы 3, близких 2, мир 2, папу 2, ребенка 2, страну 2, учебу 2, воду 1, деньги 1, детей 1, дом 1, искусство 1, квадраты 1, книгу 1, общество 1, отдых 1, растения 1, родных 1, сладкое 1, технику 1, человека 1, школу 1 — СИЯ (3).

Проявлять — заботу 15, интерес 10, уважение 10, любовь 7, доброту 5, сочувствие 4, инициативу 3, внимание 2, милосердие 2, поддержку 2, себя 2, силу 2,

чувства 2, активность 1, безразличие 1, благородство 1, волю 1, желание 1, знания 1, искренность 1, любопытство 1, мужество 1, остроумие 1, пофигизм 1, признак 1, симпатию 1, смелость 1, снимок 1, сожаление 1, сострадание 1, способности 1, талант 1, терпеливость 1, уверенность 1, фото 1, фотографии 1, эмоции 1 — СИЯ (2,8).

Знакомиться — с людьми 13, с историей 6, с девушкой 5, с искусством 5, на улице 5, с друзьями 4, с миром 4, с природой 4, с творчеством 4, с жизнью 3, с произведением 3, с учителями 3, с человеком 3, по Интернету 2, с культурой 2, с родителями 2, со спортом 2, с автором 1, с близкими 1, с будущим 1, с городом 1, с Геной 1, с книгой 1, с коллегами 1, с культурой 1, с литературой 1, с мальчиками 1, с материалом 1, с местностью 1, с музыкой 1, с обществом 1, с одноклассниками 1, с парнем 1, с перспективами 1, в подъезде 1, с преподавателем 1, с прокурором 1, с родственниками 1, с собой 1, с судьбой 1, с темой 1, в трамвае 1 — СИЯ (2,9).

Приручать — животное 22, дракона 7, собаку 7, кота 5, людей 4, эмоции 4, друзей 3, себя 3, человека 3, чувства 3, бомжей 2, жизнь 2, природу 2, птиц 2, технику 2, демонов 1, детей 1, дьявола 1, с злобой 1, змею 1, лису 1, мир 1, нрав 1, парня 1, попугая 1, робота 1, свободу 1, стихию 1, судьбу 1, умения 1, характер 1, хомячка 1, хорька 1 — СИЯ (2,7).

2. Среди студентов первого курса профиля «Русский язык и литература» (см. также таблицу 2):

Любить — жизнь 10, маму 9, семью 7, себя 6, человека 5, еду 4, животное 4, кота 3, Родину 3, родителей 3, дождь 2, путешествие 2, работу 2, языкознание 2, Алину 1, весну 1, Дашу 1, дом 1, друзей 1, единорогов 1, зверей 1, звёзды 1, искренность 1, зиму 1, картошечку 1, кашу 1, книгу 1, кошку 1, курочку гриль 1, лиса 1, литературу 1, мандарины 1, море 1, предмет 1, природу 1, профессию 1, работу 1, родных 1, русский язык 1, своё дело 1, сладости 1, собаку 1, солнце 1, сон 1, страну 1, тату 1, урок 1, учёбу 1, филологический факультет 1, цветы 1, черепаху 1 — СИЯ (2,7).

Проявлять — заботу 14, любовь 9, интерес 8, симпатию 8, чувства 7, внимание 6, уважение 5, фотографии 4, агрессию 3, ласку 3, характер 3, знания 2, инициативу 2, ненависть 2, пленку 2, себя 2, стойкость 2, стремление 2, эмоции 2, активность 1, взаимность 1, возможности 1, гордость 1, доброту 1, дружелюбие 1, желание 1, качества 1, нежность 1, равнодушие 1, нетерпение 1, понимание 1, радость 1, сдержанность 1, силу духа 1, слабость 1, сострадание 1, способности 1, тепло 1 — СИЯ (2,8).

Знакомиться — с людьми 12, с человеком 9, с книгой 4, с одноклассниками 4, с преподавателем 4, с родителями 4, с городом 3, с девушкой 3, с животными 3, с миром 3, с природой 3, на улице 3, с друзьями 2, в компании 2, с детьми 2, с парнем 2, с родственниками 2, в автобусе 1, с жизнью 1, с задачей 1, со знаниями 1, по Интернету 1, с информацией 1, с коллективом 1, с котом 1, летом 1, с лингвистикой 1, со мной 1, с мужчиной 1, с наукой 1, через неделю 1, с незнакомцем 1, с обстановкой 1, в парке 1, в поезде 1, на празднике 1, с произведением 1, на работе 1, с ребенком 1, с ситуацией 1, с собой 1, с соседями 1, в социальной сети 1, со стенами дома 1, с темой 1, с условиями 1, в школе 1 — СИЯ (2,3).

Приручать — животное 17, собаку 10, человека 8, лису 4, волка 3, дракона 3, кота 3, питомца 3, дельфина 2, кошку 2, льва 2, попугая 2, стихию 2, белок 1, брата 1, к верности 1, динозавров 1, к доброте 1, дружбу 1, к жизни 1, зверей 1, змею 1, кита 1, лаской 1, в лесу 1, лося 1, любовь 1, людей 1, медведя 1, молнию 1, молодость 1, мужа 1, мышь 1, нрав 1, огонь 1, к послушанию 1, пса 1, птицу 1, сову 1, сокола 1, сороку 1, сына 1, тигра 1, утку 1, характер 1, хомячка 1, в цирке 1, черепаху 1 — СИЯ (2,6).

Следует отметить, что небольшая погрешность при определении СИЯ связана с тем фактором, что не всегда респонденты на слово-стимул приводили при ответе по три словосочетания, как это было обозначено в условии.

Таблица 1

Наиболее частотные реакции на глаголы межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться* и *приручать*, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента среди учащихся 10-11 классов

п/п	N	Глагол	Реакция	Частотность реакции
1.		<i>любить</i>	жизнь	16
2.		<i>любить</i>	животных	11
3.		<i>любить</i>	семью	8
4.		<i>любить</i>	маму	7
5.		<i>любить</i>	Родину	6
6.		<i>любить</i>	себя	5
7.		<i>любить</i>	еду	4
8.		<i>любить</i>	родителей	4
9.		<i>любить</i>	людей	3
10.		<i>любить</i>	природу	3
11.		<i>любить</i>	путешествия	3
12.		<i>любить</i>	цветы	3
13.		<i>проявлять</i>	заботу	15
14.		<i>проявлять</i>	интерес	10
15.		<i>проявлять</i>	уважение	10
16.		<i>проявлять</i>	любовь	7
17.		<i>проявлять</i>	доброту	5
18.		<i>проявлять</i>	сочувствие	4
19.		<i>проявлять</i>	инициативу	3
20.		<i>знакомиться</i>	с людьми	13

21.	<i>знакомиться</i>	с историей	6
22.	<i>знакомиться</i>	с девушкой	5
23.	<i>знакомиться</i>	с искусством	5
24.	<i>знакомиться</i>	на улице	5
25.	<i>знакомиться</i>	с друзьями	4
26.	<i>знакомиться</i>	с миром	4
27.	<i>знакомиться</i>	с природой	4
28.	<i>знакомиться</i>	с творчеством	4
29.	<i>знакомиться</i>	с жизнью	3
30.	<i>знакомиться</i>	с произведением	3
31.	<i>знакомиться</i>	с учителями	3
32.	<i>знакомиться</i>	с человеком	3
33.	<i>приручать</i>	животное	22
34.	<i>приручать</i>	дракона	7
35.	<i>приручать</i>	собаку	7
36.	<i>приручать</i>	кота	5
37.	<i>приручать</i>	людей	4
38.	<i>приручать</i>	эмоции	4
39.	<i>приручать</i>	друзей	3
40.	<i>приручать</i>	себя	3
41.	<i>приручать</i>	человека	3
42.	<i>приручать</i>	чувства	3

Таблица 2

Наиболее частотные реакции на глаголы межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться* и *приручать*, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента среди студентов первого курса профиля «Русский язык и литература»

п/п	N	Глагол	Реакция	Частотность реакции
		<i>любить</i>	жизнь	10
		<i>любить</i>	маму	9
		<i>любить</i>	семью	7
		<i>любить</i>	себя	6
		<i>любить</i>	человека	5
		<i>любить</i>	еду	4
		<i>любить</i>	животное	4
		<i>любить</i>	кота	3
		<i>любить</i>	Родину	3
		<i>любить</i>	родителей	3
		<i>проявлять</i>	заботу	14
		<i>проявлять</i>	любовь	9
		<i>проявлять</i>	интерес	8
		<i>проявлять</i>	симпатию	8
		<i>проявлять</i>	чувства	7

	<i>проявлять</i>	внимание	6
	<i>проявлять</i>	уважение	5
	<i>проявлять</i>	фотографии	4
	<i>проявлять</i>	агрессию	3
	<i>проявлять</i>	ласку	3
	<i>проявлять</i>	характер	3
	<i>знакомиться</i>	с людьми	12
	<i>знакомиться</i>	с человеком	9
	<i>знакомиться</i>	с книгой	4
	<i>знакомиться</i>	с одногогруппниками	4
	<i>знакомиться</i>	с преподавателем	4
	<i>знакомиться</i>	с родителями	4
	<i>знакомиться</i>	с городом	3
	<i>знакомиться</i>	с девушкой	3
	<i>знакомиться</i>	с животными	3
	<i>знакомиться</i>	с миром	3
	<i>знакомиться</i>	с природой	3
	<i>знакомиться</i>	на улице	3
	<i>приручать</i>	животное	17
	<i>приручать</i>	собаку	10
	<i>приручать</i>	человека	8
	<i>приручать</i>	лису	4
	<i>приручать</i>	волка	3
	<i>приручать</i>	дракона	3
	<i>приручать</i>	кота	3
	<i>приручать</i>	питомца	3

Сопоставительный анализ данных, представленных в таблице 1 и таблице 2, свидетельствует, что для анализируемых глаголов наиболее частотными для двух возрастных групп выборки оказались одинаковые реакции:

1) *среди учащихся 10-11 классов*: для глагола *любить* — *любить жизнь* (16), для *проявлять* – *проявлять заботу* (15), для *знакомиться* – *знакомиться с людьми* (13), для *приручать* – *приручать животное* (22); 2) *среди студентов первого курса профиля «Русский язык и литература»*: для глагола *любить* — *любить жизнь* (10), для *проявлять* – *проявлять заботу* (14), для *знакомиться* – *знакомиться с людьми* (12), для *приручать* – *приручать животное* (17);

Второе место по критерию частотности среди реакций, полученных в ходе проведённого направленного ассоциативного эксперимента, для рассматриваемых глаголов межличностных отношений занимают следующие:

1) *среди учащихся 10-11 классов*: для глагола *любить* — *любить животных* (11), для глагола *проявлять* — *интерес* (10) и *проявлять уважение* (10), для глагола *знакомиться* — *знакомиться с историей* (6), для глагола *приручать* — *приручать дракона* (7) и примыкающая к ней по частотности реакция *приручать собаку* (7); 2) *среди студентов первого курса профиля «Русский язык и литература»*: для глагола *любить* — *любить маму* (9); для глагола *проявлять* — *проявлять любовь* (9); для глагола *знакомиться* – *знакомиться с человеком* (9); для глагола *приручать* – *приручать собаку* (10). В этой группе есть как совпадающие, так и отличающиеся

реакции, при этом полученные реакции не являются уникальными ни для одной из двух возрастных групп респондентов, а только варьируются по критерию частотности в рамках смоделированных ассоциативных полей.

На третьем месте по рангу частотности, как видно из таблицы 1, оказались следующие реакции на анализируемые глаголы межличностных отношений:

1) *среди учащихся 10-11 классов*: для глагола **любить** — *любить семью* (8), *любить маму* (7), *любить Родину* (6), *любить себя* (5), *любить еду* (4), *любить родителей* (4), для глагола **проявлять** — *проявлять любовь* (7), *проявлять доброту* (5), *проявлять сочувствие* (4), для глагола **знакомиться** — *знакомиться с девушкой* (5), *знакомиться с искусством* (5), *знакомиться на улице* (5), *с друзьями* (4), *знакомиться с миром* (4), *знакомиться с природой* (4), *знакомиться с творчеством* (4), для глагола **приручать** — *приручать кота* (5), *приручать людей* (4), *приручать эмоции* (4);

2) *среди студентов первого курса профиля «Русский язык и литература»*: для глагола **любить** — *любить семью* (7), *любить себя* (6), *любить человека* (5), *любить еду* (4), *любить животное* (4), для глагола **проявлять** — *проявлять интерес* (8), *проявлять симпатию* (8), *проявлять чувства* (7), *проявлять внимание* (6), *проявлять уважение* (5), для глагола **знакомиться** — *знакомиться с книгой* (4), *знакомиться с одноклассниками* (4), *знакомиться с преподавателем* (4), *с родителями* (4), для глагола **приручать** — *приручать человека* (8).

Примыкающими к частотным реакциям среди реакций, полученных в ходе проведённого направленного ассоциативного эксперимента, оказались такие реакции:

1) *среди учащихся 10-11 классов*: для глагола **любить** — *любить людей* (3), *любить природу* (3), *любить путешествия* (3), *любить цветы* (3), для глагола **проявлять** — *проявлять инициативу* (3); для глагола **знакомиться** — *знакомиться с жизнью* (3), *знакомиться с произведением* (3), *знакомиться с учителями* (3), *знакомиться с человеком* (3), для глагола **приручать** — *приручать друзей* (3), *приручать себя* (3), *приручать человека* (3), *приручать чувства* (3).

2) *среди студентов первого курса профиля «Русский язык и литература»*: для глагола **любить** — *любить кота* (3), *любить Родину* (3), *любить родителей* (3), для глагола **проявлять** — *проявлять фотографии* (4), *проявлять агрессию* (3), *проявлять ласку* (3), *проявлять характер* (3); для глагола **знакомиться** — *знакомиться с городом* (3), *знакомиться с девушкой* (3), *знакомиться с животными* (3), *знакомиться с миром* (3), *знакомиться с природой* (3), *знакомиться на улице* (3); для глагола **приручать** — *приручать лису* (4), *приручать волка* (3), *приручать дракона* (3), *приручать кота* (3), *приручить питомца* (3).

Все остальные реакции на глаголы межличностных отношений *любить*, *проявлять*, *знакомиться* и *приручать*, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента, как свидетельствуют систематизация и обобщение данных, оказались или низкочастотными (с индексом равным двум), или вообще единичными.

Полученные и проанализированные реакции отражают языковую картину мира школьников 15-16 лет и студентов 16-18 лет и репрезентируют наиболее существенные для них в рассматриваемом аспекте понятия.

Среди полученных реакций представлены реакции с абстрактными существительными, обозначающими значимые для респондентов жизненные ориентиры и ценности, называющими проявление как положительных, так и отрицательных чувств по отношению к окружающим или даже безразличие к ним. Некоторые реакции отсылают к таким сферам проявления качеств, как проявление силы духа, настойчивости: *проявлять волю*, *проявлять мужество*, *проявлять уверенность*,

проявлять инициативу; проявление таланта и уникальности: *проявлять способности, проявлять талант*; реализации себя как такового: *любить себя, проявлять себя, знакомится с собой, приручать себя*. Очевидно, что такие реакции, как *любить себя, проявлять себя, проявлять силу* и под. в случае их включения в более широкий контекст и в конкретную коммуникативную ситуацию могут быть оценены или как положительные, или как отрицательные.

Среди реакций, полученных от респондентов обеих рассматриваемых возрастных групп, частотны реакции, называющие членов семьи, родственников, друзей, их совокупность: *любить семью, любить маму, любить папу, любить родителей, любить близких, любить дом, любить ребёнка; знакомиться с родителями, знакомиться с родственниками, знакомиться с девушкой* и т. д. Примыкают к ним реакции, в рамках которых обозначены социальные роли в широком смысле этого термина: *знакомиться с учителями, знакомиться с преподавателем, знакомиться с коллегами, знакомиться с одноклассником* и др.

Часть полученных реакций указывает на общий характер взаимоотношений с людьми и с окружающей действительностью (*любить людей, любить человека, знакомиться с людьми, знакомиться с человеком, знакомиться с обществом, приручать людей, любить мир*) или же обозначают проявление каких-то качеств и чувств как таковых (*проявлять желание, проявлять эмоции, проявлять признак, приручать чувства, приручать эмоции*).

Как видно из вышеприведенных примеров, для обеих групп частотны также реакции, соотносимые с концептами ПРИРОДА и УЧЁБА.

В целом следует отметить, что систематизация и анализ реакций, полученных в ходе направленного ассоциативного эксперимента, для обеих возрастных групп характеризуются значительным преобладанием общих признаков по разным параметрам, при этом глаголы межличностных отношений *любить, проявлять, знакомиться* и *приручать* охватывают широкую референтную область в рамках смоделированных ассоциативных полей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — 704 с.
2. Блинова О. И. Лексико-семантическая категория и свойство слова / О. И. Блинова // Русские говоры Сибири: семантика. — Томск, 1995. — С. 3–21.
3. Виноградова О. Е. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи) : Дис. ... канд. филол. наук / Ольга Евгеньевна Виноградова. — Воронеж, 2016. — 304 с.
4. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. — 2008. — № 3 (4). — С. 5-17.
5. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистические исследования / А. А. Залевская. — Воронеж : Воронежский университет, 1990. — 205 с.
6. Залевская А. А. Значение слова сквозь призму эксперимента / А. А. Залевская. — Тверь : Тверской государственный университет, 2011. — 240 с.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

Статья посвящена актуальной проблеме изучения языковой личности человека, принадлежащего к определенной социально-возрастной группе. В статье представлены особенности лексикона и речевого поведения современных школьников-подростков (набор устойчивых формул общения, речевые способы завоевания авторитета в классе, использование жаргонизмов в речи и др.), определено понятие «речевой портрет».

Ключевые слова: языковая личность, школьники-подростки, речевой портрет.

Актуальность исследования. Носителями молодежного языка принято считать школьников, студентов и представителей творческой интеллигенции. Школьники подросткового возраста — социально-возрастная группа, представляющая наибольший интерес для изучения, так как именно сегодняшние школьники-подростки быстрее всех подмечают различные изменения в языке и реагируют на них. Во время обучения в школе происходит становление и развитие языковой личности школьника. Именно поэтому создание речевого портрета современного подростка представляется нам весьма актуальным.

Объектом исследования стала устная речь, граффити на столах и шкафах в учебных классах и материал анкетирования современных школьников Луганской общеобразовательной школы № 17, а также граффити на стенах города Луганска,

Предметом исследования стали особенности лексикона и речевого поведения, проявляющиеся в процессе общения современных школьников.

Цель работы - дать анализ речевого поведения современных школьников подросткового возраста (7-9 класс).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Изучить работы, посвященные исследованию понятия речевого портрета в русской лингвистике;
2. Проанализировать лексикон современных подростков и выявить его особенности;
3. Показать особенности речевого поведения современных школьников (набор устойчивых формул общения, речевые способы завоевания авторитета в классе, использование жаргонизмов в речи и др.).

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе используется описательный метод (а именно: наблюдение, интерпретация, обобщение), а также анкетирование.

В последнее время наиболее актуальным представляется изучение языковой личности человека, принадлежащего к определенной социально-возрастной группе (интеллигент, бизнесмен, политик, актер и пр.) [Э.М. Ножкина, Т.А. Милехина, Л.П. Крысин, А.В. Занадворова, К.Ф. Седов и др.] Вследствие этого в лингвистику органично вошло такое понятие, как «речевой портрет» Речевой портрет - это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. При всем внимании к индивидуальности интерес ученых в первую очередь привлекают те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой принадлежности [Ю.Н. Караулов, Н.Н. Розанова, М.В. Китайгородская, Т.В. Кочеткова и др.].

Сложность языковой личности современного школьника заключается в том, что в школе он обучается нормам литературного языка и в то же время является носителем школьного сленга и часто носителем группового жаргона (в силу принадлежности к тому или иному неформальному объединению). К тому же он испытывает влияние СМИ, окружающей речевой действительности⁴. Таким образом, он погружен в сложную, неоднозначную, противоречивую языковую ситуацию, в которой учится разграничивать различные по стилистической окраске лексические пласты. В связи с этим у школьников возникает принципиально важная для развития языковой личности проблема: как правильно выбрать языковые средства, адекватные данной ситуации общения; при этом у него формируется умение «переключаться» – переходить с одного «подъязыка» на другой, учитывая в общении «фактор адресата». Говоря о языковой личности, следует иметь в виду, что не использование жаргона или сленга само по себе, а умение переключаться с одного подъязыка на другой в зависимости от ситуации, цели и участника коммуникации свидетельствует об уровне ее развития. Однако, как показывают эксперименты и наблюдения, старшеклассники часто используют в речи стилистически разнородные элементы, что свидетельствует о том, что это умение еще только формируется.

Наиболее яркими особенностями современного школьного лексикона являются, на наш взгляд, следующие: употребление школьного жаргона, обыгрывание иностранных слов и сознательное употребление сниженной лексики.

Огромное количество жаргонизмов используется школьниками для называния учебных предметов: *физра*, *литра*, *пинглии* (*английский язык*), *геос* (*геометрия*). Особыми, часто жаргонными, в речи школьников являются номинации учителей: алгеброид, физичка, истеричка, химоза, физик-шизик, диря, реп, училка, класснуха и т.д.

Для слов этой сферы характерна традиционность, устойчивость. Многие слова (такие как: диря – директор; камчатка, чукотка – задние парты; училка – учитель; химоза – учитель химии) употребляются на протяжении многих десятилетий. Эти лексемы составляют ядро школьного жаргона, обеспечивая его устойчивость. Однако стоит отметить определенные новации ив этой группе слов. Например, такие слова, как *чит*, *пит* – *учитель*; *реп* – *репетитор* зафиксированы впервые и отсутствуют в словарях молодежных жаргонов.

Анализ речевой субкультуры школьников-подростков позволил наиболее ярко охарактеризовать их групповые речевые особенности (социолект), использование в речевой практике определенного социолекта – молодежного, школьного сленга.

Надо отметить, что тематика используемых сленгизмов разнообразна. Новые реалии школьной жизни получают сленговые наименования практически одновременно с официальными: *псих* – школьный психолог, *мазюкаю* – штрих-корректор, *ломик* – фломастер. Новые реалии внешнего мира тоже находят отражение в школьном сленге: *братва* – учителя, *киллер* – классный журнал, *секонд-хенд* – школьный гардероб.

Продуктивным является переосмысление компьютерной терминологии: *база данных* – *классный журнал*, *сканировать* – *списать*, *дискета* – *учитель информатики*. В последнее десятилетие молодежный жаргон активно пополняет компьютерная лексика: метафористически переосмысленные русские слова (чайник, зависать, взломать) и многочисленные англоязычные заимствования (юзер, хаке). Другая черта молодежного жаргона – ограниченность тематики. Выделяется около десятка семантических классов наименований, внутри которых много синонимов. Это – названия частей тела (фонари, рубильник, клешни), одежды и обуви (шузы, свингера, прикид), денег (баксы, бабки, кусок, лимон), некоторых действий и состояний (вырубиться, тащиться, приколоться) и другие. Емкие, звучные, красивые слова родного языка заменяются словесной «шелухой», за которой нет содержания. Например, целый синонимический ряд слов: прекрасно, восхитительно, великолепно, замечательно, чудесно, изумительно, очаровательно –

заменяется ничего не значащими клево или классно! Этот жаргон внедряется не только в речь подростков, но и продолжает жить в речи взрослых, становится привычным, не говоря уже о более страшном явлении – повсеместном, почти узаконенном мате...

Подтверждением того, что школьный жаргон (сленг) составляет значительную часть лексикона школьников-подростков, послужил материал, полученный при проведении анкетирования среди школьников 5-7-х классов. В результате анкетирования было выявлено, что подавляющее большинство школьников-подростков употребляют в процессе общения слова и выражения, относящиеся к разряду сленгизмов. Отсюда можно сделать вывод о том, что сленг активно бытует в ученической подростковой среде и отражает речевое поведение и речевую субкультуру современного школьного языкового коллектива, причем анализ гендерного фактора позволяет утверждать, что девочки не на много отстают от мальчиков в использовании жаргонных слов.

В настоящее время, под влиянием «вульгаризации» общественной жизни, пропасть между «классической» речью и сленгом с каждым днем расширяется. Жаргон теснит культурную речь и, благодаря массовой культуре, накладывает свой отпечаток на язык всей нации. С ускорением темпа жизни и ее изменением растет словарный запас и соответственно расширяется словарь сленга. В связи с бурным ростом массовых коммуникаций в лексикон были добавлены тысячи новых слов, отразивших политические и социальные перемены. Они отражаются в средствах массовой информации и, естественно, находят свое выражение и в жаргоне, который являет собой вызов «культурной» жизни.

Надо отметить, что тематика используемых сленгизмов разнообразна. Новые реалии школьной жизни получают сленговые наименования практически одновременно с официальными псих – школьный психолог, мазюкало – штрих-корректор, ломик – фломастер. Новые реалии внешнего мира тоже находят отражение в школьном сленге: братва – учителя, киллер – классный журнал, секонд-хенд – школьный гардероб. Продуктивным является переосмысление компьютерной терминологии: база данных – классный журнал, сканировать – списать, дискета – учитель информатики.

Современные школьники-подростки в большинстве являются доминантными языковыми личностями, для них характерны такие черты, как инициатива и напористость, их основное намерение - желание повлиять на собеседника, убедить его в своей правоте, что находит отражение не только в поступках, но и в речи: «Да я тебе точно говорю. Зуб даю», «На фиг мне надо врать тебе. Это всяко так и есть», «Давай проверим, если мне не веришь. Потом еще спасибо скажешь»

Мы также можем утверждать, что школьники 10-13 лет являются мобильными языковыми личностями. Они с легкостью переключаются на общение от других своих занятий, однако, также быстро и отвлекаются. Для них характерен быстрый темп речи, а смысл важнее словесного облачения: «Да, экология у нас плохая – глобальное потепление, грязно. А вообще мы все умрем (смеется). Заводы закрыть надо. Только богачи не согласятся. Денег мало станет. Плохо будет. Прикол, смотрите, что Серега делает», К тому же школьники-подростки - это в большинстве экстраверты. Их отличает стремление к общению везде и всегда. Одними из любимых занятий, которые называли школьники, являются разговор по телефону и «тусоваться»: «Я в свободное время по телефону люблю болтать», «Мы часто перезваниваемся, болтаем по два часа», «Мы вчера там тусовались, про все договорились. Завтра приходи тоже с ними побазаришь», «Я вообще разговаривать люблю. Молчать не умею»

Зависимость речевого поведения от половой принадлежности в современной лингвистике изучена недостаточно, известны лишь отдельные, несистематизированные пока факты (Е. А. Земская, Т. И. Ерофеева). Единственное замеченное отличие состоит в том, что лексикон мальчиков отличался большим количеством индивидуальных,

единичных ассоциаций, а лексикон девочек наличием в нем в большей степени стандартных ассоциаций

В современном речевом общении (особенно в устном) довольно часто употребляется сниженная (и даже ненормативная) лексика, просторечные выражения. Просторечную лексику употребляют практически все школьники. Сознательное использование в собственной речи сниженной лексики подростки объясняют ее особыми функциями для данной группы. Во-первых, это снятие учебного напряжения, во-вторых, способ самовыражения и выделения из общей массы.

К сфере досуга можно отнести такие слова как: *видак, мафон, дискач, попса, шухерить, замочить, махаться* и др. Для слов этой группы характерно преобладание лексем, заимствованных из других жаргонов, в частности жаргона музыкантов (в меньшей степени) и неформальных групп (в большей степени). Необходимо отметить, что в последние несколько лет возросло количество лексем, перешедших из жаргонов неформальных групп в жаргон школьников. Наличие таких слов в школьном жаргоне должно вызывать наибольшую тревогу, так как является проявлением насилия на речевом уровне. Лексемы данной группы наиболее подвержены влиянию моды и являются переменным компонентом школьного жаргона.

Таким образом, самое главное в речи современных школьников-подростков - отчуждение от общепринятого языка, выделяющееся поведение и творческая самореализация. На наш взгляд, можно выделить некие общие закономерности устного общения, присущие речевому поведению большей части современных школьников. Это трансформация традиционных и выработка авторских этикетных формул, языковая игра, особые речевые способы завоевания авторитета в классе.

Вежливость не может сочетаться с агрессивным отношением к собеседнику, однако такое отношение постоянно проявляется в процессе общения современных школьников друг с другом, считается в их среде нормальной реакцией. В ситуации дружеского неофициального общения грубость и фамильярность постоянны (например, суффикс *-к-* в составе имени не имеет пренебрежительного оттенка; он считается нормой общения: *Ирка, Лерка, Ленка*) Обращает на себя внимание и все большее распространение в подростковой среде прозвищ (*Шурша, Кортни, Шейла*). Кроме того, черты фамильярного обращения школьников к учителям стали наблюдаться все чаще. Наверное, это результат копирования традиций американского общения. Особой, специфичной для современного учащегося, формой «диалога» с учителем и друг с другом являются граффити. Чаще всего это надписи на партах, адресатом которых является либо конкретный человек, либо учитель.

По нашим наблюдениям, подростки чаще всего экспериментируют с этикетными формулами в таких речевых жанрах, как приветствие, прощание, просьба, благодарность, извинение, пожелание и поздравление. Они используют и общепринятые этикетные формулы, и специально изобретенные, употребляемые только в школьном классе (нескольких классах): *Привет, как жизнь? Бьет ключом. Да, и все время по голове.* В неофициальном общении школьники чаще всего предваряют просьбу апелляцией к дружеским отношениям между коммуникантами, а в качестве формулы-просьбы используют различные устойчивые конструкции. Наиболее частотными, на наш взгляд, являются конструкции *Дай погонять что-либо; Верни на базу что-либо*

Изобретение подростками этикетных формул происходит по нескольким причинам. Во-первых, говорящим движет стремление выделиться, сделать свою речь более яркой, непохожей на других. Это достигается с помощью различных приемов языковой игры. Во-вторых, школьники постоянно спешат, поэтому для экономии времени и собственных речевых усилий изобретают такие этикетные формулы, в которых вместе с число

этикетной функцией выполняются и иные, например, передается, в зависимости от ситуации, свое настроение, состояние, особое отношение к собеседнику и др.

Для оживления процесса речевого общения учащимися используется языковая игра. Чаще всего темами общения, в процессе которого возникает языковая игра, являются события и явления, происходящие в наше время, а также учеба, культурно-исторические реалии современной жизни.

Наиболее распространенным типом реализации языковой игры в целой фразе является трансформация прецедентных высказываний. Чаще всего трансформируются цитаты из известных литературных произведений, кинофильмов, рекламных роликов, крылатые выражения, лозунги, строчки популярных песен, названия музыкальных групп и прочие. Одним из наиболее распространенных видов языковой игры в речи школьников являются шутки, основанные на искажении или распространении известных афоризмов, фразеологизмов и литературных цитат - так называемых прецедентных феноменов, например: - Нам не дано предугадать, чем двойка наша отзовется («как слово наше отзовется»... Ф.И. Тютчев) [1, С. 46]. Разновидностью каламбура является также сближение слов на основе звукового подобия, звуковой перенос: *мыло, емеля* вместо e-mail (от английского слова электронная почта). В речи учащихся встречаются примеры метатезы (перестановка звуков или слогов): *футли* – "*туфли*", *фаршик* - "*шарфик*", *рукить* - "*курить*", *сабо самой* - "*само собой*"; *девник* - "*дневник*", *кошолодка* - "*шоколадка*", *цапан* - "*пацан*" и энентезы (вставка звука или слога): *шпалера* - "*высокий, худой человек*" (от: шпала).

В речи школьников встречаются также иноязычные слова, которые, в основном, заимствованы из английского языка. Принято считать, что слова *клевый, перенсы, фигнюшка* образованы от английской основы: *клевый* от *clever* – умный; *перенсы* от *parents* – родители; *фигнюшка* от *things* – вещи. Соответственно, происхождение данных слов связано со звуковым искажением в процессе освоения данных заимствований. Интересно отметить, что некоторые иноязычные слова, давно ассимилированные русским языком, как бы заново заимствуются в другом значении (а иногда и с другим ударением) и уже в этом значении образуют дериваты: *митинг "встреча"* - *смитингнуться "встретиться"*; *ринг "телефон"* - *рингать, рингануть* - "*позвонить по телефону*", *рингушник* - "*записная книжка с номерами телефонов*"; *спич "разговор"* - *сличить, "разговаривать"*.

Употребляются в речи учащихся и англоязычные афоризмы, которые предполагают определенный уровень знания адресатом английского языка для понимания языковой игры («Без кайфа нет лайфа, хоть фейсом об тейбл!», «Ловить кайф от лайфа», «Никакого тут лайфа не хватит, чтоб создать себе кайф и уют», «Фейсом об тейбл», «Шузами по фейсу»). Графические окказионализмы в непринужденном письменном общении с использованием элементов разных языковых систем, как правило, латиницы и кириллицы - еще один прием языковой игры, используемый подростками, например: «Я NEVERnycb!», «по шучьему велеМЕН'», «molodoi», «zebra», «blazienstwo», «SPAcemie», «БОБулька» и др.

Особенностью письменной формы общения современных школьников друг с другом является переписка на различного рода поверхностях (столы в учебных классах, стены туалетов и т.д.). Граффити такого рода свидетельствуют о многом: о приоритетах в жизни подростков, об их отношении к жизни, учителям и друг к другу. На наш взгляд, эта традиция должна исчезнуть, потому что очень часто такие надписи являются свидетельством низкой общей культуры человека, оскорбляют эстетические чувства окружающих.

Интересной деталью таких надписей является то, что на столах обычно ведется переписка учащихся разных классов, в процессе которой ведется обсуждение физических

и психологических особенностей учителей и отдельных учеников (чаще всего девочек), а также выражается желание познакомиться с кем-либо (иногда даже в грубой форме) или просто высказываются собственные мысли, желания и предпочтения (*Пошли все уроки на ...*).

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод: речевой портрет современного школьника (подростка) складывается прежде всего из особенностей лексикона и особенностей речевого поведения членов данной социально-возрастной группы. Подрастающее поколение – наиболее активная часть нашего общества. Оно живо откликается на все изменения, происходящие в обществе, в том числе и на языковые, и, в свою очередь, само оказывает влияние на состояние современной речи, а значит, и на формирование языка в целом. По мнению большинства лингвистов, в речи юношества представлены доминирующие тенденции в живом языковом процессе: возникновение и аккумуляция речевых явлений, апробация новшеств, использование, сохранение или отторжение тех или иных единиц языка. Таким образом, подростки являются инициатором языковых изменений и могут влиять на дальнейшее развитие языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аниськина Н.В. Прецедентные тексты в языковом сознании старшеклассников / Н.В. Аниськина // *Возрастное коммуникативное поведение*. Воронеж: «Истоки», 2003, № 2. – С. 46
2. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М.А. Грачев. – М.: Издательство «Эксмо», 2006. –178 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
4. Крысин, Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету / Л.П.Крысин // *Литературный язык и культурная традиция*. — М., 2002. – 278 с.
5. Мамаева, С.В. Своеобразие речевой субкультуры школьника-подростка [Электронный ресурс] / С.В.Мамаева // *Электронное научное издание «Письма в Emissia Offline: электронный научно-педагогический журнал»*. ART 1123, Гос. рег. №0420700031. Режим доступа: <http://www.emissia.50g.com/offline/2007/1123.htm>. свободный, объем 0,5 п.л. – СПб., 2007.

E. V. Moiseenko

SPEECH PORTRAIT OF A MODERN SCHOOL STUDENT

The article is devoted to the actual problem of the study of the linguistic personality of a person belonging to a specific social age group. The article presents the characteristics of the lexicon and speech behavior of modern adolescent students (a set of stable formulas of communication, speech methods of gaining authority in the class, the use of jargon in speech, etc.), the concept of "speech portrait" is defined.

Key words: language personality, teenage students, speech portrait.

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «РОДНОЙ ЯЗЫК» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

В данной статье раскрывается сущность неоднозначно интерпретируемого в современном языкознании понятия «родной язык».

В современной социолингвистике существует большое количество трактовок понятия «родной язык» в понимании разных авторов. В статье рассматриваются различные дефиниции понятия «родной язык». В результате сопоставительного анализа известных нам подходов понимания категории «родной язык» мы выявили социолингвистические параметры данного понятия.

Ключевые слова: родной язык, социолингвистика, язык матери, языковой индивид, язык этноса.

В современном языкознании понятие «родной язык» имеет большое количество трактовок в понимании различных авторов.

Согласно наиболее распространённой концепции В. И. Беликова и Л. П. Крысина, родной язык – это язык, который человек усваивает с раннего детства без специального обучения, находясь в соответствующей языковой среде («первый язык»). Ребёнок может усвоить с раннего детства в той или иной мере и несколько языков. Язык, усваиваемый в ходе специального обучения или в языковой среде более старшего возраста, называется «вторым языком» (их также может быть несколько) [1, с. 75-89].

Родной язык – это тот язык, который мы слышим с раннего детства. У каждого народа он свой. Именно через язык виден колорит, диалект и характер данного народа.

Некоторые исследователи отождествляют «родной язык» с «языком матери». Такой подход, несомненно, имеет глубинную мотивацию, так как роль матери в рождении и становлении человека ни с чем не сравнима. А.М. Шахнарович считает, что как фактор идентификации личности «родной (материнский) язык» в виде определенных ритмов и речевых интонаций проявляется ещё до рождения, хоть и у ребенка, как показывает практика научных исследований, нет генетической предопределенности к конкретному языку. Начальный этап усвоения родного языка осуществляется в результате влияния родителей, методом «глаза в глаза» и не имеет аналогов в филогенезе» [6, с. 121]. Находясь ещё в утробе матери, ребенок уже слышит ее язык и воспринимает его: влияние материнской речи, колыбельных напевов – это всё имеет дальнейшее отражение на развитии ребенка.

Родной язык растворен в мировоззрении ребенка. Вот почему А.А. Потебня был сторонником обучения детей на том языке, к которому ребенок привык в семье: «Знание двух языков в раннем возрасте не есть обладание двумя системами изображения и сообщения одного и того же круга мыслей, но раздваивает этот круг и наперед затрудняет достижение цельности мирозерцания, мешает научной абстракции. Если язык школы отличен от языка семейства, то следует ожидать, что школа и домашняя жизнь не будут приведены в гармоничные отношения, но будут сталкиваться и бороться друг с другом» [4 с. 163]. Очень жаль, что на протяжении всех лет независимости в Украине игнорировался этот важнейший принцип. Никто из власть предержащих не учитывал фактор значимости

обучения ребенка на языке его семьи, языке его родителей. Политическая конъюнктура определяла раньше и определяет сейчас языковой дисбаланс в системе образования Украины.

В двуязычных языковых сообществах многие индивиды владеют более чем одним языком, в таком случае языки различаются и по порядку усвоения, и по той роли, которую они играют в жизни билингва.

Наиболее точно описал эту ситуацию Л.П. Крысин: «В отечественной социолингвистике первый усвоенный язык чаще всего называется родным языком. Но в повседневном обиходе, публицистике, а иногда и в научных работах это словосочетание часто употребляется в другом значении. Например: *Наши дети не понимают ни слова на родном языке; Горожане забывают родной язык* и т. п. В этих случаях под родным языком имеется в виду язык, специфичный для данного этноса. В таком значении, видимо, лучше использовать термин *этнический язык*» [1, с. 37].

Считается, что этническим языком эвенка всегда будет эвенкийский, но если он родился в Якутии, то его родным языком, скорее всего, будет якутский. А основным языком общения, в зависимости от рода занятий и места жительства, может оказаться русский.

Безусловно, не имеет значения на каком континенте и в какой стране родился человек, каждый индивид при этом слышит вокруг себя, мыслит и начинает говорить на одном – родном языке. Не исключено, что в дальнейшем он усвоит ещё один язык, или несколько, новых языков. Но первый усвоенный язык, чаще всего, будет называться родным.

Г.Х. Ибрагимов и К.Я. Зачесов в своей работе «О понятии «родной язык» под термином «родной язык» понимают язык, на котором человеку легче, быстрее и проще мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения», за подобным функциональным языком эти авторы предлагают закрепить термин «функционально первый язык» [2, с. 153]. Таким образом, исходя из теории Г.Х. Ибрагимова и К.Я. Зачесова, родным языком можно назвать тот язык, которым человек владеет с максимальной глубиной и полнотой, это язык, на котором индивид может выражать свои мысли без затруднений.

Если все эти подходы не фокусируются в одном языке, который одновременно является материнским языком, языком родного этноса и функционально первым языком, то понимание термина «родной язык» приобретает особое социальное и научное значение, во-первых, в связи с защитой этнического суверенитета и сохранением духовного наследия народа, во-вторых, в связи с лингводидактическими проблемами обучения в целом и обучения языкам в частности.

Довольно редко наблюдаются случаи, когда языки в двуязычном сообществе бывают равноправны. Наглядным примером этому может являться ситуация в современной Украине. В неформальной обстановке, в общественной жизни, в профессиональной деятельности, в общении с друзьями и членами семьи человек может использовать разные языки. При этом использование одного языка часто преобладает, и в таком случае говорят об основном (доминирующем языке), тогда остальные языки, известные индивиду, приобретают статус дополнительных языков – к ним коммуникант прибегает реже, чем к основному, или в социально менее значимых ситуациях. Часто основным языком – это тот язык, на котором осуществляется межэтническая коммуникация между индивидами. Но даже и в этнически однородной коммуникативной среде функции основного языка может выполнять не родной, а второй язык.

По тому, как индивид приобретает языковые навыки, «языки подразделяются на *усвоенные в живом общении* (родным языком человек овладевает именно так) и *выученные*, те, которые индивид специально изучал в школе или самостоятельно».

В англоязычной социолингвистике подобная терминология более устойчива: первый по порядку усвоения язык называется *flrst language*, а любой усвоенный после него – *second language*; коммуникативно наиболее важный язык – *primary language*, а более ограниченный в использовании – *secondary language*. В англоязычной науке *second language acquisition* (в живом общении) противопоставляется *language learning* (через специальное изучение). *Second language acquisition* (усвоение второго языка) – отдельная языковедческая дисциплина на стыке психо- и социолингвистики [1, с. 38-41].

Таким образом мы рассмотрели большое количество трактовок понятия «родной язык» в понимании различных авторов. Нам удалось выяснить, что учёные рассматривают данный вопрос с разных точек зрения, и единого мнения о содержании понятия «родной язык» в современном языкознании на данный момент не существует.

Итак, мы считаем, что есть все основания определить родной язык как язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте. Из этого следует, что родных языков может быть более одного. Всякий язык, которым индивид овладел после родного, следует считать вторым языком. Конечно, при таком определении вторых языков может оказаться несколько. Отличать второй по порядку овладения язык от третьего (иногда и последующих), как правило, нет нужды, поскольку функции неродных языков, степень владения ими мало зависят от порядка, в котором индивид начал их использовать.

Реалии современной языковой и политической ситуаций требуют уточнить содержание понятия «родной язык» и закрепить его на законодательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социолингвистика. Учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М., Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2010. – 315 с.
2. Ибрагимов, Г. Х., Зачесов, К. Я. О понятии «родной язык»/ Г. Х. Ибрагимов, К. Я. Зачесов // РЯНШ. – 2014. – №8. – С. 23 – 31.
3. Карасик В. И. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2013. – С. 75 – 80.
4. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К., СИЭНТО, 2015. – 192 с.
5. Шахнарович А. М. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи – А. М. Шахнарович. – М., Наука, 2013. – 239 с.

K.A.Gorbacheva

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF "NATIVE LANGUAGE" IN MODERN SOCIO-LINGUISTICS

This article reveals the essence of the concept of "native language" which is ambiguously interpreted in modern linguistics.

In modern sociolinguistics there are a large number of interpretations of the concept of "native language" in the understanding of different authors. The article discusses the various definitions of the concept of "native language". As a result of a comparative analysis of the approaches known to us to understand the category of "native language", we identified the sociolinguistic parameters of this concept.

Key words: *native language, sociolinguistics, mother language, language individual, language of ethnos.*

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология и стилистика

Т.В. Епифанова (ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Тюремные аббревиатуры в речи современного социума	4
И.Э. Крылова (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») К вопросу об основных типах фразеологических единиц в современном русском языкознании	7
П.А. Лебедева (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет») Языковые средства выражения оценки в раскрытии образов Настасьи Филипповны и Аглаи (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот»)	11
А.С. Мазурова (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Типология прецедентных феноменов в прессе Донецка	16
П.Д. Миняева (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Аспекты изучения категории личности/безличности в грамматике	22
Т.А. Показанникова (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Англоязычные неологизмы в современном русском языке (на материале заголовков сайта pravda.ru)	29
А.А. Шаповал (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Лексико-семантическая стратификация современного компьютерного сленга	35
А.Д. Шацкая (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет») Текст креолизованных мемов как отражение эмоций	42
К.В. Васильковская (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Структурно-семантические группы англо-американизмов в интернет-коммуникации	49
А.Р. Величко (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Трансформация фразеологизма как способ языковой игры в газетном заголовке	56
А.В. Емельяненко (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Русский комикс: от истоков до современности	63
Н.В. Гладкая (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Мемы в	71

системе креолизованных текстов интернет-дискурса

- С.А. Оклей** (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Механизмы языковой интолерантности в сказках Х.К. Андерсена 77
- А.И. Протазюк** (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Инвективные стратегии в современном медиадискурсе 82
- В.А. Тытюк** (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Речевая агрессия в современном молодежном сленге (на материале сленга учащихся в ГУ ЛНР «ЛОУСОШ № 55 имени К.К.Рокоссовского») 85
- В.Ю.Цуканова** (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Прагмалингвистические особенности интернет-общения 89

Дискурсология и генристика

- Д.В. Черникова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Языковая личность студента-филолога 92
- Ю.П. Брайловская** (ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Владимира Даля») Лексико-семантическая структура гидронимов Луганщины 97
- М.М. Голикова** (НИУ «Белгородский государственный университет») Использование современных технологий при подготовке двуязычного фразеологического словаря 101
- А.В. Грицаенко** (ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет») Названия болезней в донских говорах: уникальное и междиалектное 107
- А.Е. Жуков** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Принципы описания неофициальной урбанонимии города: лексикографический аспект 114
- Е.А. Дмитрова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Структурно-семантическая классификация гидронимов Буденновского 118

района города Донецка

Т.А. Кадола (АНО ВО «Российский новый университет») Применение аутентичных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере кулинарных рецептов) 123

А.Ю. Ожедрянова (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Т.Г.Шевченко») Концепт «Россия» как часть языковой картины «Русского мира» 129

Т.Д. Лучинская (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Ассоциативное поле глаголов межличностных отношений любить, проявлять, знакомиться и приручать (по результатам направленного ассоциативного эксперимента в разных возрастных группах) 135

Е.В. Моисеенко (ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») Речевой портрет современного школьника 144

К.А. Горбачева (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко») О содержании понятия «родной язык» в современной социолингвистике 150

CONTENTS

Lexicology and Stylistics

T.V. Epifanova Prison abbreviations in the speech of modern society 4

I.E. Krylova To the question of the basic types of phraseological units in modern russian language knowledge 7

P.A. Lebedeva Language means of expression of evaluation the disclosure of images of Nastasya Filippovna and Aglaia (Based on the novel F. M. Dostoevsky "IDIOT») 11

A.S.Mazurova Typology of precedent phenomena in the press of Donetsk 16

P.D. Miniaieva Studying aspects of personality/impersonality category in grammar	22
T.A.Pokazannikova English languages in modern russian language (on the material of the heading pravda.ru site)	29
A.A. Shapoval Lexical-semantic stratification of modern computer slang	35
A. D. Shatskaya A creolized text of the meme as a reflection of emotions	42
K.V. Vasilkovskaya Structural-semantic groups anglo-americanisms in the internet communication	49
A. R. Velichko Transformation of phraseological unit as a way of language play in a newspaper headline	56
A.V. Yemelyanenko Russian comics: ab origine down to our days	63
N. V. Gladkaya Memes in the system of creolized internet discourse texts	71
S.A. Okley Mechanisms of language intolerance in fairy tales H.K. Andersen	77
A.I. Protazyuk Innovative strategies in modern media discourse	82
V.A. Tytyuk Verbal aggression in modern youth slope (on the material of sleng of students in GU LNR “LOUSH № 55 named after K.K. Rokossovsky”)	85
V.Ju. Tsukanova Pragmalinguistic features internet communications	89

Discourse and Genristics

D.V. Chernikova Language personality of a student-philologist	92
Ju.P. B.Brajlovs kaya Lexical-semantic meaning of hydronymns of Lugansk region	97
M.M. Golikova The use of modern technology in the preparation of a bilingual phraseological dictionary	101
A.V. Gritsaenko Nomination of diseases in the don dialects: unique and interdialect	107
A.E. Zhukov Principles of describing the informal urbanism of the city: the lexicographic aspect	114
E. A. Dmitrova Structural and semantic classification of godonyms of Budennovsky district of Donetsk	118
T.A. Kadolo The use of authentic texts at the lessons of russian as a foreign language (on the material cooking recipes)	123
A.Y.Ozhedryanova The concept of “Russia” as a part of the linguistic world image of “Russian world”	129
T. D. Luchinskaya The association field of the interpersonal relationships verbs to love, to show, to meet and to tame (according to the results of directed association experiment in different age groups)	135
E.V. Moiseenko Speech portrait of a modern school student	144
K.A.Gorbacheva The content of the concept of "native language" in modern sociolinguistics	150

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

В структуре публикации необходимо предусмотреть: а) формулировку проблемы в общем виде; б) показ её связи с актуальными научными и практическими задачами; в) лаконичную оценку основополагающих работ в данной области; г) определение целей и задач исследования; д) изложение основного материала с обоснованием полученных результатов. Выводы должны содержать мнение автора о перспективах дальнейшего исследования.

За точность изложенных фактов, цитат и ссылок несут ответственность авторы.

1. Для статьи необходима полная информация об авторе: фамилия, имя, отчество, курс, специальность, контактный телефон, фамилия научного руководителя с указанием должности и звания. Данная информация отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru) **отдельным файлом** по прилагаемой ниже форме в виде файла в формате rtf (название файла должно соответствовать фамилии автора, например: ivanov_zayavka.rtf):

Фамилия, имя, отчество

Для студентов и аспирантов

Место учебы

Курс

Научный руководитель

Для молодых ученых

Место работы,

Должность

Ученая степень (если есть)

Ученое звание (если есть)

Научный руководитель (если есть)

Для всех

Название доклада

Домашний адрес с указанием почтового индекса

Телефон, E-mail

2. В отдельном файле подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**.

Образец:

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

3. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае

отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6-8 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."..."»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
 - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:
 - е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.

2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.

4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд.. филолог, наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.

5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

4. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

- текст аннотации на английском языке (12 кегль)

- ключевые слова (курсив).

Образец оформления статьи:

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepistems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.